Specimina Philologiae Slavicae · Supplementband 5

(eBook - Digi20-Retro)

Johann Biedermann (Hrsg.)

Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806 – 1812

Teil 2

The Universal Grammars of I. Rižskij, Char'kov 1806, N. Jazvickij, SPb. 1810, I. Timkovskij, Char'kov 1811, L.G. Jakob, SPb. 1812

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“
der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

http://verlag.kubon-sagner.de

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von
Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof

Supplementband 5

Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806 - 1812

Edited in three volumes
by
J. Biedermann and G. Freidhof

Volume II

The Universal Grammars
of

I. Rižskij, Char'kov 18o6
N. Jazvickij, SPb. 181o
I. Timkovskij, Char'kov 1811
L.G. Jakob, SPb. 1812

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

1984

ISBN 3-87690-294-0

Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Görich & Weiershäuser, 3550 Marburg/L.

00050329

Contents

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ КРУГЪ
СЛОВЕСНОСТИ,

сочиненное

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ, и служившее руководствомъ бывшихъ въ ономъ 1805го года публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
въ Университетской Типографіи.
1806 года.

Съ одобренїя цензурнаго Комитета учрежденнаго для округа Императорскаго Харьковскаго Университета.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

И САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

АЛЕКСАНДРУ I.

Высочайшему Покровителю

Наукъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Щастливое потомство, которому опредѣлено Промысломъ узрѣть величественное въ полной мѣрѣ исполненіе священныхъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА предпріятій, со славою отличныхъ дѣяній соединить славу просвѣщенія въ рожденномъ къ величію Россіанинѣ, со благоговѣніемъ повѣдаетъ и свое блаженство, и АВГУСТѢЙШАГО ВИНОВНИКА онаго. Бытописанія и памятники предадутъ вѣчности безсмертное имя АЛЕКСАНДРА I.

Между тѣмъ современникъ сихъ именитыхъ начинаній, въ упоеніи восторга предвидящій благотворное ихъ событіе, не ужели долженъ пребыть токмо изумленнымъ и остаться безмолвнымъ?

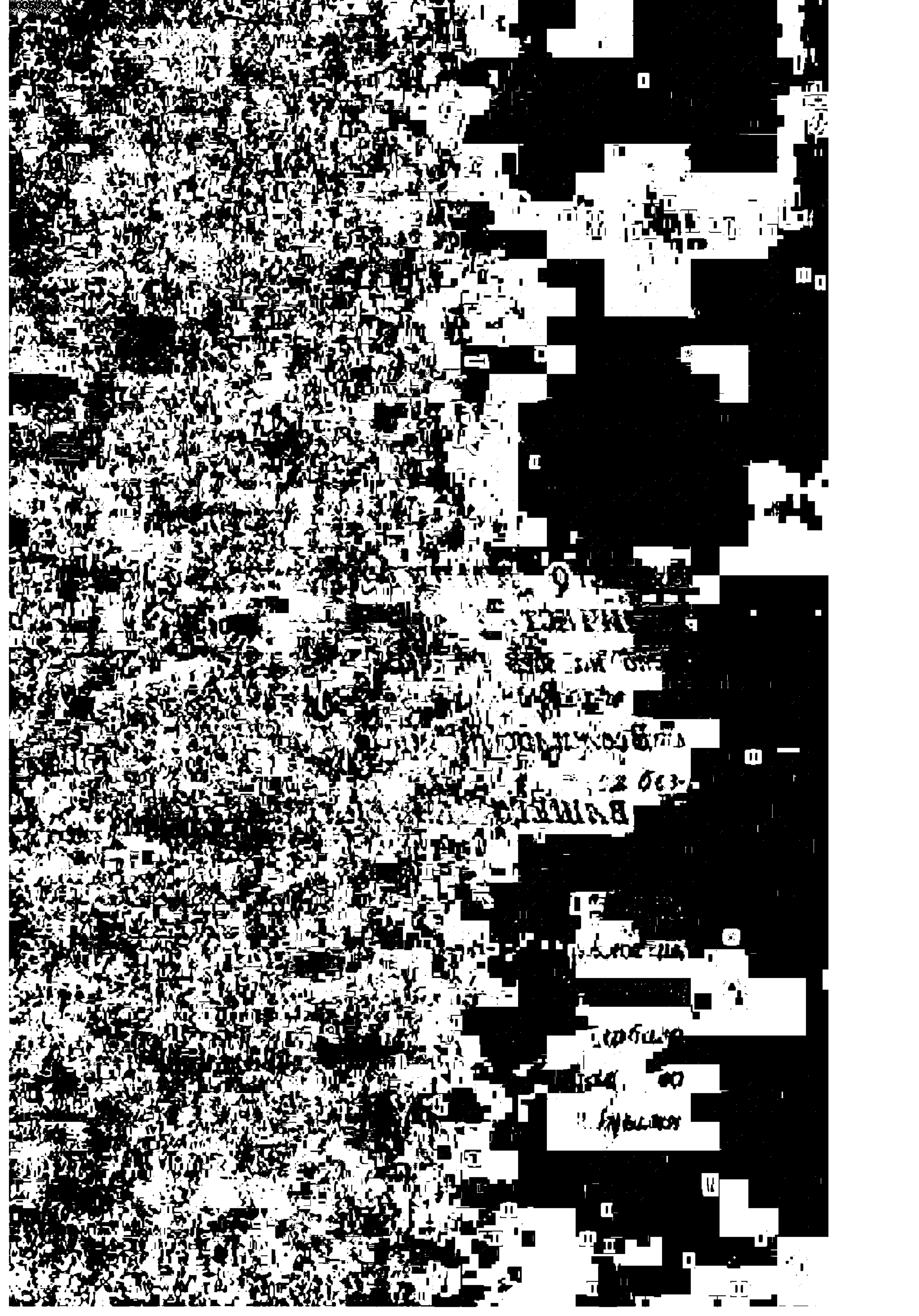
Исполненный сихъ святѣйшихъ чувствованій, приемлю смѣлость всеподданнѣйше изъявить оныя симъ ничтожнымъ приношеніемъ слабаго первенца, получившаго бытіе во святилищѣ наукъ, богоподобными

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА щедротами основанномъ на югѣ Россіи.

Всемилостивѣйшій Государь!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданнѣйшій
Иванъ Рижскій.

ОБОЗРѢНІЕ

содержанія сего сочиненія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

стран.

ВВЕДЕНІЕ
въ кругъ
СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
объ
ИЗЯЩНЫХЪ НАУКАХЪ.

§ 1.

Общее понятіе о произхожденіи наукъ.

Дарованія и склонности человѣка, оставаяся въ томъ состояніи, въ какомъ онъ получаетъ ихъ изъ рукъ природы, не токмо не достаточны для того, чтобы сдѣлать его щастливымъ, но даже отводятъ его иногда отъ сей цѣли его бытія. Первый шагъ, сдѣланный за предѣлы сего состоянія, состоитъ въ томъ, что примѣченъ сей недостатокъ; а вторый, весьма

трудный, долговременный и раздѣляющійся на многіе періоды, что съискиваемы были средства усовершить природныя дарованія, а вмѣстѣ и естественное состояніе человѣка. Тотъ и другой подвигъ былъ произведеніемъ людей одаренныхъ отличнымъ умомъ и высшей степени самолюбіемъ. Сіи качества служили имъ побужденіемъ вникать во все, что имѣетъ втеченіе въ состояніе человѣка. Такимъ образомъ родилося множество частныхъ опытовъ и наблюденій, изъ сличенія коихъ выведены общія истинны. Сіи послѣднія не имѣли съ начала ни какаго порядка, тѣмъ менѣе связи; но послѣ другими остроумнѣйшими людьми раздѣлены на разныя отдѣленія, сообразно разнымъ родамъ вещей, до которыхъ онѣ касаются. Изъ каждаго такаго отдѣленія общихъ истиннъ произошла особенная наука (scientia, science).

§ 2.

О чувствительности, изящномъ, вкусѣ, и Естетикѣ.

Кромѣ дарованій, которыя даны человѣку для пріобрѣтенія познанія, онъ имѣетъ еще такую врожденную

способность, отъ удовлетворенія коей зависитъ внутреннее и существенное его благосостояніе. Сія способность есть чувствительность души, то есть, природное оной разположеніе ощущать удовольствія и наслажденія. Предметы, которые бываютъ причиною ихъ, должны быть преимущественно совершенны каждый въ своемъ родѣ. Все, что въ такой степени совершенно, что сильно дѣйствуетъ на чувствительность, и, какъ говоритъ Жерардъ, совершенно занимаетъ собою душу, останавливая прочія ея упражненія, называется изящнымъ (beau), или изящною природою (belle nature). Когда оно бываетъ въ вещественныхъ произведеніяхъ естества; то называется существеннымъ (réel), или чувственнымъ; когда же въ произведеніяхъ ума или нравственности человѣка, умственнымъ (idéal) и нравственнымъ (moral). Живое изображеніе чувственнаго, или какъ умственнаго, такъ и нравственнаго. изящества, называется изящнымъ подражанія (beau de l'imitation). Оно бываетъ даже тогда, когда не токмо самые обыкновенные, но самые низкіе и отвратительные предметы будутъ из-

ображены съ точнѣйшею вѣрностію. Способность ощущать скоро и правильно впечатлѣнія, производимыя въ душѣ изящнымъ всякаго рода, есть вкусъ; а наука, которая изьясняетъ существо изящнаго и вкуса, называется Естетикою.

§ 3.

О произхожденіи и сущности изящныхъ художествъ и наукъ.

Способность чувствовать впечатлѣнія изящнаго необходима для успѣха въ изящныхъ наукахъ, но она не составляетъ еще самаго успѣха. Разобрать (analyser) подлинникъ, которому хотимъ подражать, не есть самое подражаніе. Точно такъ успѣхи въ изящныхъ наукахъ состоятъ въ нѣкоторомъ исполненіи (praxi), то есть, въ искуствѣ собственныя чувствованія, произведенныя изящнымъ, родить въ душѣ другаго. Когда изящное и производимыя имъ впечатлѣнія бываютъ изображаемы какими нибудь другими, кромѣ словъ, средствами, на примѣръ, красками, образованіемъ металла, мрамора, звуками человѣческими, или какихъ либо орудій, и проч. то сего ро-

да искуства называются изящными художествами (beaux arts); когда же посредствомъ слова, изящными, или словесными, науками (belles lettres). И такъ изящныя художества и науки, будучи различны между собою въ разсужденiи только способовъ, какими тѣ и другiя выражаютъ изящную природу, во всемъ прочемъ сходствуютъ. У нихъ одинъ подлинникъ, то есть, изящное; и одна цѣль, то есть, живо изобразить оное. По сей причинѣ какъ художественныя произведенiя могутъ быть источникомъ, изъ котораго изящныя науки могутъ почерпать свое богатство, такъ и обратно. Пусть выразитъ музыка описанiе пѣнiя соловья, извѣстное всѣмъ произведенiе Г. Ломоносова: различiе будетъ только въ томъ, что у Г. Ломоносова употреблены къ сему слова, а у музыканта звуки орудiя.

§ 4.

О втеченiи другихъ наукъ въ изящныя.

Чѣмъ яснѣе и подробнѣе представляемъ себѣ изящное какаго нибудь рода, тѣмъ сильнѣе бываютъ въ насъ его

впечатлѣнія, и слѣдственно тѣмъ живѣе можемъ изобразить его словомъ. Но чтобы войти во всю подробность какаго нибудь изящества; чтобы представить раздѣльно части онаго, ихъ соотвѣтствіе, соразмѣрность, связь, общую и частныя цѣли; весьма часто необходимо бываетъ вспомоществованіе другихъ наукъ, занимающихся тѣмъ родомъ вещей, къ которому принадлежитъ изящное. Какимъ образомъ изъясните вы себѣ и другому удивительную картину того дѣйствія, какое производятъ въ нашемъ глазѣ лучи свѣта; естьли не прибѣгнете для изтолкованія сего явленія къ Оптикѣ и Анатоміи? Отъ того сладость словесности какъ бы растворяется, и приправляется понятіями и истиннами, принадлежащими другимъ, особливо Философскимъ наукамъ, и придающими произведеніямъ словесности нѣкоторый мужественный видъ. Съ другой стороны не прерывное занятіе чувствительности дѣлается скучнымъ, поелику единообразно; тягостнымъ, поелику своею живостію утомляетъ духъ. А по сему перемѣна упражненій пріятна; и при томъ тѣмъ болѣе, что она удовлетворяетъ врожденному нашему любопытству;

то есть, не побѣдимому желанію нашей души видѣть себя въ кругѣ новыхъ обстоятельствъ.

§ 5.

О втеченіи словесныхъ наукъ въ другія.

Словесность со своей стороны есть языкъ, и при томъ привлекательный, прочихъ наукъ. Отвлеченныя и высокія истинны, преподаваемыя послѣдними, дѣлаются наконецъ тягостными и скучными, по причинѣ великаго, какаго онѣ требуютъ, напряженія мыслей. Тогда польза, которую обѣщаетъ познаніе ихъ, начинаетъ терять у насъ свою цѣну. Словесность приходитъ въ помощь: она къ побужденію пользы придаетъ побужденіе удовольствія, изображая своимъ образомъ произведенія высокаго ума: и тогда мы вооружаемся противу всякаго препятствія. Словесность дѣлаетъ еще болѣе: она единственно сохраняетъ и предаетъ вѣчности успѣхи другихъ наукъ. Кто зналъ бы нынѣ о мореплаваніяхъ Финикіанъ, о изобрѣтеніяхъ Архимеда; естьли бы словесность древнихъ Грековъ о томъ умолчала?

§ 6.

Сличеніе другихъ наукъ съ изящными.

Сличимъ теперь прочія науки съ изящными. Первыя имѣютъ предметомъ изслѣдованія все, что есть во вселенной; послѣднія одну изящную природу: первыя часто внушаютъ человѣку, что онъ въ мірѣ есть нѣчто величественное, когда онъ посредствомъ ихъ, измѣряетъ небеса и теченіе свѣтилъ, возносится на высоту воздуха, и проницаетъ во внутренности первородныхъ горъ и земли; послѣднія, доставляя намъ удовольствія, тѣмъ самимъ удовлетворяютъ врожденному самолюбію нашему, и слѣдственно одной изъ необходимостей нашего благосостоянія: онѣ, совершенно исполняя душу восторгами, преселяютъ, такъ сказать, чувство нашего бытія въ тѣ наслажденія, какія намъ приносятъ. Прочія науки въ своихъ заключеніяхъ бываютъ иногда сами съ собою не согласны, отъ вліянія частныхъ предразсудковъ и разнаго способа умствованія; изящныя въ своемъ существѣ всегда и вездѣ одинаковы; отъ того что

ихъ подлинникъ, то есть, изящное, никогда и нигдѣ не измѣняется. Гомеръ и Виргилій суть стихотворцы всѣхъ вѣковъ и народовъ; Демосѳенъ и Цицеронъ такаго же рода витіи. Частныя и временныя заблужденія вкуса суть изключенія, не заслуживающія большаго вниманія. Наконецъ, произведенія прочихъ наукъ, то есть, отличныхъ умомъ, при всемъ ихъ высокомъ достоинствѣ, занимаютъ собою малое число такихъ же умовъ; поелику однимъ имъ бываютъ понятны. Невтоновы вычисленія возхищаютъ однихъ Невтоновъ; Моцартовы творенія однихъ Моцартовъ. Напротивъ сего творенія словесности, особливо писанныя въ златомъ вѣкѣ языка къ тому употребленнаго, находятся въ рукахъ всѣхъ, кто токмо имѣетъ склонность къ упражненіямъ ума; поелику удобопонятны всѣмъ.

§ 7.

О втеченіи изящныхъ наукъ во нравы.

Драгоцѣннѣе всего тѣ впечатлѣнія, которыя дѣлаютъ во нравахъ из-

ящныя науки. Навыкъ, приобрѣтаемый упражненіемъ въ нихъ, живо чувствовать, дѣлаетъ человѣка чувствительнымъ, сострадательнымъ къ ближнему, и слѣдственно благотворительнымъ: наслажденія, какія онъ находитъ въ созерцаніи порядка природы, раждаютъ въ немъ желаніе соблюдать порядокъ въ собственныхъ дѣяніяхъ: проницающій душу восторгъ, производимый высокою добродѣтелію другаго, возпламеняетъ его самолюбіе, и заставляетъ его желать быть самому подобнымъ образцемъ для другихъ: хладъ, разливаемый во всѣхъ его жилахъ не обыкновеннымъ порокомъ другаго, рождаетъ въ немъ мучительное отвращеніе къ собственнымъ порокамъ, естьли онъ ихъ имѣетъ: нѣжность чувствованія, содѣлавшаяся не измѣняемымъ качествомъ его души, заставляетъ его ненавидѣть всякій жестокій, грубый, оскорбляющій ближняго поступокъ; иначе человѣкъ, при всѣхъ отличныхъ успѣхахъ въ изящныхъ наукахъ, развращенный, не чувствительный, и даже жестокосердый, противорѣчилъ бы самъ себѣ.

§ 8.

О втеченіи изящныхъ наукъ въ первоначальныя познанія и въ дарованія.

Изящныя науки имѣютъ также благодѣтельное вліяніе на первоначальный ходъ познанія и дарованій младаго человѣка. Онѣ раздробляютъ въ его умѣ понятія, которыя безъ того бываютъ по большой части слитны; онѣ не чувствительно распространяютъ оныхъ кругъ, который безъ ихъ помощи обыкновенно бываетъ весьма тѣсенъ; онѣ сообщаютъ ему понятія важнѣйшія и полезнѣйшія, вмѣсто обыкновенныхъ и ничего не значащихъ, какія онъ имѣетъ; онѣ, такъ сказать, дополняютъ и довершаютъ начатыя только, но часто не доконченныя, и дѣлаютъ точными и основательными поверхностныя его свѣденія; онѣ наконецъ сообщаютъ дарованіямъ дѣятельность и отличную способность къ занятіямъ, соотвѣтствующимъ каждому изъ оныхъ; воображенію, не рѣдко томному, пылкость и живость; памяти оборотливость, вниманію замѣчательность, разуму остроту, разсужденію основа-

тельность, уму дальновидность; не говоря о томъ, что онѣ приводятъ человѣка въ состояніе изъяснять свои мысли всегда безъ затрудненія, точно и пріятно, что необходимо во всѣхъ родахъ службы, въ свѣтскомъ обращеніи, и другихъ многочисленныхъ отношеніяхъ, неизбѣжныхъ въ общежитіи.

§ 9.

О втеченіи изящныхъ наукъ во вкусъ вообще.

Другое еще изящныхъ наукъ благодѣяніе есть то, что онѣ образуя и изощряя вкусъ, разпространяютъ его втеченіе во всѣ другія упражненія, имѣющія своимъ основаніемъ оный; въ занятія ума, во нравственныя дѣянія, въ образъ и пріятности жизни, въ цѣль воспитанія, и проч. Ибо не естественно, чтобы сердце, пріученное оными науками чувствовать въ полной мѣрѣ изящество предметовъ, коими онѣ занимаются, могло терпѣливо сносить несовершенства и безпорядокъ во всемъ, что собственно до него касается.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
О
ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ СЛОВѢ.

§ 10.

О качествахъ слова, занимающихъ Философа.

Дарованіе слова, будучи орудіемъ изящныхъ наукъ и вмѣстѣ отголоскомъ мыслящей и чувствующей души, занимаетъ собою не менѣе витію, сколько и Философа. Тотъ находитъ въ немъ столько красиваго и пріятнаго, что посредствомъ его повелѣваетъ душею другаго; сей столько изящнаго и удивительнаго, что чѣмъ болѣе вникаетъ, тѣмъ болѣе поражается его умъ. Можетъ ли онъ, на примѣръ, безъ восторга представить себѣ съ одной стороны хитрое устроеніе орудія слова, съ другой отличное предназначеніе, безконечныя и безцѣнныя онаго пользы? Коль разнородны чле-

ны, составляющіе сіе орудіе! Коль различнымъ въ разсужденіи образованія 1) и степени напряженія, 2) но въ тоже время коль единообразиымъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, при всей не постижимой скорости, съ какою мы говоримъ, оно дѣлаетъ движеніе изходящаго изъ насъ воздуха, рождая чрезъ то разнообразные звуки, сіи не раздѣлимыя части нашего слова! Кто изъяснитъ намъ оную таинственную связь между словомъ и мыслію, посредствомъ которой оно, будучи само нѣчто вещественное, дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ такими же измѣненія нашей души, толь сокрытыя отъ чувствъ, толь удаленныя отъ

---

1) *Иной издаваемый человѣкомъ звукъ есть подобіе свиста, (с. з.); иной шипенія, (ш.); иной тупаго, (т.), другой яркаго и разительнаго звука, (р.), и проч. О семъ подробнѣе сказано будетъ еще ниже.*

2) *На семъ основано раздѣленіе буквъ, то есть, звуковъ, производимыхъ однимъ членомъ орудія слова, на мягкія и твердыя, на примѣръ, Б и П: Д и Т: С и З: и проч.*

всего вещественнаго, и толь мало нами постижимыя, что для изображенія ихъ по сіе время мы не имѣемъ еще собственныхъ словъ? Съ другой стороны высочайшимъ Умомъ предопредѣлено, дабы дарованіе слова между прочимъ было чертою между всѣми животными и человѣкомъ; было однимъ изъ самыхъ необходимыхъ орудій взаимныхъ связей, составляющихъ общежитіе, наукъ и познаній, благотворящихъ нашему бытію, приятностей жизни, доведенныхъ до толикаго множества, что остается токмо нашему вкусу избирать изъ нихъ изящнѣйшія. Безъ сей удивительной способности человѣкъ не имѣлъ бы толь удобнаго способа сообщать подобнымъ себѣ безчисленныя понятія и соображенія; и такимъ образомъ будучи лишенъ средствъ, какъ раздѣлять съ умами другихъ то, что онъ самъ могъ постигнуть, такъ и присвоять себѣ то, до чего дошли проницательность и тщаніе другихъ; слѣдственно будучи единственнымъ началомъ и предѣломъ всѣхъ своихъ познаній, оставался бы всегда съ сей стороны младенцемъ, и посреди многочисленнаго общества жилъ бы въ состояніи, такъ сказать, единачества.

3) Между тѣмъ коль восхитительныхъ мы были бы лишены наслажденій жизни, или лучше сказать, коль не изъяснимому подлежали бы часто томленію, не имѣя средства переливать въ сердце другаго свои приятныя и огорчительныя чувствія, и открывать по произволенію свои намѣренія и желанія! 4)

§ 11.

О качествахъ слова занимающихъ витїю.

Толь великая необходимость, какую мы имѣемъ во всѣхъ отноше-

---

3) *Не будь, говоритъ Дидеротъ, двухъ постановленій, изъ коихъ однимъ наши понятїя соединены со словами, а другимъ слова съ письменами; то бы все оставалося сокровеннымъ, и умирало внутри человѣка.*

4) *Естьли бы человѣкъ, говоритъ Аббатъ Сикаръ, не имѣлъ способности представлять въ умѣ окружающїе его предметы; то для него все бы равно было, существуютъ ли онѣ, или нѣтъ. Дополнимъ сїе, что ког-*

ніяхъ къ подобнымъ себѣ въ дарованіи слова, побудила природу снабдить насъ легчайшими способами научиться употребленію слова. Нужда и примѣры доводятъ насъ до того, что удовлетворяемъ безчисленнымъ сего рода потребностямъ. Различіе только въ томъ, что большая изъ насъ половина остается навсегда воспитанниками одного навыка, то есть, такъ равнодушными въ разсужденіи своего слова, что никогда о немъ не думаетъ; а еще менѣе о томъ, что ихъ изъясненія часто бываютъ исполнены погрѣшностей всякаго рода. Но естьли, по признанію всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и самаго разума, знать исправно и правильно свой языкъ, есть одинъ изъ первыхъ и существенныхъ предметовъ благонамѣреннаго воспитанія гражданина; то въ какой степени подлежитъ сей обязанности витія, котораго весь успѣхъ, все торжество зависитъ отъ иску-

---

да бы человѣкъ не имѣлъ дарованія сообщать другимъ свои понятія, то для него почти все бы равно было, имѣть ихъ, или не имѣть.

ства его въ разсужденіи слова? Посредствомъ слова онъ повелѣваетъ вoображеніемъ, сердцемъ, даже умомъ другаго. Послѣ сего излишне говорить о томъ, что сіе искуство его состоитъ не въ томъ только, чтобы сохранять вездѣ правила и свойства употребляемаго языка. Нѣтъ: онъ достигаетъ своей цѣли гораздо высшимъ и пространнѣйшимъ знаніемъ слова: онъ обращаетъ въ свою пользу все, что умъ человѣческій, который послѣ удовлетворенія необходимости обыкновенно занимается удовлетвореніемъ врожденному желанію удовольствій, давно уже открылъ въ нашемъ словѣ, чѣмъ оно вливаетъ въ душу другаго тотъ тонкій, подобный електрическому, огонь, который обьемлетъ, проницаетъ, потрясаетъ ее. Справедливо, что сей огнь не родится въ нашемъ словѣ: но оно есть проводникъ, впивающій въ себя восторгъ нашей, и переливающій его въ душу другаго, Оно паритъ вмѣстѣ съ возносящеюся мыслію; течетъ пламенною струею изъ горящаго страстію сердца; вьется подобно цвѣточнымъ сплетеніямъ, когда бываетъ языкомъ нѣжныхъ, услаждающихъ чувствованій: и съ точностію выражая что

либо величественное, изумляетъ слушающаго; изьясняяся живо и сильно, поражаетъ его чувствительность; превращаяся въ живописныя изображенія изящнаго, возхищаетъ его воображеніе. И такъ витія долженъ быть въ состояніи тѣмъ, что оно имѣетъ приятнаго, возхищать; тѣмъ, что имѣетъ величественнаго, изумлять; тѣмъ, что въ немъ есть дѣйствующее на чувствительность, трогать. Однимъ словомъ, онъ долженъ быть толь силенъ и свѣдущъ въ искуствѣ слова, что бы могъ по своей волѣ всегда разполагать и повелѣвать имъ; и пользуясь всегда пристойно, умѣренно всѣми его преимуществами, даже скрывать искусно, естьли оно имѣетъ какіе недостатки. Какихъ же можетъ онъ ожидать тогда успѣховъ, и даже какое подастъ о себѣ мнѣніе, когда просвѣщенный и внимательный читатель примѣтитъ въ его словѣ скудость, слабость, низкость, неравность, грубость употребляемаго имъ языка, который впрочемъ естественно богатъ, силенъ, высокъ, плавенъ, нѣженъ?

§ 12.

Качества слова, занимающія витію, суть исторія, правила онаго, и преимущественныя качества нѣкоторыхъ языковъ.

Двѣ показанныя обязанности витіи, то есть, знаніе правилъ и господствующихъ преимуществъ и недостатковъ употребляемаго имъ слова, гораздо обширнѣе, нежели какими онѣ кажутся съ перваго раза. Слѣдовать принятымъ отъ цѣлаго народа правиламъ довольно для всякаго благовоспитаннаго гражданина, но не довольно для посвятившаго себя словесности. Сей долженъ сквозь множество оныхъ произвольныхъ постановленій народа видѣть ихъ основанія, содержащіяся въ самомъ естествѣ человѣческаго слова; дабы на сихъ общихъ и природныхъ онаго качествахъ утверждаться въ своихъ сужденіяхъ о частныхъ и случайныхъ его свойствахъ. Что касается до отличительныхъ языка преимуществъ; то нѣтъ сомнѣнія, что ихъ познаніе приобрѣтается долговременнымъ и благоразумнымъ чтеніемъ употреблявшихъ его лучшихъ

писателей 1) и здравыми при томъ разсужденіями. Сличеніе между собою оныхъ образцевъ при природномъ, укрѣпленномъ посредствомъ навыка, смыслѣ покажутъ со временемъ надежное средство къ безошибочнымъ умозаключеніямъ сего рода. Но и то и другое бываетъ соединено,

---

1) *То есть, превосходныхъ витій, историковъ и стихотворцевъ. Они обогатятъ примѣрами изяществъ языка, и на случай надобности будутъ служить вѣрнымъ словарелѣ въ разсужденіи знаменованія, точности, соразмѣрности, сходства и противоположенія реченій, также искуства ихъ соединять, размѣщать и возвышать одно посредствомъ другаго. А безъ сего пособія упражняющійся въ словесности часто найдетъ себя не въ состояніи достаточно изобразить едва чувствительное, но судя по его намѣренію важное отличіе мысли, или чувствованія; и употребивъ слабыя, не точныя выраженія, пожертвовать нѣкоторою частію изящества и силы самой мысли, или прибѣгнуть къ иностраннымъ словамъ.*

особливо въ началѣ, съ продолжительностію и не совершеннымъ довѣріемъ къ своимъ умствованіямъ. По сей причинѣ кто хочетъ быть всегда справедливымъ, всегда рѣшительнымъ въ такихъ случаяхъ судіею: тотъ великое найдетъ для сего пособіе, когда предварительно узнаетъ самые източники какъ отличныхъ свойствъ, такъ и самыхъ правилъ человѣческаго слова; то есть, узнаетъ замѣчательныя произшествія, касающіяся произхожденія, успѣховъ, цвѣтущаго состоянія, или упадка онаго. Ограничиваяся въ семъ подвигѣ общими только умозаключеніями, выведенными изъ сличенія важнѣйшихъ измѣненій, претерпѣнныхъ однимъ языкомъ, съ таковыми же произшествіями, относящимися до другаго, третіяго, и т. д. мы узнаемъ естественный ходъ нашего слова, содержащій въ себѣ общія причины частныхъ перемѣнъ, какимъ подлежалъ каждый въ особенности языкъ; узнаемъ тѣ никогда не измѣняемыя качества всѣхъ языковъ, на коихъ утверждаются произвольныя правила каждаго изъ нихъ.

§ 13.

О произхожденіи слова.

И такъ благодѣтельное намѣреніе, съ какимъ Творецъ одарилъ насъ способностію слова, доказываетъ, что произхожденіе онаго современно началу общежитія; а исторія самыхъ древнихъ и самыхъ новѣйшихъ народовъ увѣряетъ, что успѣхи, до какихъ оно наконецъ достигаетъ, суть произведенія безчисленныхъ усилій человѣческаго ума и многихъ вѣковъ. Впрочемъ поелику всякое изображеніе имѣетъ своимъ началомъ или източникомъ изображаемую вещь; то ходъ нашего слова во всѣхъ своихъ періодахъ совершенно соразмѣренъ ходу нашихъ мыслей. А по сему какъ въ порядкѣ человѣческаго познанія, пріобрѣтаемаго не искуственными средствами, то есть, не наставленіями, не чтеніемъ, и проч. но подъ руководствомъ одной природы, понятія о вещахъ дѣйствующихъ, и притомъ чаще другихъ, на наши чувства, бываютъ въ насъ прежде понятій общихъ или отвлеченныхъ; такъ рождающійся языкъ первоначально состоитъ изъ названій вещей самыхъ извѣстныхъ и наиболѣе поражающихъ

чувства, таковыхъ же ихъ свойствъ, дѣйствій, и проч. Сіи, естьли можно такъ сказать, его первенцы по большой части составляютъ коренныя реченія, или такъ называемые, корни словъ. Напротивъ сего имена существъ умственныхъ или отвлеченныхъ родятся не прежде, какъ умъ народа сдѣлается способнымъ и навычнымъ къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ, сличеніямъ и сужденіямъ, требующимъ нарочитаго вниманія. Не токмо любопытно, но и полезно при семъ узнать тотъ способъ, которымъ всякой народъ составлялъ коренныя своего языка слова. Правда, что отъ произволенія и согласія цѣлаго общества зависѣло назвать всякую вещь такимъ, или другимъ именемъ: однако не основательно было бы заключить, что въ семъ дѣйствовалъ всегда одинъ слѣпой случай, и что разсужденіе не имѣло въ томъ ни малаго участія. Опытъ доказываетъ, что творцамъ языковъ извѣстно было разительное сходство человѣческихъ звуковъ и звукоизмѣненій съ естественными качествами вещей 1); и что они употребивъ сіе

---

1) *Звуки, (изображаемые гласными буквами)., въ нашемъ языкѣ въ разсуж-*

щасшливое обстоятельство въ свою пользу, старались составить каждое своего языка слово изъ такихъ звуковъ, которые бы, сколько возможно, явственнѣе изображали природу и ка-

---

денїи выразительности могутъ быть раздѣлены на полные и смягченные. Первые суть: а, е, ы, о, у; и служатъ къ изображенїю всего, что важно: вторые, отвѣтствующїе первымъ: я, ѣ, и, йо, ю; и дѣлаютъ рѣчь нѣжною.

Звукоизмѣненїя, (изображаемыя согласными буквами), въ отличной степени выразительныя, принадлежащїя впрочемъ не одному нашему, но и другимъ языкамъ, суть слѣдующїя: Р изображающее яркїй и громкїй шумъ, на прим. громъ, трескъ, буря; Т и К изображающїя тупый и слитный шумъ, на прим. толотъ, стукъ, С и З выражающїя свистъ, на прим. взвились, свирѣль, звѣнѣть; Х, Ш и Ж нѣкоторое какъ бы шептанїе, на прим. шумитъ, жужжитъ, хохотъ: Щ, Ч и Ц нѣкоторый родъ щелканїя, на прим. щипать, досчечка, цвѣточикъ, цѣловать.

чества вещей, ихъ дѣйствій, и проч. то есть, для названія чего онѣ предопредѣляемы были, и сею выразительностію дополняли бы не достаточное отношеніе словъ къ понятіямъ, именъ къ вещамъ. 2) Отъ сего произходитъ, что творцы разныхъ языковъ, имена нѣкоторыхъ вещей составили почти изъ однихъ звуковъ и звукоизмѣненій, не имѣя безъ сомнѣнія никакаго въ семъ случаѣ между собою согласія. 3) Такія, скажутъ намъ, знаменательныя названія не трудно было изобрѣсти для вещей и явленій, поражающихъ чувства, особливо слухъ: но

---

2) *На примѣръ: что можетъ быть сходственнѣе съ природою вещей, какъ находящееся въ слѣдующихъ стихахъ изображеніе?*

Грохочетъ эхо по лѣсамъ,
Какъ громъ, гремящій по горамъ.

3) *Такъ, на прим. кокушка, на Латинскомъ языкѣ*, cuculus, *на Французскомъ*, coucou, *на Нѣмецкомъ* Kuckuck. *Такое изобразительное слово называется Греческимъ реченіемъ* onomatopeia, *что собственно значитъ составленіе имени.*

какимъ способомъ сіе могло быть въ разсужденіи тѣхъ существъ, которыя постигаются однимъ умомъ? Правда, что въ ихъ наименованіяхъ не можетъ по видимому имѣть мѣста такое искуственное подражаніе природѣ вещей: однако естьли внимательнѣе разсмотрѣть ихъ произхожденіе отъ ихъ корней, то не безъ основанія можно будетъ согласиться со мнѣніемъ нѣкоторыхъ философовъ, что нарочитая оныхъ словъ часть ведетъ свое начало отъ именъ такихъ чувственныхъ вещей, съ коими ихъ подлинники имѣютъ сходство, которое не опустили примѣтить изобрѣтатели оныхъ реченій. Къ подтвержденію сего служитъ то, что во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ наименованія существъ постигаемыхъ умомъ часто суть не что иное, какъ имена чувственныхъ вещей, употребляемыя въ семъ случаѣ въ переносномъ смыслѣ, 4) кото-

---

4) *На примѣръ: грызеніе, изображая въ собственномъ смыслѣ дѣйствіе, подлежащее чувствамъ, употребляется также въ переносномъ разумѣ къ означенію того, что постигается однимъ умомъ, когда гово-*

рый по недостатку собственнаго реченія кажется намъ часто такимъ. 5) При семъ достойно замѣчанія, что чѣмъ болѣе какой языкъ претерпѣлъ измѣненій, и слѣдственно чѣмъ болѣе удалился отъ своего первообразнаго состоянія: тѣмъ менѣе въ немъ остается слѣдовъ показаннаго словопроизхожденія. Сколько въ нынѣшнихъ языкахъ есть реченій, которыя почитаются первообразными, потому только, что потеряно понятіе о той связи, какую онѣ имѣли со своими корнями! 6) Что касается до взаим-

---

римъ, грызеніе совѣсти. Такаго же свойства слово, высокій, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: высокій слогъ, высокая цѣна.

5) *Высокомѣріе, явственно произходитъ отъ реченій знаменующихъ чувственныя вещи, но приемлемо будучи въ другомъ значеніи для изображенія извѣстнаго всѣмъ качества души, кажется собственнымъ.*

6) *Такимъ образомъ, высокій, глубокій, низкій, (въ усѣченномъ окончаніи, низокъ), почитаемыя реченіями первообразными, можетъ быть произходятъ отъ одного корня, то есть, ого.*

наго сопряженія словъ, то его происхожденіе и успѣхи естественно должны быть также соразмѣрны ходу человѣческаго познанія, приобрѣтаемаго въ природномъ состояніи. Отъ перваго соединенія въ умѣ нѣсколькихъ понятій, составляющихъ въ семъ случаѣ мысль, произошло первое соединеніе нѣсколькихъ реченій, называемое выраженіемъ, phrasis: равнымъ образомъ отъ сопряженія въ умѣ нѣсколькихъ мыслей, имѣющихъ взаимное отношеніе, и составляющихъ нѣчто цѣлое, происходитъ сопряженіе нѣсколькихъ выраженій, называемое рѣчію, elocutio. Но поелику умъ человѣка, начинающаго мыслить, постигаетъ такія токмо между понятіями связи, которыя самому малому вниманію могутъ быть вразумительны; по сей причинѣ его познаніе состоитъ изъ весьма не многаго числа мыслей: а языкъ его заключаетъ также въ себѣ не большое количество выраженій; и при томъ какъ въ мысляхъ сопряженіе понятій основано на самой явственной связи вещей, такъ и въ выраженіяхъ соединеніе реченій основано на самыхъ естественныхъ и необходимыхъ измѣненіяхъ словъ; и слѣдственно чуждо тѣхъ остроумныхъ

оборотовъ рѣчи, какіе свойственны слову просвѣщеныхъ людей. Языки народовъ, открытыхъ новѣйшими мореходцами, служатъ не опровергаемымъ сего доказательствомъ.

§ 14.

О успѣхахъ слова.

Въ такомъ обыкновенно младенчествѣ съ начала бываетъ всякій языкъ вмѣстѣ съ употребляющимъ его народомъ. Но съ постепеннымъ устроеніемъ внутренняго состоянія общества постепенно возрастаетъ его слово. Являющіеся по временамъ отличные умы, разпространяя между своими современниками новыя понятія въ разсужденіи богопознанія и обрядовъ вѣры, нравовъ, правленія, законовъ, промышленности, войны, домашнихъ упражненій, и проч. тѣмъ самимъ вводятъ весьма много новаго въ ихъ языкъ. 1) Но истинные успѣхи слова на-

---

1) *Поелику въ такихъ случаяхъ не рѣдко дѣйствуетъ даже нѣкоторый родъ насилія: то часто при томъ вкрадываются въ языкъ вмѣстѣ съ рече-*

чинаются съ того токмо времени, когда здравомыслящій разумъ благовоспитанной части народа будетъ обращенъ на оное столько же, сколько и на изображаемыя имъ вещи; 2) когда о точной силѣ, о чистотѣ, о сочиненіи, и проч. реченій, будутъ судить, руководствуяся здравымъ смысломъ и Философскимъ познаніемъ языка. Изобрѣтать и разпространять

ніями, кои его обогащаютъ, странности, противныя свойствамъ онаго.

2) Разсматриваніе вещей всегда предшествуетъ разсматриванію словъ. Народъ, пребывающій въ первобытномъ невѣжествѣ, доволенъ бываетъ токмо тѣмъ, что онъ въ состояніи сообщать другому свои малочисленныя понятія; такъ что никогда не приходитъ ему на умъ войти въ то, какъ онъ сіе дѣлаетъ. Напротивъ сего члены просвѣщеннаго общества, чувствуя нужду вникнуть въ существо своей рѣчи, удостовѣряются при первомъ, такъ сказать, своемъ шагѣ, что весь ихъ трудъ будетъ безуспѣшенъ безъ предварительнаго познанія самыхъ вещей, изображаемыхъ оною.

знаменованіе словъ, говоритъ сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, есть дѣло искусныхъ, знающихъ корни своего языка, и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли. 3) Слѣдовательно важную сію перемѣну, сіе истинное совершенство слова могутъ доставить оному однѣ науки, особливо изящныя. Онѣ изощряя наши дарованія, и напрягая нашъ разсудокъ, дѣлаютъ насъ способными входить въ сущность понятій, и по сему въ точное знаменованіе изображающихъ оныя словъ. Онѣ, раздробляя первыя, умножаютъ и очищаютъ вторыя. Тогда врожденное любопытство, почерпая изъ сего источника множество новыхъ о неизвѣстныхъ дотолѣ вещахъ понятій, 4) обогащаетъ языкъ

---

3) *Въ обоихъ случаяхъ должно быть не менѣе Философомъ, сколько и Филологомъ. Примѣромъ сего можетъ быть превосходный нашихъ г. Академиковъ на Россійскій языкъ переводъ первыхъ частей естественной исторіи Бюффона.*

4) *Здѣсь должно разумѣть не однѣ тѣ понятія, которыя бываютъ выражаемы искуственными реченіями.*

равнымъ количествомъ реченій. Тогда вниманіе усматривая тѣ обстоятельства, которыми въ разныхъ случаяхъ можетъ быть сопровождаемо всякое первоначальное понятіе, 5) соединяетъ

---

5) Такимъ образомъ съ кореннымъ понятіемъ о рукѣ сливаются въ одно понятія о разныхъ стороннихъ обстоятельствахъ: 1) о обычаѣ, который наблюдается простыми людьми при обоюдномъ ихъ согласіи на какое нибудь условіе, что выражаемъ словомъ, по рукамъ; 2) иногда о дѣйствіи того, кто удостовѣряетъ заимодавца въ исправномъ платежѣ отъ его должника, что изображаемъ словомъ, ручаться; 3) иногда о такомъ положеніи вещи, въ которомъ она всегда для насъ удобна, что называемъ, подручный; 4) иногда наконецъ, разумѣя болѣе о писменномъ обязательствѣ, совокупляемъ съ понятіемъ о рукѣ начертаніе собственною, а не чужою, рукою обязующагося, выражая сіе словомъ своеручный. Но сколько есть еще производныхъ и сложныхъ словъ, имѣющихъ тотъ же корень!

его съ каждымъ изъ оныхъ; и такимъ образомъ одно коренное понятіе рождаетъ нѣсколько другихъ, отъ него произходящихъ, и составляющихъ какъ бы его семейство; а коренное реченіе, которымъ оно бываетъ изображаемо, вводитъ въ языкъ нѣсколько новыхъ зависящихъ отъ него словъ производныхъ. 6) Наконецъ изощрен-

---

6) *Есть языки, которые не имѣютъ реченій ни сложныхъ, ни производныхъ, но однѣ коренныя, коимъ различное ихъ произношеніе, то есть, или перемѣщеніе ударенія, или то возвышеніе, то униженіе, то напряженіе, то ослабленіе голоса, сообщаетъ новое знаменованіе, въ коемъ онѣ заступаютъ мѣсто своихъ производныхъ. Но сія странность, приличная не многимъ впрочемъ языкамъ, есть совершенно произвольное, а не существенное ихъ свойство. Тотъ же самый народъ, который свои слова посредствомъ изъясненныхъ отличій въ произношеніи оныхъ дѣлаетъ производными, доказыетъ симъ обстоятельствомъ, что онъ имѣетъ такія понятія, которыя въ нашихъ языкахъ должны быть*

ный науками умъ, открывая новыя между понятіями соотношенія, составляетъ новыя сужденія, новыя мысли, которыя бываютъ источниками новыхъ выраженій. Кратко сказать, успѣхи слова всегда бываютъ въ одинаковой степени съ успѣхами народнаго просвѣщенія; и сомнительно, чтобъ Академіи словесности существовали гдѣ либо прежде Академій Наукъ.

§ 15.

О измѣненіи языковъ отъ взаимнаго народовъ сообщенія.

Такимъ обыкновенно ходомъ идетъ къ своему совершенству всякой языкъ,

---

выражены реченіями сложными, или производными. Слѣдственно всякое, естьли можно такъ сказать, первообразное понятіе во умѣ каждаго народа, то есть естественно, бываетъ сопровождаемо различными въ разныхъ случаяхъ обстоятельствами, и сливаяся съ однимъ, или нѣсколькими изъ нихъ въ одно умоначертаніе, рождаетъ чрезъ то понятія, какъ бы производныя, и сложныя.

когда его состояніе зависитъ токмо отъ внутреннихъ, и, такъ сказать, домашнихъ обстоятельствъ народа, у коего онъ родился и существуетъ. Но есть еще важныя измѣненія человѣческаго слова, которыя оно претерпѣваетъ отъ внѣшнихъ или постороннихъ причинъ. Кто не знаетъ, сколько оно преображается отъ взаимнаго народовъ между собою сообщенія посредствомъ путешествій, торговли, кольми паче поселеній и завоеваній? Излишне говорить о томъ, что во всѣхъ показанныхъ случаяхъ одинъ народъ, заимствуя у другаго новыя понятія, заимствуетъ вмѣстѣ съ ними и новыя выраженія. Но нужно замѣтить, что сіи измѣненія служатъ къ нѣкоторому иногда совершенству, а иногда упадку онаго, судя по тѣмъ причинамъ, которыя заставляютъ принимать въ отечественный языкъ что либо изъ иностранныхъ. Иногда происходитъ сіе отъ произвольнаго рѣшенія, основаннаго на здравомъ разсужденіи, иногда же отъ необходимости повиноваться силѣ, или отъ слѣпаго стеченія обстоятельствъ. Первое, на примѣръ, бываетъ тогда, когда просвѣщеннѣйшая часть народа вводитъ въ свое слово иноязычныя рече-

нія единственно по причинѣ недостатка въ немъ сознаменательныхъ и равносильныхъ, 1) и когда прочіе здравомыслящіе соотечественники, бывъ убѣждены тою же причиною, будутъ употреблять оныя вездѣ, гдѣ пристойно, 2) такъ что онѣ сдѣлаются

---

1) *Въ противномъ случаѣ множествомъ изящныхъ мыслей должны будемъ пожертвовать недостатку языка; то есть, или изказить ихъ не соотвѣтствующими имъ выраженіями, или совсемъ ихъ оставить, не имѣя способовъ изобразить ихъ въ полномъ ихъ совершенствѣ.*

2) *Вотъ вѣрное доказательство, что вводимое изъ чужаго языка слово одобряется. Но когда тотъ, кто вводитъ его, или никого, или весьма мало имѣетъ послѣдователей, заслуживающихъ довѣрія: то долженъ быть увѣренъ, что онъ или не совершенно вникнулъ въ сущность выражаемаго понятія, а еще менѣе во знаменованіе употребленнаго имъ къ тому иностраннаго реченія, или вводитъ его безъ надобности. Къ сожалѣнію у многихъ просвѣщенныхъ народовъ въ сихъ случаяхъ часто дѣй-*

внятными не менѣе самыхъ отечественныхъ. Но и предъ сими иностранными по всей справедливости должны взять преимущество такія природныя, которыя знающими основательно и философски свой языкъ, сообразно правиламъ и свойству онаго, будутъ или вновь изобрѣтены, или возобновлены изъ числа вышедшихъ уже изъ употребленія, естьли токмо онѣ внятно всякому будутъ изображать понятіе, выражаемое дотолѣ иностраннымъ реченіемъ. 3) И дѣйствительно безразсудно презирать свое собственное, когда оно не уступаетъ ни въ чемъ чужому. Напротивъ сего не благоразумнѣе ли и не ближе ли, въ случаѣ недостатковъ своего

ствуетъ пристрастіе къ чужестранному слову; пристрастіе, которое тѣмъ скорѣе подрываетъ и приводитъ въ забвеніе изящество природнаго языка, что оно всегда и вездѣ подобно разлившейся рѣкѣ, изпровергаетъ все.

3) На прим. Книгопечатня вмѣсто Типографія; справщикъ вмѣсто корректоръ; лицедѣй вмѣсто актеръ; обзорище вмѣсто каланча, и проч.

языка, прежде всего прибѣгать къ его источнику, то есть, къ тому коренному, отъ котораго онъ произходитъ. 4) Сего рода дополненія, которыя ча-

---

4) *Гораздо болѣе, нежели нынѣ, мы (Россіане) могли бы превозноситься предъ другими народами богатствомъ, величествомъ, и силою своего языка, естьли бы нѣкоторое подобное очарованію пристрастіе, такъ сказать, не приковало насъ къ иностранному, толь общему во всей Европѣ, слову, и чрезъ то не удалилобы большей части изъ насъ отъ рачительнѣйшаго познанія нашихъ собственныхъ сокровищь, то есть, языка Славянскаго! Справедливо, что многія свойственныя ему выраженія покажутся намъ весьма странными, когда будутъ употреблены въ нынѣшнемъ нашемъ словѣ. Но кто вникнетъ безпристрастно въ знаменованіе множества Славянскихъ реченій, тотъ удостовѣрится, что онѣ могутъ сообщить нашей рѣчи несравненно болѣе изящества, нежели иностранныя, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сіи послѣднія могутъ быть достаточными къ выраженію оныхъ.*

сто можемъ находить между драгоцѣннымъ наслѣдствомъ, доставшимся

Приведемъ нѣсколько образцевъ. Что, на примѣръ, можетъ быть изобразительнѣе слѣдующихъ Славянскихъ реченій: неискусобрачный? *Сознаменательныя съ нимъ Латинское,* innuptus, *менѣе, а Французское,* garçon *еще менѣе выражаютъ. Подобно сему, что Славяне изображали однимъ словомъ,* первенецъ, *для того Римляне употребляли два* primo-genitus. *Языкъ нашихъ предковъ изобилуетъ также превосходными иносказательными словами; какъ: въ дѣлѣ твоемъ* обветшай, *или: не ими вѣры врагу твоему, и узриши, яко не до конца* оторжавѣ. *Замѣтимъ теперь нѣсколько свойственныхъ сему языку словосочиненій. Замѣтимъ вопервыхъ, сколько сильны, сколько величественны въ немъ имена прилагательныя, которыя, какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ языкахъ, поставляются въ рѣчи во множественномъ числѣ безъ своихъ существительныхъ; равно какъ и причастія, употребленныя вмѣсто именъ теперь упомянутыхъ. Напри-*

намъ отъ предковъ, безъ сомнѣнія будутъ гораздо сроднѣе нашему слову, нежели иностранныя, составленныя не рѣдко на основаніи частныхъ правилъ иного языка, изъ коего онѣ будутъ взяты. Впрочемъ не о томъ говорится, что лучше терпѣть въ своемъ словѣ недостатокъ, нежели заимствовать что либо изъ иностранной рѣчи. Сіе было бы не основательное упорство, не извинительное въ случаѣ истинной необходимости, то есть, когда все стараніе, употреб-

---

мѣръ: не познанъ будетъ во благихъ *другъ, и не скрыется* въ злыхъ *врагъ. Или: да веселятся* небесная, *да радуются* земная. *Не ругайся человѣку въ горести души его: есть бо* Смиряяй и Возносяй. *Или: Клянущаго тя въ горести души своея мольбу услышитъ* Сотворивый *его. Есть такія же принадлежащія собственно языку, о которомъ говоримъ, выраженія.* Не влагайся въ среду бесѣды. *Или: Аще узриши разумна,* утренюй къ нему, и степени двери его да третъ *нога твоя. Коль живое изображеніе неотступности!*

ленное нами, чтобы словами коренна-го языка замѣнить не достающее вы-раженіе, остается безуспѣшнымъ. При всемъ томь вводимое въ отечественный языкъ иностранное, или природное, составленное по образу его, реченіе или выраженіе, должно быть такое: чтобы ни въ чемъ не было противно ни свойству, ни правиламъ той рѣчи, въ которую принимаютъ его. А по сему творцы новыхъ въ своемъ языкѣ сего рода выраженій обязаны знать его не менѣе, сколько и тотъ чужестранный, изъ коего они заимствуютъ, или коего примѣру послѣдуютъ въ составленіи новыхъ реченій. Въ противномъ случаѣ сіи подражанія будутъ образцами той погрѣшности, которая обыкновенно называется именемъ того чужаго языка, 5) коему свойственное реченіе или словосочиненіе малознающіе вводятъ въ свой собственной, не примѣчая того, что оно нарушаетъ его чистоту. Сіе чаще всего случается въ переводахъ.

---

5) *На примѣръ, Галлицизмъ, Еллинизмъ, и проч.*

§ 16.

О произхожденіи отъ одного языка разныхъ наречій и производныхъ языковъ.

Измѣненія слова, о которыхъ говорено доселѣ, произходятъ, какъ уже сказано, въ то время, когда успѣхи просвѣщенія достигнутъ до того, что не токмо вещи, но и самое изображающее ихъ слово будетъ занимать вниманіе благоразумнѣйшей части народа. Но когда ни мало о семъ не мыслятъ, ни мало не вникаютъ въ основанія и качества своего языка; тогда безъ затрудненія рѣшатся на всякую въ немъ перемѣну, и безъ размышленія употребляютъ право, въ которомъ каждый народъ тайно бываетъ увѣренъ, то есть, не токмо перемѣнять, но и вовсе оставлять ведущіяся отъ предковъ въ разсужденіи сего произвольныя постановленія. 1) Сіе бываетъ причиною многихъ весь-

---

1) *Отъ сего произошла Латинская пословица:* Usus est tyrannus verborum: *то есть, употребленіе есть самовластный повелитель словъ.*

ма странныхъ и не лѣпыхъ съ языкомъ такаго народа произходящихъ измѣненій, отъ которыхъ онъ дѣлается наконецъ, какъ говорятъ, самъ на себя не похожимъ. Употребляющій его народъ для удобнѣйшаго по его мнѣнію объясненія съ иностранцами, съ коими имѣетъ дѣло, принимаетъ изъ ихъ языковъ въ свой нужныя и не нужныя реченія, которыя со временемъ, то есть, когда сдѣланъ будетъ къ нимъ уже навыкъ, приводятъ въ забвеніе тожде значащія природныя. 2) Прибавьте, что симъ иностраннымъ реченіямъ не рѣдко даютъ окончанія, и даже сочиняютъ ихъ между собою по правиламъ своей природной рѣчи, а иногда поступаютъ также и со своими. 3) Наконецъ представимъ себѣ

---

2) *На примѣръ: авангардія вмѣсто, передовой полкъ; арріергардія вмѣсто, сторожевой полкъ.*

3) *Сіе бываетъ иногда и у просвѣщенныхъ народовъ. Страсть Римлянъ къ языку Греческому была толь велика, что лучшіе стихотворцы своимъ природнымъ словамъ часто давали сочиненія, свойственныя помянутому языку, и тѣмъ содѣйствова-*

00050329

съ одной стороны, коль часто народъ, который вводитъ въ свой языкъ иностранныя слова, не правильно ихъ произноситъ; а съ другой, что произношеніе составляетъ такое важное въ нѣкоторыхъ случаяхъ качество, отъ коего не рѣдко зависитъ знаменованіе словъ. Вотъ общія причины, что языкъ, болѣе и болѣе удаляяся отъ первообразнаго своего вида, не чувствительно переходитъ въ иное наречіе (dialectum), и что произходящія отъ одного кореннаго, употребляемаго поколѣніями одного же народа, наречія бываютъ послѣ мало похожи не только на свой первообразный языкъ, но и одно наречіе на другое: особливо когда оныя поколѣнія, будучи раздѣлены между собою нѣкоторымъ разстояніемъ, рѣдко имѣютъ взаимное сообщеніе, напротивъ сего часто бываютъ въ связи одно съ однимъ, другое съ другимъ, и такъ далѣе, иноязычными народами, 4) Иногда симъ пре-

---

ли между прочими причинами упадку собственнаго.

4) Очевиднымъ сему образцемъ служатъ наречія, употребляемыя разными Славянскаго произхожденія

вращеніемъ языка въ иное нарѣчіе оканчиваются бывающія съ нимъ измѣненія; иногда же онѣ простираются до того, что наконецъ дѣлаютъ изъ него совсемъ другой новый языкъ. То и другое преобразованіе онаго зависитъ отъ количества и степени производящихъ сіе причинъ. Когда цѣлый народъ, по крайней мѣрѣ многочисленная отрасль его, поселяется между другимъ народомъ; или когда одинъ дѣлается самовластнымъ повелителемъ другаго: тогда безъ сомнѣнія умножаются взаимныя ихъ связи, а вмѣстѣ съ ними возрастаетъ и обоюдная необходимость удобно разумѣть другъ друга. Отъ сего ихъ языки нѣсколько времени бываютъ въ нѣкоторой какъ бы борбѣ, которая по большой части кончится въ пользу народа сильнѣйшаго. Безсильный принужденъ бываетъ наконецъ изъ рѣчи перваго, особливо когда употребляющіе оную будутъ при томъ его повелители, принять множество не токмо реченій, но Грамматическихъ словоизмѣненій и словосочиненій, и смѣшать ихъ съ частію своихъ соб-

---

народами, на прим. Сербами, Поляками, и проч.

ственныхъ. 5) Сей новый родъ слова иногда остается въ такомъ состояніи, что весьма не много еще не доставало, чтобъ изъ него произошелъ новый языкъ. Сіе бываетъ тогда, когда связь оныхъ народовъ будетъ прервана вдругъ какимъ нибудь важнымъ произшествіемъ. Но по большой части смѣшеніе двухъ языковъ замѣняетъ языкъ или одного, или и обоихъ говорившихъ ими народовъ. Оно называется въ семъ случаѣ языкомъ производнымъ; а тѣ, отъ которыхъ оно получило свое бытіе, первообразными или коренными. 6) Случается,

---

5) *Изъ сей общей судьбы языковъ исключается языкъ Китайцевъ, который, равно какъ и другія ихъ постановленія, остался не прикосновеннымъ, по завоеваніи Китая Манжурами.*

6) *Извѣстно, что почти всѣ нынѣшніе западной Европы языки имѣли такое произхожденіе. Подобнымъ, или еще и явственнѣйшимъ сего примѣромъ служатъ языки важнѣйшихъ Кавказскихъ народовъ. Послѣдняго столѣтія просвѣщенные путешественники, занимавшіеся сею частію обитателей земнаго шара, полагая главными тамошними языками Та-*

что сіи послѣдніе до такой степени выходятъ изъ употребленія, что сохраняются токмо въ писаніяхъ того времени, когда ими говорили, и по сему именуются мертвыми. 7) Такая почти общая и въ нѣкоторомъ разумѣ

тарскій, Черкесскій, Лезгинскій, Кистскій, Грузинскій и Осетинскій, весьма вѣроятнымъ почитаютъ, что вообще сіи языки, судя по преимущественному въ нихъ количеству Татарскихъ словъ, происходятъ отъ сего послѣдняго; при всемъ томъ большая часть изъ нихъ имѣетъ весьма много Финскихъ, Славянскихъ, Италїанскихъ, и другихъ не извѣстнаго происхожденїя.

7) *Сїи мертвые языки наиболѣе сохраняются въ такихъ древнихъ творенїяхъ, которыя почитаются въ нѣкоторомъ смыслѣ священными. Такъ у Индѣйцевъ въ ихъ Санскритскихъ писанїяхъ и Ведамѣ; у Финикїанъ въ ихъ Санхонїатонѣ, у Британцевъ въ пѣсняхъ ихъ Бардовъ; у Скандинавцевъ въ творенїяхъ Исландскихъ Скальдовъ, изъ коихъ выбрана и составлена ихъ Едда.*

естественная участь 8) нашего слова явственно показываетъ, коль много къ сниканію основательнаго познанія всякаго языка должно содѣйствовать знаніе древностей и Исторія говорившаго имъ народа; какъ и обратно, сколько должны служить къ открытію важныхъ Историческихъ истиннъ, изслѣдованія касающіяся языковъ. Сіе одно можетъ открыть намъ източники такихъ употребляемыхъ въ ономъ словъ, выраженій, и даже присловій, коихъ произхожденіе сопряжено съ какимъ нибудь произшествіемъ; но, что важнѣе всего, показать время, причины и степень бывшихъ съ онымъ измѣненій. Упражняющимся же въ языкѣ производномъ кромѣ сего великимъ бываетъ пособіемъ и даже руководствомъ, а желающимъ узнать его, такъ сказать коренымъ образомъ, необходимостію знаніе того первообразнаго, отъ котораго онъ произходитъ.

---

8) *Поелику все, что родится, зрѣетъ и возрастаетъ до опредѣленной степени, потомъ состарѣвается и ослабѣваетъ, а наконецъ погибаетъ или умираетъ.*

§ 17.

О различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ разныхъ народовъ объ одной и той же вещи, и о частныхъ правилахъ языковъ.

Сія общая или Философская Исторія нашего слова показываетъ, что оно имѣетъ свои правила, и при томъ однѣ произвольныя, или частныя каждаго въ особенности, другія естественныя, или общія всѣхъ вообще языковъ. Начнемъ съ первыхъ. Чтобы видѣть ихъ основанія, представимъ себѣ, что какъ въ чертахъ лица каждаго не только народа, но и человѣка, бываетъ нѣчто особенное и отличительное: такъ во всякомъ языкѣ находится что нибудь ему одному принадлежащее. Кромѣ того что каждый народъ имѣетъ нѣкоторыя у него, такъ сказать, родившіяся понятія о тѣхъ предметахъ, которые у него токмо одного находятся: на примѣръ, родъ правительства, чиноначальства, постановленія воинскія и гражданскія, различные обряды Богослуженія, о-

собенные обычаи, 1) и проч. Понятія о сихъ, какъ бы собственность народа составляющихъ предметахъ, суть отличія, ничего существеннаго въ языкѣ не составляющія. Но у каждаго почти народа есть въ самомъ составѣ его понятій и взаимнаго оныхъ соединенія нѣкоторыя особенности. Представимъ себѣ, что нѣсколько человѣкъ смотрятъ въ одно время на одинъ огромный предметъ. Поелику никто изъ нихъ не въ состояніи объять его всего своимъ взоромъ; то одинъ видитъ только одну, другой другую, и такъ далѣе, притомъ иной самую важную, иной напротивъ малозначащую онаго часть. Подобно сему первоначально дѣйствуетъ на умы разныхъ народовъ всякій предметъ. Инаго онъ поражаетъ такимъ, другаго другимъ качествомъ; 2) и между

1) *Посольскій приказъ, большой полкъ, гривна, и проч.*

2) *Признать не виннымъ того, о комъ предполагаемо было, что онъ виновенъ, мы выражаемъ однимъ словомъ,* оправдать: *слѣдственно* правда *въ семъ случаѣ есть, такъ сказать, основою нашего понятія. Римляне*

тѣмъ какъ одинъ замѣтитъ въ немъ токмо одно, и хотя иногда разительное, но не существенное онаго свойство; 3) другой первоначальнымъ о немъ понятіемъ доказываетъ, что онъ при первой съ нимъ встрѣчѣ запечатлѣлъ въ своемъ умѣ нѣсколько качествъ его, составляющихъ часто сущность и отличіе онаго отъ прочихъ. 4) Отъ сего произходитъ, что понятія разныхъ народовъ объ одной и тойже вещи бываютъ различны въ

говорили absolvere, *Французы говорятъ*, absoudre. *То и другое собственно значитъ*, отвязать, дать свободу. *И такъ у нихъ главнымъ предметомъ того же понятія* свобода. *Французы употребляютъ еще въ подобныхъ случаяхъ слово*, disculper, *какъ бы отдѣлить, или удалить отъ кого* вину, *которая составляетъ тогда сущность ихъ понятія. Такое же разномысліе откроемъ по сличеніи Россійскаго слова* поединокъ, *съ Латинскимъ тоже значащимъ*, duellum, perduellum.

3) *Радуга*, arc-en-ciel, (*отсвѣтъ.*)

4) *Проливъ*, *протокъ.*

разсужденіи а) точности, (pour la justesse), или яснѣе сказать сходства съ ихъ подлинниками; 5) б) естьли можно такъ сказать, обширности, (pour l'étendue), то есть, что одно менѣе, а другое болѣе 6) объемлетъ

---

5) *Разсмотрѣвъ со вниманіемъ произхожденіе всѣмъ извѣстнаго слова,* полуостровъ, *не можно сказать, что оно точно выражаетъ свой подлинникъ: оно болѣе означаетъ такую землю, которой одна только половина есть островъ, а не то, что мы называемъ полуостровомъ. Римляне хотя также не совершенно, однако сходственнѣе съ подлинникомъ говорили* peninsula. *Французы употребляютъ для сего токмо переводъ Латинскаго слова* prequ'-île. *Но слово, островъ, почти совсемъ не имѣетъ сей точности; вмѣсто того Славянское, которое тоже значитъ, гораздо изобразительнѣе. Славяне говорили,* опокъ, *то есть, земля, которую кругомъ обтекаетъ вода.*

6) *Таково понятіе, изображаемое реченіемъ, гулъ. Сверхъ кореннаго знаменованія его, которое есть шумъ, звукъ, оно значитъ, что сей*

свойствъ своего предмета; такъ что въ послѣднемъ случаѣ содержитъ въ себѣ нѣсколько сокрытыхъ разсужденій; и на конецъ в) своего дѣйствія, (pour l'effet), служа болѣе, или менѣе къ отличенію своего предмета отъ другихъ. 7) По сей причинѣ щастливое понятіе, родившіеся у одного народа, почти всѣ прочіе нѣкоторымъ образомъ себѣ присвояютъ; и реченіе, которымъ оно выражено отъ своего изобрѣтателя, дѣлается почти общимъ всѣхъ языковъ просвѣщенныхъ народовъ: 8) подобно какъ удачное произведеніе художника бываетъ об-

---

звукъ есть движущійся, то есть, идущій отъ мѣста къ другому, предполагая въ тоже время 1) громкій звукъ, коего гулъ есть слѣдствіе; 2) отдаленность мѣста, откуда произходитъ гулъ; 3) разстояніе, кое онъ пробѣгаетъ; 4) изтощеніе его по мѣрѣ удаленія отъ своего начала; и 5) неявственность сего звука.

7) *Свѣтило, хохотъ, тепломѣръ.*

8) *Отъ сего множество Греческихъ словъ, на прим: Грамматика, Критика, Мелодія, Гармоника, вошли, и нынѣ входятъ почти во всѣ языки Европейскихъ народовъ.*

разцемъ для всѣхъ просвѣщенныхъ странъ и временъ. Но ежели въ разсужденіи понятій не могутъ быть согласны между собою народы; то какъ можно отъ нихъ ожидать единомыслія въ соединеніи оныхъ? Безъ сомнѣнія одинъ изъ нихъ усматриваетъ между приобрѣтенными имъ понятіями такія, а другой другія отношенія; иной по пылкости своего разсужденія открываетъ болѣе, другой менѣе оныхъ отношеній. А сіе причиною, что почти во всякомъ языкѣ бываютъ нѣкоторыя словоизмѣненія и словосочиненія, или выраженія цѣлой мысли, ему одному принадлежащія. 9)

---

9) *Такая, на прим. странность находится въ нашемъ языкѣ въ разсужденіи согласованія нѣкоторыхъ именъ числительныхъ съ ихъ существительными. Иныя числительныя, по существу своему означая множество, не имѣютъ числа единственнаго, но склоняяся во множественномъ, требуютъ однако, чтобы согласуемое съ ними существительное было въ единственномъ числѣ; на прим: два человѣка: иныя напротивъ сего числительныя, знаменуя множество, сами склоняются*

§ 18.

Объ общихъ правилахъ человѣческаго слова.

Такія особенности, находящіяся въ языкѣ каждаго народа, будучи приняты и наблюдаемы всѣми современниками ихъ изобрѣтенія, дѣлаются потомъ постоянными правилами для потомства. Наконецъ тщательнѣйшіе умы собираютъ и приводятъ въ нѣкоторый порядокъ сіи произвольныя своихъ соотечественниковъ постановленія, касающіяся природнаго

только въ единственномъ, а существительнаго требуютъ во множественномъ числѣ; на при: пятью человѣками. Что касается до особливыхъ выраженій, въ которыхъ видно свойственное одному какому нибудь народу совокупленіе понятій: то для примѣра довольно токмо сихъ стиховъ:

Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ:
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ.

ихъ слова: и чрезъ то составляютъ особенную или частную Грамматику своего языка. Но какія бы ни были въ немъ особливости, и сколько бы онъ ихъ ни имѣлъ; есть нѣкоторые общіе всѣмъ языкамъ законы, имѣющіе основаніе не на изволеніи народовъ, но на существенныхъ и не измѣняемыхъ человѣческаго слова качествахъ, кои дѣлая оное всегда и вездѣ съ сей стороны единообразнымъ, служатъ къ тому, что люди разныхъ вѣковъ и странъ могутъ разумѣть одни другихъ; и что природный нашъ языкъ служитъ необходимымъ способомъ къ тому, чтобъ узнать какой либо иностранный, а иногда извѣстный намъ иностранный къ познанію другаго иностраннаго. Изъяснимся. Чтобы понять мысль, изображенную на извѣстномъ намъ иностранномъ языкѣ; тайно въ умѣ, а иногда и явно, выражаемъ ее на своемъ; то есть, какаго рода реченія находимъ въ первомъ, въ какомъ значеніи, измѣненіи и сочиненіи съ другими; такаго же рода, того же знаменованія, въ соотвѣтствующемъ измѣненіи и сочиненіи съ прочими представляемъ себѣ слова природнаго своего языка: однимъ словомъ, Умословныя и Грамматическія качества

чужестранной рѣчи сличаемъ съ таковымиже свойствами своей. Но при соображеніи двухъ вещей мы всегда имѣемъ въ виду третію, съ которою въ такихъ случаяхъ сравниваемъ каждую изъ тѣхъ двухъ. Такъ, сличая между собою два количества, прилагаемъ каждое изъ нихъ къ какому нибудь опредѣленному уже и извѣстному числу. Подобно сему не возможно ни тайно, ни явно, сообразить иностранную рѣчь со своею природною, не прибѣгнувъ къ общему имъ обѣимъ образцу. И симъ посредствующимъ между ними, и служащимъ къ ихъ сличенію способомъ бываютъ тѣ повсемѣстныя, и, естьли позволено такъ сказать, повсевременныя человѣческаго слова правила, которымъ всѣ извѣстные въ свѣтѣ языки послѣдуютъ во всемъ, кромѣ свойственныхъ каждому изъ нихъ особенностей; и кои вниманіемъ извлечены изъ множества наблюденій и соображеній. И вотъ какъ человѣкъ умствовалъ въ семъ случаѣ. Слова суть знаки нашихъ мыслей. Свойства означаемой вещи должны находиться въ ея изображеніи, естьли токмо оно можетъ ихъ выражать. Слѣдовательно все, что существенно и всегда принадлежитъ

нашимъ мыслямъ, должно быть существенно и непремѣнно въ нашихъ словахъ, разумѣя, сколько позволяетъ невещественность мысли въ отношеніи къ словамъ, кои суть, какъ уже сказано, нѣчто чувственное. Какія же сіи всегдашнія качества мысли? Чтобы рѣшить сей вопросъ, необходимо опять сличить ее съ предметомъ, который ее родилъ; ибо она также есть не что иное, какъ знакъ, или изображеніе онаго. Слѣдственно такія положенія вещей, въ которыхъ онѣ вездѣ бывали и бываютъ; такія взаимныя ихъ отношенія, кои онѣ вездѣ имѣли и имѣютъ; 1) бываютъ подлинниками тѣхъ принадлежностей мысли, съ коими она всегда напечат-

---

1) *На примѣръ, чувственные предметы одного рода вездѣ бываютъ одни болѣе другихъ въ разсужденіи величины: отъ сего происходятъ умалительныя и увеличительныя имена. (Модрю, сочинитель Россійской Грамматики въ Парижѣ, называетъ сіе степенями знаменованія). Есть правда языки, кои не имѣютъ, или весьма мало имѣютъ именъ сего рода; но замѣняя ихъ нѣсколькими, употребленными вмѣ-*

лѣвалася и напечатлѣвается въ умахъ людей всѣхъ странъ и вѣковъ. Справедливо, что человѣкъ въ самомъ началѣ могъ замѣтить сіи положенія токмо въ предметахъ, подлежащихъ изпытанію его чувствъ. Но вскорѣ

сто одного, реченіями, доказываютъ, что понятія о разной величинѣ вещей одного рода суть общи всѣмъ народамъ. Равнымъ образомъ всѣмъ на свѣтѣ людямъ свойственно представить себѣ предметъ или одинъ безъ присоединенія къ нему какихъ либо иногда сливаемыхъ мысленно въ одно съ нимъ обстоятельствъ, или вмѣстѣ съ какимъ нибудь изъ оныхъ; также представлять иногда одну, иногда нѣсколько вещей вдругъ: отъ чего въ первомъ случаѣ слова бываютъ или простыя, или сложныя, а во второмъ измѣняемыя части рѣчи единственнаго, или множественнаго числа. Опять, звуки человѣческіе у всѣхъ народовъ суть двухъ родовъ; одни такіе, что каждый изъ нихъ, будучи произнесенъ одинъ, явственно бываетъ слышимъ; а другіе того свойства, что ни одинъ безъ соединенія съ которымъ нибудь изъ первыхъ не можетъ, такъ сказать, чисто и яс-

потомъ началъ въ своемъ воображеніи представлять себѣ съ такимиже качествами, какія находилъ въ чувственныхъ вещахъ, и существа, постигаемыя однимъ умомъ: тѣмъ болѣе, что по недостатку словъ, какъ сказано уже выше, часто принужденъ былъ употреблять имена чувственныхъ вещей для названія умственныхъ существъ. 2) Такимъ образомъ преходя отъ словъ къ мыслямъ, а

но отпечататься въ нашемъ слухѣ. И вотъ почему всѣ народы имѣютъ гласныя и согласныя буквы, и проч.

2) *Такимъ образомъ въ подражаніе свойствамъ, которыя подлежатъ чувствамъ, и кои, какъ извѣстно, въ разныхъ бываютъ степеняхъ, воображаемъ, что и качества, постигаемыя умомъ, имѣютъ сіи степени. Обстоятельства, которыми бываютъ сопровождаемы предметы чувственные, соединяемъ въ мысляхъ съ понятіями о существахъ умственныхъ, но такъ, что реченія, коими оныя обстоятельства бываютъ выражены, въ первомъ случаѣ въ собственномъ, а во второмъ въ переносномъ бываютъ смыслѣ. На прим. жить въ домѣ, жить въ дружбѣ.*

отъ сихъ къ вещамъ, и по разсмотрѣніи послѣднихъ обратнымъ путемъ доходя до словъ, открылъ существенныя и повсемѣстныя ихъ принадлежности. Наконецъ приведши все свое познаніе о сихъ общихъ качествахъ слова въ непрерывную связь, составилъ изъ того особливую Философскую науку, которая называется всеобщею или Философскою Грамматикою.

§ 19.

Начальныя понятїя о составѣ человѣческаго слова и о главнѣйшихъ измѣненїяхъ нѣкоторыхъ частей рѣчи.

Какъ главная сего сочиненія цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ оно служило нѣкоторымъ, такъ сказать, преддверіемъ словесности: то не сообразно было бы сему намѣренію какъ вовсе оставить, такъ и подробно здѣсь предлагать все, что составляетъ общую Грамматику. По чему предоставляя послѣднее Грамматикамъ — Философамъ, обозримъ по крайней мѣрѣ самыя начальныя о составѣ человѣческаго слова познанія, приобрѣтенныя Философіею съ того време-

ни, какъ оное сдѣлалось однимъ изъ ея предметовъ. И такъ давно уже замѣчено, что въ рѣчь, употребляемую человѣкомъ для изображенія цѣлой мысли, входятъ разнаго рода реченія, соотвѣтствующія различнымъ родамъ выражаемыхъ ими понятій. Сіи разныя отдѣленія реченій извѣстны всѣмъ подъ общимъ именемъ частей рѣчи. Первою изъ оныхъ почитаются, такъ называемыя, имена. Онѣ суть тѣ слова, которыя служатъ къ наименованію всякаго рода существъ, то есть, имѣющихъ какъ дѣйствительное бытіе, такъ и существующихъ въ одномъ только нашемъ умѣ. (a) По сей причинѣ новѣйшіе Грамматики раздѣляютъ ихъ на имена вещей чувственныхъ, и на имена существъ отвлеченныхъ или умствен-

---

(a) *Скажетъ можетъ быть кто нибудь, что еїе опредѣленїе относится къ однѣмъ только именамъ существительнымъ, изключая прилагательныя. Отвѣтствуемъ, что дѣйствительно такъ; потому что здѣсь прилагательныя, какъ видно будетъ ниже въ семъ же § принимаются за особливую часть рѣчи.*

ныхъ, которыя суть не что иное, какъ названія свойствъ, кои мысленно отдѣляя отъ вещей, представляемъ такъ, будто онѣ не въ вещахъ, но сами собою существуютъ. Слѣдовательно тѣ имена, которыя называемъ числительными, когда бы мы ихъ воображали безъ приложенія къ какому нибудь имени чувственной вещи, должны будутъ принадлежать такъ же къ именамъ существъ отвлеченныхъ: поелику онѣ въ семъ случаѣ означали бы такъ же качество чувственныхъ вещей, отдѣленное въ мысляхъ отъ оныхъ вещей. Когда же такое имя отвлеченнаго существа бываетъ употреблено какъ наименованіе свойства чувственной вещи, и соединено съ именемъ сей послѣдней; тогда называется словомъ прилагательнымъ, и дѣлаетъ другую часть рѣчи. Для составленія цѣлаго смысла не довольно только наименовать тѣ понятія, о которыхъ въ немъ говорится, но нужно показать при томъ всѣ отношенія, кои онѣ въ семъ случаѣ имѣютъ между собою. Остроуміе человѣческое изобрѣло легчайшій способъ выражать сіи разныя отношенія, дѣлая не большія измѣненія реченій относительно ихъ окончаній, которыя въ разсужденіи именъ называются у

грамматиковъ числами и падежами; а относительно къ словамъ прилагательнымъ, онѣ сверхъ числъ и падежей подлежатъ еще особливымъ измѣненіямъ, изображающимъ степени сравненія и роды. Но есть языки, въ которыхъ имена, а иногда слова прилагательныя, совсемъ или почти не имѣютъ сихъ измѣненій; и кои вознаграждаютъ сей недостатокъ особливою частію рѣчи, то есть членами. Члены, не означая никакой вещи, но будучи приложены къ имени, показываютъ, въ какомъ измѣненіи должно его разумѣть. Есть еще другой родъ такихъ словъ, которыя сами собою и не посредственно не означаютъ никакаго понятія или вещи, но будучи употреблены вмѣсто или имени, или слова прилагательнаго, получаютъ тогда ихъ знаменованіе; такъ же, какъ и онѣ, въ цѣлой рѣчи имѣютъ отношенія къ другимъ словамъ, и поставляются въ подобныхъ онымъ измѣненіяхъ, означаемыхъ или перемѣною ихъ окончаній, или посредствомъ членовъ. Излишне сказывать, что сіи слова суть мѣстоименія. Цѣлая рѣчь не можетъ быть составлена безъ двухъ главныхъ понятій. Вопервыхъ долженъ быть показанъ предметъ, о которомъ въ ней

предлагается; а вовторыхъ то измѣненіе его положенія, которое о немъ бываетъ утверждаемо или отрицаемо. Слова, коими означаются такія измѣненія положенія предмета рѣчи, называются глаголами. Грамматики говорятъ, что глаголъ изображаетъ или дѣйствіе, или страданіе, или бытіе вещи или лица: и сіе ихъ опредѣленіе основано на естественномъ различіи тѣхъ измѣненій положенія предмета рѣчи, о которомъ мы выше упомянули. Поелику всякое измѣненіе положенія вещи или лица есть или такое, которымъ она производитъ въ другихъ вещахъ или лицахъ перемѣну ихъ положенія, и есть не что иное, какъ дѣйствіе вещи, причинившей оную: или такое, которымъ другія вещи или лица производятъ подобную перемѣну въ ней, и называется ея страданіемъ; или наконецъ такое, которое начинается и совершается въ одной вещи или лицѣ, не касаяся положенія другихъ вещей или лицъ; такъ что дѣйствующая вещь бываетъ въ одно время и страждущею. По сей причинѣ во всѣхъ языкахъ обыкновенно, и слѣдственно естественно, глаголы раздѣляются на дѣйствительные, страдательные и средніе. Что каса-

ется до другихъ залоговъ; то онѣ, находяся въ нѣкоторыхъ токмо языкахъ, составляютъ частное, а не общее, качество глаголовъ. Сверхъ сего глаголъ въ составѣ цѣлой рѣчи имѣетъ не токмо коренное свое знаменованіе, но изображаетъ еще различными своими измѣненіями 1) отношеніе означаемаго имъ понятія къ говорящему лицу; что называется лицемъ глаголовъ: 2) отношеніе того же понятія, содержащагося подъ глаголомъ, ко времени. И поелику въ нашемъ понятіи нѣтъ болѣе трехъ временъ, настоящаго, прошедшаго и будущаго; то самое естественное раздѣленіе глаголовъ съ сей стороны есть на глаголы настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. Находящіеся во многихъ языкахъ разные роды прошедшихъ и будущихъ временъ, означая сверхъ времени другія побочныя, сопряженныя съ нимъ обстоятельства, на примѣръ, въ прошедшемъ давность или недавность, совершенное или не совершенное исполненіе дѣйствія или страданія, и проч: суть частныя произведенія тонкаго вниманія и остроумія ихъ изобрѣтателей. 3) Наконецъ всякой глаголъ своимъ измѣненіемъ кромѣ лица и времени

долженъ еще въ рѣчи показать способъ, какимъ означаемое имъ измѣненіе положенія предмета рѣчи происходитъ, то есть рѣшительно, или условно, или зависимо отъ воли и̂ желанія того, кто говоритъ. На семъ основаны, такъ называемыя у грамматиковъ наклоненія. О наклоненіи не окончательномъ замѣтить слѣдуетъ, что хотя оно изображаетъ общее понятіе о какомъ либо измѣненіи положенія вещи или лица, но не имѣя подобнаго другимъ наклоненіямъ отношенія ни къ главному предмету рѣчи, ни къ говорящему лицу, по мнѣнію новѣйшихъ умослововъ, есть болѣе имя существа отвлеченнаго, имѣющее нѣкоторыя качества глагола, нежели глаголъ: по сему въ нѣкоторыхъ языкахъ явно поставляется вмѣсто имени. Глаголы имѣютъ еще такое измѣненіе, которое изображая дѣйствіе, страданіе или бытіе лица или вещи, имѣетъ видъ слова прилагательнаго; такъ что оно съ одной стороны подобно сей части рѣчи измѣняетъ свои окончанія сообразно роду, числу и падежу имени, къ которому не посредственно будетъ въ составѣ рѣчи относиться, а съ другой многія имѣетъ качества глагола, на примѣръ, залогъ,

время, и даже скрытнымъ образомъ лице въ томъ предметѣ, къ коему не посредственно относится. По чему причастія, (ибо о нихъ мы здѣсь говоримъ,) многіе почитаютъ съ зависящими отъ нихъ словами вложенною рѣчію. Дѣепричастія, которыя имѣютъ также скрытное лице, залогъ, и время, тѣмъ только различествуютъ отъ причастій, что остаются впрочемъ не измѣняемыми, и слѣдственно не бываютъ согласованы какъ прилагательныя. По сей причинѣ причастія нынѣ почитаютъ болѣе за особливое измѣненіе глагола, нежели за особливую часть рѣчи.

§ 20.

О не измѣняемыхъ частяхъ рѣчи.

Всѣ вообще доселѣ показанныя части рѣчи у грамматиковъ называются измѣняемыми; напротивъ сего нарѣчіе, предлогъ и союзъ не измѣняемыми: потому что слова, къ симъ тремъ частямъ рѣчи принадлежащія, означаютъ такія соединенныя съ понятіями обстоятельства, кои, въ разныхъ случаяхъ будучи приложены къ нимъ, служатъ или пополненіемъ ихъ

знаменованія, или объясненіемъ ихъ отношенія къ другимъ находящимся въ тойже рѣчи понятіямъ; между тѣмъ слова, коими изображены бываютъ помянутыя обстоятельства, сами никакому не подлежатъ измѣненію. Разсмотримъ каждую изъ сихъ трехъ частей рѣчи особенно. И вопервыхъ часто случаются въ составѣ рѣчи понятія, которыя такое имѣютъ отношеніе къ обстоятельствамъ разнаго рода, на примѣръ, къ мѣсту, времени, порядку, степени своего значенія, и проч. что безъ помѣщенія при нихъ сихъ обстоятельствъ теряютъ много силы и ясности своего знаменованія. Слова, коими изображаются сіи пополненія понятій, называются нарѣчіями; и тѣ изъ нихъ, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ, удерживаютъ свойственныя симъ степени сравненія. Но часто въ составѣ рѣчи одно понятіе зависитъ отъ другаго такимъ образомъ, что обыкновенныя измѣненія зависящаго не достаточны бываютъ то выразить, естьли не будетъ поставлено предъ нимъ такое обстоятельство, которое, какъ бы вспомоществуя обыкновеннымъ его измѣненіямъ, служитъ узломъ связующимъ помянутыя два понятія. Слова, коими

въ такихъ случаяхъ бываютъ означаемы сіи обстоятельства, называются предлогами; и какъ онѣ, служа пополненіемъ взаимной связи двухъ понятій, тогда поставляются въ рѣчи отдѣленно отъ того и отъ другаго понятій, кои посредствомъ ихъ бываютъ соединяемы; то именуются отдѣляемыми. Напротивъ сего весьма часто онѣ, служа не къ соединенію двухъ между собою понятій, но къ пополненію, подобно нарѣчіямъ, знаменованія одного понятія, сливаются въ одно со словомъ изображающимъ оное, и съ нимъ вмѣстѣ составляютъ одно реченіе. Тогда онѣ называются не отдѣляемыми. Наконецъ когда рѣчь наша содержитъ въ себѣ нѣсколько разсужденій; то онѣ безъ сомнѣнія должны имѣть взаимное между собою соотношеніе. Для означенія сей связи нашихъ мыслей употребляемыя слова суть союзы. Часто союзы служатъ, кажется, къ соединенію однѣхъ токмо понятій; но естьли разсмотримъ сіи случаи внимательнѣе, то удостовѣримся, что связуемыя ими повидимому понятія въ самомъ дѣлѣ суть скрытно сложныя разсужденія. Случается, что нѣкоторыя нарѣчія бываютъ употребляемы такъ же къ означенію взаимнаго отношенія

нѣсколькихъ мыслей; и въ семъ случаѣ онѣ, исполняя цѣль, присвояютъ себѣ имя союзовъ. Остается теперь по разположенію грамматиковъ последняя, но по разсужденіямъ философовъ первая часть рѣчи, извѣстная подъ именемъ междометій. Онѣ весьма явственно отъ всѣхъ показанныхъ родовъ словъ отличаются тѣмъ, что прочія служатъ къ изображенію того, что бываетъ въ нашемъ умѣ, а междометія выражаютъ то, что происходитъ въ нашемъ сердцѣ, означая дѣйствія чувствуемыхъ нами страстей, и справедливо называются отъ нѣкоторыхъ языкомъ сердца. Первыми въ ряду частей рѣчи почитаютъ ихъ потому, что человѣкъ умѣлъ уже чувствовать, прежде нежели мыслилъ; и можетъ быть испыталъ многіе роды страстей, между тѣмъ какъ большая часть окружающихъ его вещей была ему совсемъ или весьма мало извѣстна. Съ другой стороны всѣ прочіе роды словъ одолжены своимъ бытіемъ человѣческому изобрѣтенію; но междометія суть произведенія самой природы: ибо отъ чего онѣ у всѣхъ народовъ, говорящихъ толь разными языками, почти совершенно однѣ? Отъ чего даже отъ рожденія нѣмые произ-

носятъ ихъ во время своихъ страстей. Послѣ сего довольно вразумительно, почему умословы раздѣляютъ нынѣ всѣ части рѣчи на два главныхъ класса; первый изъ нихъ называютъ они словами сердцеглаголивыми (les mots affectifs), относя къ нему однѣ междометія; а вторый мыслеглаголивыми (énonciatifs), разумѣя подъ симъ всѣ прочія части рѣчи.

§ 21.

О преимущественныхъ качествахъ вообще, и особенно о богатствѣ, нѣкоторыхъ языковъ.

Наконецъ остаются особенныя качества языковъ, коими они одинъ предъ другимъ преимуществуютъ. Различныя степени совершенства, въ какихъ они бываютъ отъ случившихся съ ними произшествій, суть совсемъ другое, нежели оныя отличительныя ихъ свойства. Первыя суть нѣчто приобрѣтенное и зависящее отъ перемѣнъ, бывшихъ съ умомъ и участію народа; вторыя суть нѣчто какъ бы врожденное, и при всѣхъ измѣненіяхъ остающееся въ нихъ, по край-

ней мѣрѣ въ нѣкоторой степени. Есть, на примѣръ, языки, которые, можно сказать, рождены для изображенія почти всякихъ подробностей и отличій, какія острый умъ усматриваетъ въ нашихъ мысляхъ; иные опять естественно, кажется, предопредѣлены къ выраженію твердыхъ сужденій, мужественныхъ чувствованій, съ самою точною вѣрностію, многозначащею краткостію, и тѣмъ болѣе величественною простотою; другіе наконецъ въ самомъ составѣ своемъ имѣютъ нѣчто приятное и нѣжное, чѣмъ плѣняя слухъ вмѣстѣ услаждаютъ душу. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы, у коихъ разные языки получили свое начало, при ихъ составленіи одно имѣли намѣреніе; всѣ отъ природы получили для произношенія своихъ звуковъ одинаковые члены. Но не менѣе достовѣрно и то, что преимущественныя нѣкоторыхъ изъ нихъ дарованія, господствующія нравственныя качества, и мѣстныя или частныя обстоятельства, стольkоже имѣли, такъ сказать, втеченія въ ихъ слово, сколько и во всѣ другія ихъ дѣянія. Какія, скажутъ мнѣ, отличныя дарованія могутъ быть въ народѣ, который находится въ томъ почти ничтожномъ

состоянiи, въ какомъ онъ бываетъ во время составленiя своего языка? Тѣ, коими сама природа преимущественно предъ прочими иногда надѣляетъ его какъ бы по выбору: тѣ, которыя прежде, нежели искуство и опытность начнутъ ими руководствовать, уже въ превосходной степени оказываютъ свою естественную силу, и блистаютъ въ первыхъ нашихъ чувствованiяхъ и понятiяхъ; между тѣмъ какъ высшiя способности ума, идущiя въ своихъ успѣхахъ обыкновенно тихими шагами, не далеко еще находятся отъ того состоянiя, въ какомъ мы получаемъ ихъ изъ рукъ природы. Пылкое остроумiе и сильное ощущенiе составляютъ оное ея благодѣянiе. Посредствомъ перваго народъ, едва начинающiй мыслить, уже дѣлаетъ иногда тончайшiя замѣчанiя; и усматриваетъ многiя, не примѣтныя другимъ, оттѣни въ состоянiи, измѣненiяхъ и взаимномъ отношенiи вещей; 1) а каждое его наблюденiе сего рода

---

1) Такимъ образомъ естественное остроумiе первыхъ виновниковъ нашего языка усмотрѣло не только касательно свойствъ, что въ одной ихъ

есть не что иное, какъ новое понятіе, или новой оборотъ мыслей, и слѣдственно новый источникъ изобилія слова. Поелику оныя мгновенныя и

степени сравненія бываютъ иногда нѣкоторыя оттѣни; отъ чего прилагательныя имена положительнаго и сравнительнаго степеней имѣютъ у насъ свои уменьшительныя и увеличительныя: но даже въ разсужденіи вещей, находящихся въ уменьшительномъ видѣ, что иныя изъ нихъ въ семъ состояніи намъ приятны, иныя напротивъ сего отвратительны; а отъ сего произошли имена уменьшительныя ласкательныя и уничижительныя. Подобнымъ образомъ даръ остроумія могъ примѣтить, что есть особенный родъ вещей, которыя обыкновенно бываютъ по двѣ, на примѣръ, глаза, руки, и проч. и одно дѣятельное вниманіе могло примѣнить сіе наблюденіе и къ прочимъ обстоятельствамъ, въ коихъ случайно находятся вещи въ числѣ двухъ токмо: отъ чего въ славянскомъ языкѣ есть особливое, какъ бы посредствующее между единственнымъ и множественнымъ, двойственное чи-

не вещественныя измѣненія нашей души, кои называемъ понятіями и мыслями, въ одно время съ произхожденіемъ своимъ изчезали бы; когда бы мы

сло. Но коль тонкія еще различія усмотрѣны творцами нашего языка въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ вещей! Замѣтимъ токмо объ однѣхъ временахъ нашихъ глаголовъ. Примѣняя всякое бытіе къ своему собственному всѣ, раздѣляютъ время на настоящее, прошедшее и будущее. Первое изъ нихъ толь мгновенно, толь не раздѣлимо, что ни одинъ, сколько извѣстно, народъ не нашелъ въ немъ никакихъ частныхъ отмѣнъ; и посему оно почти у всѣхъ одно, а Евреи, которые не имѣютъ его, даже и не примѣтили онаго. Напротивъ сего въ прошедшемъ всѣмъ народамъ извѣстны два главныя его отличія, то есть давность и недавность; но наши предки нашли еще въ самой давности разныя степени, которыя мы изображаемъ тремя разными давнопрошедшими временами. Многіе также усмотрѣли то естественное различіе, что прошедшія и будущія иногда пред-

не давали имъ тотчасъ нѣкотораго постояннаго и ощутительнаго вида. По сей причинѣ таже нужда или случай, которыя, возбуждая остроумiе,

---

полагаютъ притомъ совершенное ихъ исполненiе, а иногда бываютъ безъ означенiя сего обстоятельства: но въ нашемъ языкѣ видно еще тончайшее замѣчанiе, а именно что всякое дѣйствiе въ послѣднемъ изъ оныхъ двухъ случаевъ иногда бываетъ продолжительное и многократно повторяемое, а иногда совершаемое въ одинъ прiемъ: и сiи оттѣни находятся даже въ такихъ измѣненiяхъ дѣйствiя, которыя ни его лица, ни числа, ни времени не показываютъ; (ибо сiе можно впрочемъ понять изъ предъидущаго личнаго, къ которому оное дѣйствiе относится, глагола;) то есть, въ глаголахъ не окончательнаго наклоненiя. Наконецъ всякое иносказательное, производное, особливо сложное реченiе есть правда произведенiе остроумнаго сличенiя между собою вещей въ ихъ свойствахъ, дѣйствiяхъ, обстоятельствахъ, и проч. но первоначально замѣтить сiи сходства, несход-

въ насъ ихъ раждаютъ, убѣждаютъ насъ не остонавливаяся употребить всѣ усилія изобрѣтать для изображенія оныхъ достаточныя реченія. Съ другой стороны естьли разсмотримъ внимательнѣе всякое свое размышленіе; то увидимъ, что сно есть не что иное, какъ тайный нашъ съ самими собою разговоръ, то есть сокровенное изображеніе словами нашихъ мыслей. Но когда ихъ содружество толь тѣсно, что тѣ и другія въ разсужденіи своего произхожденія не только современны, но даже нѣкоторымъ образомъ, какъ сказано выше, зависящи: то слово народа, который по причинѣ отличной остроты его ума избыточествуетъ множествомъ родившихся у него понятій, естественно должно быть изобильно не токмо реченіями, но ихъ измѣненіями и многообразными сочиненіями; а посему способно къ изображенію всякаго рода понятій, ихъ видовъ, степеней, перехожденій, взаимныхъ от-

---

ства, и другаго рода отношенія, служащія предметомъ оныхъ сужденій, есть дѣло отъ природы остраго токмо ума.

ношеній, и основанныхъ на семъ ихъ совокупленій и разложеній, одним'ь словомъ, самыхъ дробнѣйшихъ умоначертаній. Рѣчь писателя, который умѣетъ симъ избыточествомъ пользоваться, подобна такому лицеподобію, въ коемъ не опущено ничего, что есть въ подлинникѣ, и самое малое онаго отличіе означено живо, правильно. И такъ сіе изключительное нѣкоторыхъ, и притомъ свойственное имъ въ различной степени обиліе выраженій, есть одно изъ числа естественныхъ нашего слова преимуществъ, извѣстное всѣмъ подъ именемъ богатства языка. Впрочемъ оно бываетъ иногда, и при томъ частію приобрѣтенное. Понятія и мысли, родившіяся у одного народа, посредствомъ разныхъ обстоятельствъ переходятъ къ другому, который распространяя ими кругъ своихъ познаній, въ тоже время обогащаетъ свое слово изобрѣтаемыми дла изображенія ихъ реченіями и словосочиненіями. 2) Однако еіе приобрѣтеніе тогда токмо

---

1) *Охрусталоваться*, *кислородъ* (oxygène,) *водотворъ* (hydrogène,) *разлагать* (analyser).

обращается въ естественное качество языка, когда оно сообразно во всемъ съ первоначальными въ немъ изобрѣтеніями и постановленіями. Въ противномъ случаѣ оно будетъ подобно части одежды другаго цвѣта, нежели какаго она вся.

§ 22.

О томъ, что называется силою языка.

Такимъ образомъ языкъ дѣлается богатымъ. Но онъ также всегда отзывается особенными нравственными качествами своихъ творцевъ. Сіи впечатлѣнія рождаются и происходятъ въ немъ почти тѣмъ же способомъ, какъ показано въ предъидущемъ §. Господствующіе нравы народа суть не что иное, какъ особенныя и сильныя его склонности, которыхъ побужденія кажутся ему правилами, основанными на не измѣняемыхъ началахъ естества. Будучи увѣренъ въ семъ, онъ почитаетъ обязанностію слѣдовать онымъ во всѣхъ какъ общественныхъ, такъ и личныхъ дѣяніяхъ; въ правленіи, въ воспитаніи, въ связяхъ съ другими народами, въ

домашней жизни, въ забавахъ, и проч. Слѣдственно сіи правила, составляя, такъ сказать, пружину его души, управляютъ его мыслями и чувствованіями, и даютъ имъ отличный нѣкоторый видъ, который по естественной ихъ связи со словами какъ бы отпечатывается въ его языкѣ. 1) Чтобъ увѣриться въ сей истиннѣ, стоитъ только рѣчь такихъ народовъ, которые въ своихъ дѣяніяхъ управляются однѣми внушеніями природы, сличить съ господствующими въ нихъ нравственными качествами. Естественно, что сіе соотвѣтствіе бываетъ явственнѣе у тѣхъ, которые отличны нѣкоторою особенною силою и твердостію духа. Глубоко впечатлѣваемыя ощущенія, живыя и кипящія чувствованія, возвы-

---

1) *Съ сею общею истинною согласно извѣстный ученому свѣту Философъ Историкъ Маллетъ говоритъ о своихъ Скандинавцахъ: сей народъ, будучи вольнымъ, не зависящимъ, гордымъ, не преминулъ сообщить своему языку свойства, сходнаго съ его собственнымъ. Введ. въ Датск. Ист. Т. I. гл. 13.*

шенность и рѣшительность сужденій, отзывающаяся нѣкоторымъ повелительствомъ, особенный даръ одною мыслію обьять многія подробности; все сіе вмѣстѣ составляетъ преимущественное ихъ свойство, и все сіе вмѣстѣ видимо въ ихъ словѣ. Сообщаютъ ли они другимъ свои понятія? Ихъ изъясненія бываютъ разительны, не замысловатостію и великолѣпіемъ, но естественностію и точностію. Изливаютъ ли они свои страсти? Ихъ выраженія стремительны и пылки, но при всемъ томъ составляютъ языкъ природы, въ которомь нѣтъ никакихъ слѣдовъ искуства. Предлагаютъ ли они цѣлыя мнѣнія? Ихъ рѣчь при всей выразительности кратка, при всей простотѣ величественна, при всемъ удаленіи отъ витійства повелительна; однимъ словомъ, будучи не притворнымъ, вѣрнымъ изтолкователемъ души говорящаго, тѣмъ сильнѣе поражаетъ душу слушающаго. 2) Сіи въ нѣкоторомъ смыслѣ естест-

2) *Можно ли, говоритъ Волтеръ, сыскать у Плутарха въ житіяхъ великихъ мужей что либо лучше отвѣта, сказаннаго однимъ начальникомъ*

венныя преимущества слова составляютъ то, что называется силою (energia, l'énergie) языка. Она подобна тому знаменитому произведенію художника, въ которомъ одна удачно проведенная черта явственно показываетъ состоя-

---

Канадцевъ нѣкоторымъ Европейцамъ, предлагавшимъ, что бы тѣ уступили имъ свою землю? Онъ говоритъ такъ: Мы родилися на сей землѣ; наши отцы въ ней погребены: можемъ ли мы сказать ихъ костямъ: встаньте, и ступайте съ нами въ чужестранную землю. Понянутый Маллетъ, какъ бы изъясняя сіе мѣсто Волтера, говоритъ: всегда находятся удивительныя вещи въ языкахъ вольныхъ народовъ, сколько бы они впрочемъ ни были грубы и невѣжественны: они имѣютъ краткость выразительную, живые и чувствительные обороты, выраженія опредѣленныя. Введ. въ Датск. Ист. Т, 1. гл. 13.

Мы имѣемъ разительные сего образцы въ собственной словесности. На примѣръ: Скоро гонецъ возвратился изъ Пскова, и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Степенному Посаднику. Онъ читалъ, — и съ

ніе души изображеннаго лица, и тѣмъ самимъ производитъ въ насъ нѣкоторое искреннее какъ бы сочувствованіе. Равнымъ образомъ не тогда ли мы рѣчь называемъ сильною, когда она живо изображая ощущенія того, кто ее произвелъ, проводитъ въ нашемъ умѣ или сердцѣ глубокія черты; когда она при семъ согласованіи нашей съ его душею, приводитъ насъ въ восторгъ точностію въ изображеніи предметовъ, противоположностію въ соединеніи краткости съ обширнымъ

печальнымъ видомъ отдалъ лисмо Мароѣ. Друзья! сказала она знаменитымъ гражданамъ: Псковитяне, какъ добрые братья, желаютъ Новугороду щастія; — такъ говорятъ они — только даютъ намъ совѣты, а не войско; — и какіе совѣты? ожидать всего отъ Іоанновой милости! Измѣнники! воскликнули всѣ граждане. Недостойные! повторили гости чужеземные. Отмстимъ имъ, говорилъ народъ. Презрѣніемъ! отвѣтствовала Мароа, изорвала лисмо, и на отрывкѣ его написала къ Псковитянамъ: доброму желанію не вѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтися можемъ.

знаменованіемъ выраженій, которыя кромѣ предназначенныхъ каждому изъ нихъ понятій касаются многихъ другихъ къ онымъ относящихся, и такимъ образомъ вмѣсто одной рождаютъ въ насъ нѣсколько мыслей; и когда наконецъ въ семъ отличномъ образѣ изъясненія находимъ простоту свойственную, по крайней мѣрѣ близкую къ естественному состоянію. 3) Мы уже видѣли, что первоначальною сего причиною бываетъ особенная нѣкоторая сила и возвышенность духа, приличная иногда цѣлому народу. Изтекающая изъ сего източника, такъ сказать, разительность его

---

3) *Важная мысль, говоритъ ла Гарпъ, обыкновенно состоитъ въ томъ, когда сказано будетъ нѣчто такое, что производитъ въ насъ понятія о многомъ другомъ, и когда вдругъ показываетъ намъ то, чего мы не надѣялися узнать иначе, какъ прочитавши уже много. Естьли нужно объяснить сіе примѣромъ, то довольно вспомнить извѣстную всей Европѣ надпись, изображенную на воздвигнутомъ въ С. Петербургѣ ПЕТРУ Великому памятникѣ: ПЕТРУ Первому ЕКАТЕРИНА Вторая.*

слова остается однако и тогда, когда онъ уже выходитъ изъ подъ руководства природы; только въ семъ случаѣ искуство смѣшивается, и даже не рѣдко затьмѣваетъ ее. Иногда чрезмѣрно живыя ощущенія и сильныя потрясенія сердца находятъ и въ такомъ языкѣ, который предопредѣленъ, кажется, къ изображенію однѣхъ нѣжныхъ чувствованій, самыя рѣдкія изъясненія, употребляя въ пособіе между прочимъ то сложныя реченія, которыхъ изобиліе въ языкѣ дѣлаетъ его особенно къ тому способнымъ, то иносказательныя, но весьма живо изображающія вещь, выраженія.

§ 23.

О приятности слова, произходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквъ.

Къ естественнымъ нашего слова преимуществамъ относится еще особенная онаго приятность и нѣжность. Она такъ же не всѣмъ вообще, но нѣкоторымъ токмо, и при томъ въ разной степени, свойственна языкамъ; такъ что кажется инымъ врожденною, отъ того что первоначальнымъ ея источникомъ бываютъ произшествія,

сопряженныя съ самымъ ихъ произхожденіемъ. Извѣстно, что мѣстныя и частныя обстоятельства народовъ, на примѣръ, воздухъ, пища, питіе, образъ жизни, воспитанія, упражненія, и проч. имѣя чувствительное вліяніе въ составъ нашего тѣла, дѣйствуютъ и на тѣ его части, которыя даны человѣку для произношенія гласа. Отъ сего произходитъ весьма разнообразное у разныхъ народовъ употребленіе членовъ, составляющихъ естественное орудіе слова; такъ что одинъ дѣйствуетъ въ семъ случаѣ гораздо удобнѣе и чаще одними, другой другими, и такъ далѣе; 1) а иногда при самомъ составленіи своего языка не чувствовавъ надобности, и слѣдственно не сдѣлавъ навыка къ нѣкоторымъ звукоизмѣненіямъ, употребляемымъ другими, остаются навсегда къ произношенію оныхъ не способными, или

---

1) *Кавказскіе народы, по свидѣтельству новѣйшихъ просвѣщенныхъ путешественниковъ, всѣ вообще говорятъ горломъ; отъ чего произносимыя ими слова такое получаютъ единообразіе, что большую часть изъ нихъ не возможно изобразить употребляемыми у насъ буквами.*

съ великимъ трудомъ приучить себя къ тому могутъ. Естественнымъ сего слѣдствіемъ бываетъ въ иныхъ языкахъ недостатокъ, 2) въ иныхъ избытокъ; 3) въ одномъ частое повтореніе одной, въ другомъ другой; 4) въ тѣхъ большее, въ сихъ меньшее количество сложныхъ буквъ; 5) а во всѣхъ безконечное различіе въ разсужденіи произношенія оныхъ, то есть, высшей или низшей степени напряженія, возвы-

---

2) *На примѣръ, у Французовъ нѣтъ буквъ ч, ы, у Нѣмцовъ ж; у Грековъ б, у Китайцевъ р, и проч.*

3) *Таковы буквы у Французовъ eu, у насъ ы; у Италïанцевъ и Индѣйцевъ дж; у Грековъ Картавое р, и шипящая ѳ. По сей причинѣ не можетъ быть во всѣхъ языкахъ одно число буквъ; но въ одномъ ихъ болѣе, а въ другомъ менѣе.*

4) *Въ Нѣмецкомъ языкѣ чаще всего слышимъ ш, а въ Италïанскомъ ч, ц.*

5) *Сложныя и двугласныя буквы, сокращая въ половину произношеніе нѣкоторыхъ звуковъ, тѣмъ самимъ дѣлаютъ его разногласнѣе, разномѣрнѣе, и смягчаютъ его грубость.*

шенія, 6) а еще болѣе образованія слова. 7). Сверхъ сего въ языкахъ иныхъ народовъ слышимъ болѣе гласныхь, 8) въ другихъ болѣе согласныхъ, и въ послѣднемъ случаѣ грубое, или нѣжное ихъ смѣшеніе; а отъ сего въ иныхъ болѣе единогласованія (monotonia,) въ другихъ напротивъ болѣе

---

6) *Отъ сего родилися знаки словоударенія* (accentus.)

7) *Въ разсужденіи сего Г. Ломоносовъ изъясняется такъ: толь многихъ народовъ, по разнымъ странамъ обитающихъ, разные языки какихъ отмѣнъ не имѣютъ! Показываютъ сіе многіе Азіатическіе, Африканскіе и Американскіе народы, которыхъ языки больше на шумъ другихъ животныхъ, нежели на человѣческій разговоръ походятъ. (Грам. Лом. стр. 6). Прибавимъ къ сему, что одинъ изъ Кавказскихъ народовъ, называющій себя Ламуромъ, имѣетъ произношеніе подобное тому, какъ бы сталъ говорить человѣкъ, у котораго во рту мѣлкіе камешки.*

8) *На примѣръ, у Сандвичевыхъ островитянъ слова состоятъ почти единственно изъ самогласныхъ.*

разпозвучія (polytonia,) и притомъ или оскорбляющаго слухъ частыми запинаніями, 9) свистаніемъ, 10) напряженіемъ и усиліемъ говорящаго, и проч. или пріятнаго какъ бы преднамѣренною разборчивостію въ сопряженіи оныхъ; такъ что отъ сего грубость однихъ смягчается нѣжностію другихъ, произношеніе дѣлается легкимъ, и производитъ какую то услаждающую слухъ, такъ сказать, мягкость. 11).

---

9) *Сіи запинанія обыкновенно происходятъ отъ стеченія многихъ согласныхъ, и слѣдственнно составляютъ нѣчто естественное въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ таковыя стеченія весьма часты.*

10) *Подобное сему обстоятельство было поводомъ Карлу V. сказать объ Англинскомъ языкѣ, что онъ желалъ бы на немъ говорить съ птицами.*

11) *Такая тонкая разборчивость слуха заставляла древнихъ Грековъ разныя дѣлать перемѣны съ буквами въ иностранныхъ реченіяхъ, особливо въ собственныхъ именахъ, дабы чрезъ то сдѣлать ихъ произношеніе легче и пріятнѣе. Подобнымъ образомъ ны-*

§ 24.

О томъ что называется вообще ладомъ, и въ особенности плясовымъ и мусикійскимъ.

Самая мѣра слоговъ весьма много такъ же содѣйствуетъ къ приятности или грубости рѣчи. Чтобъ изъяснить сіе, замѣтимъ, что намъ всегда нравятся слѣдующія другъ за другомъ такія измѣненія, которыя въ разсужденіи своихъ качествъ, подлежащихъ изчисленію, находятся въ нѣкоторомъ удобовнятномъ геометрическомъ между собою содержаніи: такъ на примѣръ въ разсужденіи времени, когда одно измѣненіе совершается въ большее, другое въ меньшее продолженіе онаго, но такъ что время, котораго требуетъ одно изъ нихъ, находится въ показанномъ содержаніи ко времени, котораго требуетъ другое. Но когда послѣ нѣсколькихъ симъ образомъ взаимно соотвѣтству-

---

нѣшніе Италіанцы смягчаютъ произношеніе словъ Латинскихъ, составляющихъ большую часть реченій ихъ языка. На примѣръ вмѣсто флато они говорятъ фято, вмѣсто плаценціа, піаченца вмѣсто квандо куандо.

ющихъ измѣненій слѣдуетъ другое ихъ отдѣленіе, подобное предъидущему во всемъ, то есть въ числѣ, количествѣ подлежащихъ изчисленію качествъ, и порядкѣ; за другимъ такое же точно третіе, и такъ далѣе, до извѣстнаго однако нѣкотораго количества: то удовольствіе, которое намъ приноситъ строго въ семъ случаѣ наблюдаемая математическая мѣра, дѣлается еще живѣе. Оно столько естественно человѣку, что пляски и пѣсни самыхъ дикихъ всегда имѣютъ сего рода размѣръ. Такой искусственной подборъ слѣдующихъ одно за другимъ измѣненій, находящихся въ геометрическомъ другъ ко другу содержаніи тѣхъ ихъ свойствъ, которыя подлежатъ изчисленію, называется ладъ 1) (le rythme, la cadence); и

---

1) *Сіе россійское слово, означая совершенно тоже, что Французское cadence, что видно изъ противозначащаго разладъ, употребляется въ семъ знаменованіи не иначе, какъ съ предлогомъ въ, на примѣръ, плясать въ ладъ, пѣть въ ладъ, подобно какъ слово разладъ, только съ предлогомъ на, на примѣръ, играть на разладѣ.*

дѣйствуетъ или на зрѣніе наше, или на слухъ. Поражающія зрѣніе измѣненія суть не что иное, какъ движенія, совершающіяся однѣ въ большее, другія въ меньшее продолженіе времени, но такъ что сіи времена находятся въ точной одно къ другому геометрической пропорціи. Поелику къ такимъ движеніямъ болѣе всего принадлежатъ тѣ, которыя составляютъ пляску и танцы; то сего рода ладъ и называется плясовымъ. Онъ тѣмъ пріятнѣе, чмѣъ больше бываетъ въ одно время движущихся: поелику въ семъ случаѣ кромѣ размѣра времени, употребляемаго на движенія, еще поражается наше зрѣніе тѣмъ единообразіемъ, что множество предметовъ въ одно время совершенно одинаковыя дѣлаютъ движенія; такъ что кажутся намъ съ сей стороны не многими, но однимъ. Сіе обстоятельство столь много участвуетъ въ пріятности сего рода, что иногда увеселяетъ насъ даже одно сіе взаимное соотвѣтствіе движущихся, хотя впрочемъ самыя ихъ движенія въ отношеніи къ употребляемому на нихъ времени почти единообразны. Таковы движенія войска, которое идетъ строемъ, дѣлаетъ разные обороты, или

мечетъ ружьемъ; таковы движенія смычковъ, которыми дѣйствуютъ вдругъ нѣсколько музыкантовъ, играющихъ одно музыкальное сочиненіе, и особливо одинъ голосъ. Измѣненія, дѣйствующія на слухъ примѣтною соразмѣрностію тѣхъ качествъ ихъ, которыя подлежатъ изчисленію, суть звуки, составляющіе музыку, или обыкновенное человѣческое слово. Качества звуковъ, на коихъ основано искуство музыки, суть: 1) что составляющіе оную звуки, хотя бы человѣческимъ голосомъ, хотя бы какими нибудь орудіями были производимы, продолжаются одни болѣе, другіе менѣе времени; но всегда сіи разномѣрныя времена содержатся одно къ другому въ опредѣленномъ нѣкоторомъ отношеніи двухъ количествъ; такъ на на примѣръ, въ такое время, въ какое совершается одинъ звукъ, бываетъ другихъ два, четыре, восемь, и проч. 2) Сверхъ сего составляющіе музыку звуки имѣютъ еще другой размѣръ, то есть, въ разсужденіи возвышенія и униженія ихъ. Отъ самаго низкаго до самаго высокаго они всегда идутъ весьма ощутительными нѣкоторыми степенями, изъ которыхъ каждая къ другой находится въ математиче-

скомъ какомъ нибудь отношеніи, (то есть въ разсужденіи мѣры ихъ возвышенія или униженія.) Сіи различной степени высокіе и низкіе звуки называются въ музыкѣ тонами; и то еще имѣютъ особливое, что когда два звука, то есть одинъ высокой, и другой низкой, находятся въ такомъ одинъ къ другому математическомъ, (разумѣя опять возвышеніе и униженіе,) содержаніи, которое весьма ощутительно: то какъ бы сливаются въ одинъ, и дѣлаютъ впечатлѣніе въ слухѣ одного тона; и что каждый изъ сихъ тоновъ можетъ быть еще раздѣленъ на нѣсколько степеней возвышенія и униженія, которыя составляютъ то, что называется полутонами, четверть тона, и проч. 3 Каждый тонъ, полутонъ, и пр. можетъ быть произнесенъ съ различнымъ напряженіемъ орудія, которое производитъ его, то есть, иногда громко, а иногда тихо. При чемъ достойно замѣчанія то, что сія громкость и тихость можетъ имѣть такъ же свои степени, а сіи опять могутъ находиться одна къ другой въ математическомъ нѣкоторомъ размѣрѣ. 4. Кромѣ сего на основаніи сходства, какое имѣютъ между собою звуки, находящіеся въ

ощутительномъ весьма другъ ко другу отношенiи въ разсужденiи возвышенiя и униженiя ихъ, могутъ быть производимы человѣческими голосами или орудiями вдругъ многiе такiе звуки, которые не взирая на ихъ множество дѣлаютъ въ слухѣ впечатлѣнiе одного, кажется, тона. 5) Наконецъ звуки, производимые разными орудiями, имѣютъ различное, естьли можно сказать такъ, образованiе, соотвѣтствующее образу устроенiя тѣхъ орудiй, которыя ихъ производятъ; такъ что звукъ одного орудiя подобенъ свисту воздуха, другаго звону, третiяго стуку падающаго тѣла, и пр. Всѣ изъясненныя качества звуковъ, производимыхъ или человѣчекимъ голосомъ или орудiями, были, какъ сказано, источникомъ искуства музыки: но самое главное оной основанiе содержится въ томъ математическомъ размѣрѣ, какой имѣютъ звуки во время ихъ произношенiя въ разсужденiи какъ употребляемаго на то времени, такъ и степени возвышенiя и униженiя оныхъ. Въ семъ собственно состоитъ то, что называется ладомъ мусикiйскимъ.

§ 25.

О ладѣ, свойственномъ человѣческому слову, и о произхожденіи стихосложенія.

Человѣческое слово такъ же имѣетъ въ себѣ нѣчто такое, что подлежитъ изчисленію. Составляющіе оное звуки (слоги) произносимы бываютъ иные въ большее, другіе вь меньшее продолженіе времени; такъ что естьли употребленное на произношеніе нѣкотораго числа, на примѣръ двухъ, трехъ, и пр. звуковъ время раздѣлить на нѣсколько равныхъ частей, (положимъ на двѣ); то между тѣмъ, какъ одинъ звукъ требуетъ одной цѣлой части, другіе два оба вмѣстѣ занимаютъ собою другую такую же часть, слѣдственно одинъ изъ сихъ двухъ послѣднихъ только половину сей части времени, на примѣръ, мӣлŏстӣ. Такой звукъ, который бываетъ произносимъ во столько времени, сколько онаго употребляется на произношеніе двухъ другихъ, называется долгимъ, а каждый изъ тѣхъ двухъ кроткимъ. Сіе измѣреніе въ каждомъ реченіи звуковъ (слоговъ) относительно ко времени на произношеніе ихъ употребляемому

извѣстно у насъ 1) подъ именемъ слово-ударенія. При семъ весьма естественный родится вопросъ: отъ чего про-

---

1) *Древніе подъ симъ разумѣли другое. Греческое* prosodia *и Латинское* accentus *означали такія измѣненія голоса, которыя дѣлали произношеніе похожимъ на пѣніе,* (ad cantum). *Сіе доказываютъ между прочимъ самые знаки, которыми они изображали то, въ чемъ состояло у нихъ словоударение. Сихъ знаковъ у нихъ было три; а именно, такъ называвшееся у насъ удареніе острое* ' *употребляли они для означенія возвышенія голоса, съ какимъ должно было произнести одинъ слогъ; удареніе тяжкое* \ *для выраженія униженія голоса надъ другимъ звукомъ, и знакъ облеченный* ^ *для показанія, что одинъ звукъ должно произносить съ начала возвышеннымъ, а потомъ униженнымъ голосомъ. Напротивъ сего знаки, изображающіе долготу и краткость звуковъ, были другіе, впрочемъ всѣмъ извѣстные, то есть,* — ◡. *Древній нашъ, то есть, Славянскій языкъ имѣлъ тѣже самые словоударенія знаки, и безъ сомнѣнія употреблялъ ихъ съ тѣмъ же намѣреніемъ.*

изходитъ сія долгота и краткость слоговъ; тѣмъ болѣе что не рѣдко одинъ слогъ въ одномъ реченіи бываетъ долгимъ, а въ другомъ короткимъ? Въ разсужденіи сего замѣтимъ, что есть языки, въ которыхъ каждое не односложное реченіе всегда имѣетъ только одинъ долгій слогъ, и при томъ такъ что находящіеся не посредственно подлѣ него бываютъ короткіе: а напротивъ въ другихъ языкахъ иныя многосложныя слова имѣютъ одно, два, три, и болѣе, и при томъ съ ряду долгихъ слоговъ, а иныя ни одного. Изъ сего съ нѣкоторымъ основаніемъ можно заключить, что въ языкахъ перваго рода есть нѣкоторый естественный, кроющійся въ самомъ существѣ реченій, источникъ ихъ словоударенія; а въ другихъ оно произтекаетъ изъ произвольнаго на сіе согласія и постановленія. Впрочемъ на чемъ бы ни было основано словоудареніе въ разныхъ языкахъ; но то достовѣрно, что размѣрность долгихъ и кроткихъ слоговъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, ощутительна слуху нашему; а основанное на точнѣйшемъ геометрическомъ размѣрѣ отношеніе ихъ другъ ко другу, въ чемъ собственно состоитъ ладъ свойственный человѣческому сло-

ву, приятно нашему слуху. Сіе самое обстоятельство было побужденіемъ изобрѣсти средство подбирать долгіе и короткіе слоги въ рѣчи такъ, чтобы упомянутая ихъ разномѣрность и показанное отношеніе были гораздо примѣтнѣе, и слѣдственно гораздо пріятнѣе слуху. На сей конецъ начали составлять рѣчь изъ такихъ частей, изъ коихъ каждая состоитъ изъ извѣстнаго числа слоговъ опредѣленной мѣры. Всѣмъ извѣстно, что каждая сего рода искуственная часть нашей рѣчи называется стопою: и что судя по тому, изъ какаго числа и какой мѣры слоговъ будетъ состоять, имѣетъ еще другое собственное ей названіе. Когда она состоитъ изъ одного долгаго и одного короткаго слоговъ, то называется или хореемъ, на примѣръ, бы̄стрŏ, или ямбомъ, на примѣръ, йдӣ; когда изъ одного долгаго и двухъ короткихъ, то или дактилемъ, на примѣръ, мы̄слŭмй, или анапестомъ, на примѣръ, пŏклŏнӣсь; когда изъ двухъ или долгихъ или короткихъ, то въ первомъ случаѣ спондеемъ, а во второмъ пиррихіемъ; 2) наконецъ иногда

---

2) *Въ россійскомъ языкѣ никогда не можетъ быть спондей, потому что*

изъ двухъ долгихъ и двухъ же короткихъ слоговъ, многообразно разполагаемыхъ; и отъ того различно называемыхъ. Изъ того, что выше сказано о произхожденіи словоударенія, явствуетъ, что хорей, ямбъ, дактиль и анапестъ могутъ быть свойственны всѣмъ языкамъ; 3) но спондей, пиррихій

въ немъ слогъ, находящійся подлѣ слога долгаго, всегда бываетъ короткій. Пиррихій же у насъ можетъ быть только въ такихъ слогахъ, которые находятся въ многосложномъ словѣ, а не въ такихъ, кои составлялибы цѣлое реченіе: поелику въ нашемъ языкѣ ни одно реченіе не можетъ быть безъ долгаго слога.

3) Стихотворцы наши, употребляя почти обыкновенно или ямбъ, или хорей, лишаютъ, кажется, сами себя способа гораздо живѣе изображать свои намѣренія посредствомъ дактилей и анапестовъ, весьма свойственныхъ нашему языку, и способныхъ гораздо болѣе, нежели ямбъ и хорей, дать игры и выраженія слову. На примѣръ:

Въ слѣдъ за волною волна, какъ стрѣла за стрѣлою, стремится;
Мчится за ними корабль, сбившись съ пути своего:

и другіе тѣмъ только изъ оныхъ, кои имѣютъ словоудареніе произвольное. Между тѣмъ должно сказать, что языкъ, который имѣетъ всѣ роды стопъ, гораздо способнѣе къ тому, чтобы самою мѣрою слоговъ живѣе изобразить въ стихотвореніи нѣкоторыя качества вещей, о которыхъ идетъ рѣчь. Стихотворцы, писавшіе на такихъ языкахъ, весьма часто и съ великимъ успѣхомъ пользовалися симъ преимуществомъ своего слова. 4) При окончаніи сихъ изъясненій о ладѣ, свойственномъ человѣческой рѣчи, остается замѣтить, что онъ не сравненно болѣе дѣйствуетъ надъ нами,

---

Хладный потъ съ лица у морехода катится;
Кровь едва, едва движется въ жилахъ его.

4) *Есть еще особливаго рода, естьли можно такъ сказать, полуискуственное стихосложеніе, въ которомъ, не входя въ мѣру слоговъ, наблюдаютъ только въ извѣстной части слова опредѣленное оныхъ число. Оно, кажется, есть первой степени произведеніе человѣческаго искуства въ стихосложеніи. Предки наши, какъ извѣстно, писали всегда стихи сего рода.*

когда съ нимъ бываютъ соединены еще или одинъ, или и оба другіе лада, то есть мусикійской и плясовой. По сей причинѣ у древнихъ стихи всегда были пѣты и сопровождаемы пляскою.

§ 26.

О зависящей отъ качества и смѣшенія слоговъ и реченій естественной, и о произхожденіи искуственной приятности слова.

Изъ того, что въ предъидущемъ параграфѣ сказано о свойственномъ человѣческому слову ладѣ, явствуетъ, что какъ сего утонченнаго искуства въ разсужденіи подбора и совокупленія въ рѣчи долгихъ и короткихъ слоговъ, которое мы называемъ стихосложеніемъ, такъ и того менѣе возхитительнаго, но болѣе сообразнаго съ природнымъ качествомъ нашей рѣчи, въ которомъ заключается частію естественная оной приятность, основаніемъ и источникомъ между прочимъ есть мѣра составляющихъ ее слоговъ. Различіе только то, что они тамъ гораздо съ большимъ, здѣсь съ меньшимъ раче-

ніемъ бываютъ подобраны одни къ другимъ; и по сему произходящая отъ того ихъ разномѣрность въ различной степени поражаетъ нашъ слухъ. Въ стихосложеніи столько бываетъ на то вниманія, что отъ того рѣчь превращается въ нѣкоторой родъ музыки, такъ что употребленное въ семъ случаѣ искуство не можетъ сокрыться и отъ посредственнаго наблюденія: напротивъ сего въ рѣчи естественно приятной ощутительно только то, что нѣтъ въ ней ни избытка долгихъ слоговъ, которые дѣлаютъ ее медленною и томною, ни изобилія короткихъ, сообщающихъ ей не обычайную быстроту и живость; но соразмѣрное тѣхъ и другихъ количество, представляя слуху переходъ то отъ скорости къ медленію, то отъ медленія къ скорости, тѣмъ самимъ производитъ въ немъ услаждающее нѣкоторое впечатлѣніе. Наконецъ какъ число и мѣра составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ приятности нашего слова: то и самая, естьли можно сказать такъ, объятность реченій принадлежитъ къ числу причинъ оной. Длинный рядъ односложныхъ, или малосложныхъ, реченій заставляетъ, произнесши каждое изъ нихъ, останавли-

ваться, и чрезъ то дѣлаетъ рѣчь весьма часто какъ бы прерывающеюся къ неудовольствію слуха: 1) напротивъ сего нѣсколько слѣдующихъ одно за другимъ многосложныхъ словъ чрезъ мѣру продолжающимся безъ отдыха произношеніемъ, какаго требуетъ каждое такое реченіе, утомляютъ и говорящаго и слушающаго. 2) Предположивъ сіе, справедливо можно сомнѣваться, чтобы могли имѣть сего рода естественную пріятность языки какъ тѣ, которыя состоятъ единственно, или по большой части, изъ реченій односложныхъ; 3) такъ и тѣ,

---

1) *На примѣръ, сколько должно имѣть остановокъ, какія обыкновенно дѣлаютъ по окончаніи каждаго слова, произнося слѣдующій стихъ:*

Что нужды въ томъ, хоть царь,
хоть рабъ, кто ты ни есть.

2) *Что можетъ быть утомительнѣе произношенія сихъ словъ, покровительствуемый высокоименитою добродѣтелію вашею?*

3) *Всѣ китайскаго языка реченія суть односложны, такъ что онѣ остаются таковыми даже и въ томъ случаѣ, ког-*

которые изобилуютъ многосложными. Одни посредствующіе между ними, или способные къ тому, чтобъ искуство могло въ нихъ всегда составлять рѣчь изъ разносложныхъ словъ, суть тѣ, которымъ свойственна естественная приятность слова, произходящая отъ мѣры самыхъ реченій.

Оканчивая общее разсужденіе о врожденной нѣкоторымъ языкамъ нѣжности, не знаю, нужно ли замѣтить о томъ, что они весьма способны къ изображенію нѣжныхъ чувствованій: поелику свойственная имъ приятность, поражая слухъ, доходитъ до самой внутрености души, и приводитъ ее въ нѣкоторое какъ бы разтаяніе. Напротивъ сего языки, которые лишены сей естественной нѣжности, должны

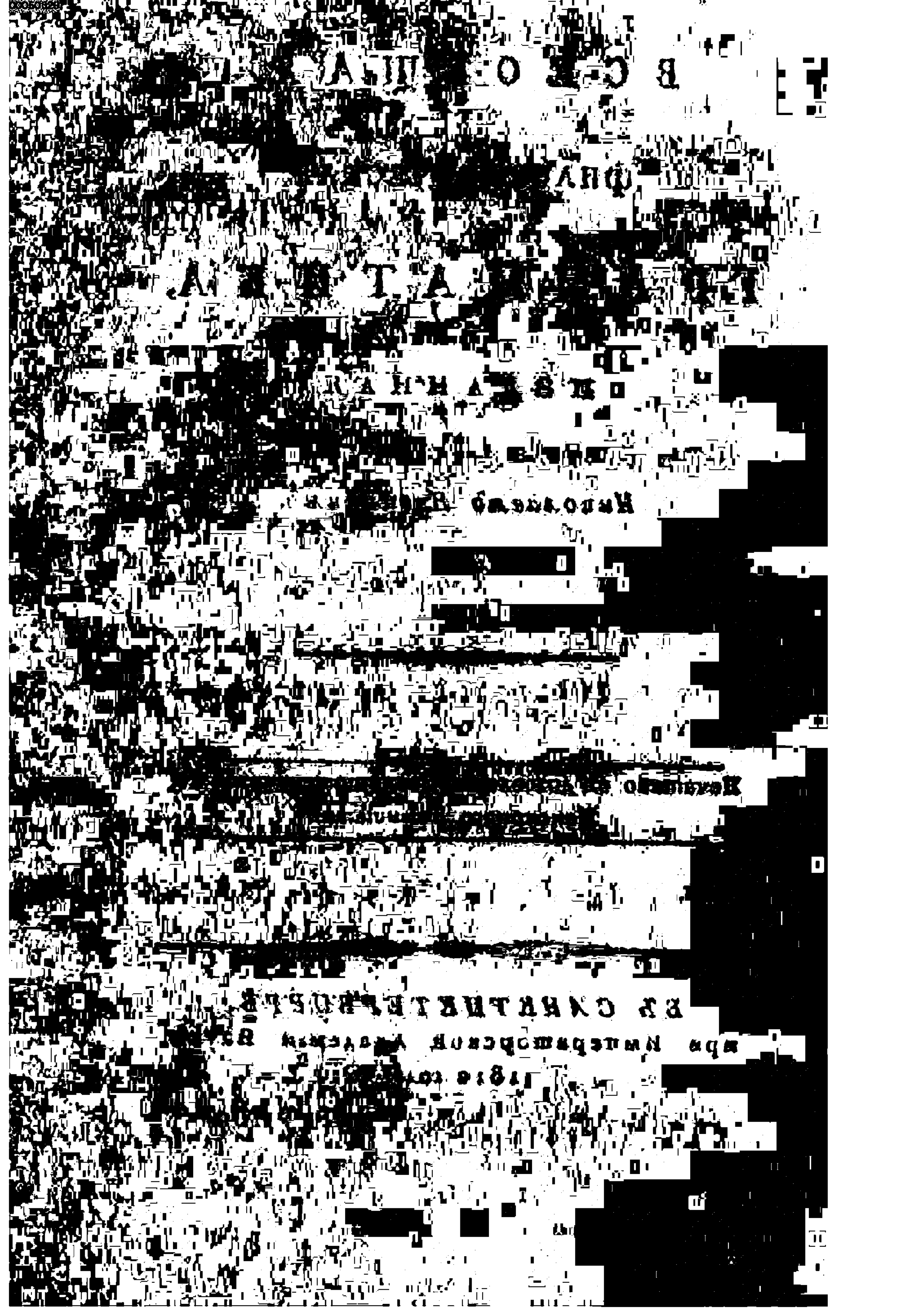
да ихъ два употребляютъ для изображенія одной вещи. Будутъ ли онѣ написаны, или произнесены, никогда не сливаютъ ихъ въ одно слово, но бываютъ такъ раздѣлены, какъ не имѣющія между собою связи. Сибо въ опытѣ о китайскомъ языкѣ, помѣщенномъ въ 8 томѣ записокъ о китайцахъ.

быть, кажется, вовсе не способными къ произведенію подобныхъ очарованій. Они дѣйствительно бываютъ такими, естьли остаются всегда въ первобытномъ своемъ видѣ. Но чего не усовершаетъ человѣческое искуство? Коль часто оно вознаграждаетъ скупость природы возможнымъ ей подражаніемъ, основаннымъ на тончайшихъ изслѣдованіяхъ ея. Такимъ способомъ оно дополняетъ недостатокъ естественной приятности слова правилами, извлеченными изъ философскаго разсмотрѣнія оной, и разительными того примѣрами. Сими средствами доставляемая языку плавность, или такъ называемое словотеченіе, составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ витій и наставниковъ витійства.

КОНЕЦЪ
ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

На нашемъ языкѣ довольно находится Логикъ и Риторикъ; по крайней мѣрѣ хотя изъ всѣхъ, учащимся можно собрать первоначальныя понятія о сихъ наукахъ. Въ Грамматикахъ частныхъ также нѣтъ у насъ недостатка. Мы имѣемъ Грамматики: Ломоносова, Россійской Академіи, Никольскаго, Борна и недавно изданную отъ Главнаго Правленія училищъ. Сія послѣдняя довольно обдумана и весьма достаточна для нижнихъ учебныхъ заведеній. Чтожъ касается до Грамматики Всеобщей, которая бы могла послужить къ легчайшему и яснѣйшему изученію частныхъ: то сія первоначальная и самонужнѣйшая часть народа, занимающагося изученіемъ столь многихъ языковъ, доселѣ еще остается у насъ, какъ бы въ забвеніи.

Въ уставѣ же учебныхъ заведеній, наука сія постановлена въ числѣ главныхъ предметовъ, преподающихся въ Гимназіяхъ. Необходимость такой книги для всѣхъ Гимназій, (изъ коихъ въ Санктпетербургской и я преподаю уроки въ Россійской Словесности) заставила меня ускорить сіе изданіе. Во всемъ держался я все-

общей Грамматики Французскаго писателя Порт-Рояля; только гдѣ нужно, сдѣлалъ перемѣны; многое выбросилъ, многое прибавилъ. Примѣры приводилъ большею частію только трехъ языковъ: Россійскаго, Латинскаго и Французскаго, изъ коихъ можно дѣлать заключеніе и къ другимъ. Осмѣлился также въ нѣкоторыхъ главахъ дѣлать замѣчанія, относительно нашего, Французскаго и прочихъ языковъ. Недостатки, коихъ при первомъ опытѣ избѣжать невозможно, надѣюсь простятъ, или исправятъ благосклонные читатели.

Съ сею же Грамматикою (и кому угодно) въ особенной книжкѣ изданъ Механизмъ Россійскаго Стихотворства. Узнавъ изъ опыта, что изученіе однихъ только сухихъ правилъ, почти безполезно, наполнилъ я Механизмъ, или Стопосложеніе сіе болѣе примѣрами, нежели правилами. Сіи избранные и лучшіе при мѣры во всѣхъ родахъ и изъ различныхъ Стихотворцевъ, нечувствительно научатъ юношей разнообразности слога, нравственности, образуютъ ихъ вкусъ, возбудятъ охоту къ сочиненію и послужатъ къ легчайшему изученію Піитическихъ и Эстетическихъ правилъ, кои должно будетъ проходить въ послѣдствіи. Совершенно буду вознагражденъ

за трудъ мой, когда облегчивъ себя и моихъ слушателей, хотя нѣсколько облегчу также моихъ Сотрудниковъ, преподающихъ наставленія въ Гимназіяхъ.

[illegible]

[illegible] Нѣмецкаго, Французскаго и прочихъ языковъ. Недостатки, коихъ при первомъ опытѣ избѣгнуть невозможно, надѣюсь простятъ, или исправятъ благосклонные читатели.

Списокъ же Стихотворцовъ (и [illegible]) въ особенной книжкѣ [illegible] Механизмъ Россійскаго Стихо[illegible] Учитъ, или опыта, что ученіе однѣмъ только сухимъ правиламъ, совсѣмъ безполезно, выводилъ я Механизмъ, или Стихосложеніе сіи образцы примѣрами, между правилами. Сіи избранные и лучшіе примѣры во всѣхъ родахъ и изъ различныхъ Стихотворцевъ, [illegible] изучать юношей [illegible], образуютъ ихъ вкусъ, возбуждать охоту къ сочиненію и послужатъ къ легчайшему изученію Пиитическихъ и Эстетическихъ правилъ, кои должны будутъ прочитать въ послѣдствіи. Совершенно буду вознагражденъ [illegible]

ВВЕДЕНІЕ

Во Всеобщую, или Философическую Грамматику.

Грамматика, Логика и Риторика, суть три науки, долженствующія быть всегда не разлучны, и кои необходимы для каждаго благовоспитаннаго человѣка. Онѣ служатъ путеводителями на поприщѣ Словесности и способствуютъ къ открытію дарованій. *Грамматика* есть наука правильно говорить. *Логика* научаетъ хорошо мыслить. *Риторика говорить красно-рѣчиво. Правильно говорить*, значитъ употреблять принятыя слова, слѣдовать введенному словорасположенію, избѣгать во всѣхъ выраженіяхъ грубыхъ словъ и погрѣшностей противу слово — сочиненія. *Хорошо мыслить*, значитъ доставлять своимъ понятіямъ ясность и точность, предусмотрительно давать сужденія и дѣлать заключенія связно и правильно. *Краснорѣчиво говорить*, значитъ говорить блистательно, заставлять слушать себя съ удовольствіемъ и убѣждать своихъ слушателей. - Вотъ три всеобщія средства, коихъ польза распространяется на всѣ роды наукъ и сло

весности, и кои показываютъ хорошее воспитанїе, правоту разума и отличныя способности въ тѣхъ людяхъ, въ коихъ онѣ соединены. Оставляя прочїя науки мы займемся Философическою, или всеобщею грамматикою всѣхъ языковъ (*).

Всеобщая, или Философическая Грамматика можетъ назваться основанїемъ всѣхъ Грамматикъ и всѣхъ языковъ, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ (**).

Здѣсь необходимо должно прибѣгнуть къ самымъ началамъ языка; надлежитъ говорить, о *буквахъ*, *словахъ*, *именахъ*, *членахъ*, *глаголахъ*, *предлогахъ*, *частицахъ* и проч: ибо все сїе входитъ въ основанїе и составъ языка, въ слово-сочиненїе, расположенїе, выраженїе и согласїе. Не постыдимся,

---

(*) Здѣсь должно бы говорить о началѣ, или происхожденiи языка вообще: но о семъ предметѣ можно читать въ особо изданной мною книжкѣ: Разсуж: о словесности вообще.

(**) Живые языки суть тѣ, которыми говорятъ нынѣ живущїе народы. Мертвые же суть тѣ, коими говорили извѣстные древнїе народы, не составляющїе уже болѣе особенныхъ народовъ. Изъ сего заключить можно, что первые не подлежатъ болѣе никакому измѣненїю; а послѣднїе безпрестанно перемѣняются.

какъ говоритъ Лагарпъ, низсойти къ симъ мѣлочамъ, кои потому кажутся маловажными, что объ нихъ безполезнымъ образомъ говорятъ дѣтямъ, не могущимъ разумѣть оныхъ. Но когда наблюдательный умъ помышляетъ о всецѣломъ пути, которой переходить надлежитъ, дабы достигнуть языка здраваго и правильнаго, не взирая на всѣ его недостатки; тогда составленіе языка кажется чудомъ ума человѣческаго и совсѣмъ не рѣшимою задачей. Ибо какъ можно, не имѣя Грамматики составить языкъ, или не имѣя языка выдумать Грамматику? Сіи сомнѣнія всегда будутъ сомнѣнія, двѣ только вещи дѣлаютъ намъ ихъ нѣсколько понятными: *нужда* и *время*.

[illegible] и [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible] согласие [illegible]

[illegible] бы [illegible] о началѣ, [illegible]

[illegible] изданное [illegible]

[illegible] вообще [illegible]

[illegible] говорить [illegible]

[illegible] особен- [illegible]

[illegible] не подлежатъ болѣе [illegible]

[illegible] а [illegible] безпрестанно пере- [illegible]

00050329

ВСЕОБЩАЯ,

На здравомъ разсудкѣ основанная Грамматика.

Грамматика, по опредѣленію многихъ, есть наука правильно говорить и писать на какомъ нибудь языкѣ. Говорить же значитъ обьяснять свои мысли посредствомъ знаковъ, для сего единственно изобрѣшенныхъ.

Найдено, что самые выгоднѣйшіе изъ сихъ знаковъ суть звуки и голоса. Но поелику сіи звуки изчезаютъ въ воздухѣ, то для сего изобрѣтены другіе знаки, посредствомъ коихъ можно содѣлать ихъ видимыми и продолжительными, что самое и составляетъ сущность писанія, такъ названнаго отъ Грековъ *Γράμματα*, откуда произошло, слово *Грамматика*..

По сему можно принять въ разсужденіи сихъ знаковъ двѣ вещи: *первое*, ихъ свойство, т. е. звуки и начертанія, или буквы. *Второе*, ихъ значеніе, т. е. спо-

собЪ, употребляемый людьми для обЪясненія своихЪ мыслей. О первомЪ говорить будемЪ вЪ первой части сей Грамматики; а о второмЪ во второй части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О начертаніяхъ и буквахъ, употребляемыхъ въ письмѣ.

ГЛАВА I.

О литерахъ, такъ какъ звукахъ, и во первыхъ о Гласныхъ.

Звуки, такъ названные литерами, употребляемые въ словахъ, суть различны. Ихъ изобрѣтеніе было самое естественное, о коемъ не безполезно здѣсь замѣтить.

Поелику уста наши суть единственный органъ образующій звуки, то примѣтили, что иногда сіе образованіе звука бываетъ столь просто, что стоитъ только открыть ротъ, дабы быть слышимымъ и произнести какой нибудь раздѣльный *голосъ*. Сіе самое подало случай литеры сіи назвать, *гласными*.

Иногда же образованіе сіе имѣетъ нужду въ другихъ частяхъ, сей органъ составляющихъ, какъ-то: въ зубахъ, губахъ, языкѣ, небѣ, такъ что не иначе можно образовать совершенный звукъ, какъ открытіемъ тогоже рта, но съ присоединеніемъ къ тому сихъ первыхъ звуковъ, или гласовъ; отсюда и называются таковыя литеры, *согласными*, т. е. стоящими вмѣстѣ съ гласными.

Всѣхъ буквъ въ Россійскомъ языкѣ 35. Гласныя суть слѣдующія:
а, *е*, *и*, *і*, *о*, *у*, *ы*, *ѣ*, *ю*, *я*, *ѵ*, *э*. — И такъ *гласная* буква есть та, которая безъ помощи другой буквы, при одномъ отверстіи рта, сама собою производитъ *голосъ*.

Гласныя можно раздѣлить еще на двугласныя и полугласныя. *Двугласными* буквами называются двѣ гласныя, производящія одинъ голосъ. напр. *ай*, *ей*, *ій*, и проч.

Полугласными или *средними буквами* называются *ъ* и *ь*. Называются полугласными потому, что не составляютъ цѣлаго голоса, но только половину, и служатъ, *первая*, къ твердому произношенію, а *вторая* къ умягченію согласныхъ; напр. *Вѣсъ*, *весь*; *братъ*, *брать*; *уголъ*, *уголь*; *кровъ*, *кровь*.

Но поелику нѣкоторыя изъ гласныхъ буквъ могутъ быть долгія, нѣкоторыя же короткія; посему и гласныя буквы раздѣляются на многіе роды, которыя по различію произношенія не бываютъ одинаковы на всѣхъ языкахъ. Раздѣленіе оныхъ на *долгія* и *короткія* примѣчательнѣе всѣхъ потому, что имѣетъ вліяніе на обыкновенные разговоры, Краснорѣчіе, а особливо на Стихотворство.

Долгими и *короткими* такъ называютъ гласныя, при произношеніи коихъ голосъ болѣе, или менѣе напрягается; онѣ дѣлаютъ всегда долгими, или короткими тѣ слоги, въ коихъ находятся.

ГЛАВА 2.

О согласныхъ.

Тѣ буквы, кои безъ помощи гласныхъ ни какъ не могутъ произнестись, или издать какого нибудь голоса, называются, какъ сказано выше, *Согласными*; каковы суть: въ Россійскомъ языкѣ: *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*,; въ коихъ болѣе всѣхъ участвуетъ гласная буква, *е*. —

Касательно буквъ гласныхъ, двоегласныхъ, полугласныхъ и согласныхъ, хотя можно бы распространиться гораздо болѣе, а особливо относительно буквъ языка Французскаго, Греческаго и другихъ, кои имѣютъ различныя измѣненія и при различномъ отверстіи рта производятъ совсѣмъ различные звуки: однако употребленіе и примѣръ людей, чистое произношеніе имѣющихъ, суть единственныя правила, какія въ разсужденіи ихъ предписать можно. Грамматика каждаго языка учитъ произношенію сихъ гласныхъ, двоегласныхъ, полугласныхъ,

согласныхъ, слоговъ и составленныхъ изъ нихъ словъ.

Но какъ Грамматика написана, и дѣйствуетъ только на глаза, произношеніе же поражаетъ слухъ: то правильному произношенію въ языкахъ живыхъ, можно научиться отъ природныхъ людей того языка; а въ языкахъ мертвыхъ, обращаясь съ хорошимъ учителемъ того языка.

Человѣкъ способный и понятный почти одному только произношенію и можетъ научиться отъ уроковъ учителя. Все прочее находится въ хорошихъ Грамматикахъ, и прилежный ученикъ можетъ пользоваться оною и безъ учителя съ равнымъ, а часто еще съ большимъ успѣхомъ.

ГЛАВА 3.

О слогахъ.

Слогъ есть звукъ полный, произносимый въ одно мгновеніе, и которой не можетъ, или не долженъ раздѣляться. Онъ можетъ состоять иногда изъ одной только литеры, въ прочемъ, чтобъ онъ былъ правильной, требуется оныхъ болѣе. По чему и назвали его *слогомъ*, отъ Греческаго слова *συλλαβὰ*, comprehensio, *совокупленіе*.

Одна гласная можетъ составить слогъ. Равно двѣ гласныя иногда составляютъ одинъ слогъ, или входятъ въ тотъ же самой слогъ: но тогда уже таковыя гласныя называются двоегласными; потому что тутъ два звука соединяются въ одинъ; какъ напр: *мой*, *твой*; или Франц: *mieux*, *bien*, *ayant*, *eau* и проч.

Большая часть двоегласныхъ теряется въ обыкновенномъ Латинскомъ произношеніи, поелику тамъ *ae*, и *oe*, произносятся, какъ простое *e*; но онѣ еще удержаны у Грековъ, правильное произношеніе имѣющихъ.

Въ нѣкоторыхъ языкахъ иногда двѣ, или три гласныя составляютъ одинъ только простой звукъ, какъ на пр: въ языкѣ Франц: *oeu*, въ *coeur*, сердце; также однимъ звукомъ произносятся, *oe* и *au*. Но въ прочемъ Франц: языкъ такъ, какъ и Россійской, имѣетъ истинныя двоегласныя; *oüe*, *joüet*; *oi*, *joi*; *ie*, *mien*, *premier*; *ieu*, *Dieu*. Гдѣ должно замѣтить, что сія послѣдняя не двоегласная, какъ нѣкоторые назвать хотѣли; потому что *eu*, въ своемъ звукѣ составляетъ одинъ только голосъ, а не два.

Однѣ согласныя не могутъ составить слога, но надобно, чтобъ онѣ были вмѣстѣ съ гласными, или двоегласными; надобно, чтобъ онѣ послѣдовали, или предшествовали онымъ.

Не смотря на то, нѣсколько согласныхъ могутъ находиться въ одномъ и томъ же слогѣ; могутъ даже иногда быть три согласныя прежде, и двѣ послѣ гласной; на пр: въ Латинскомъ словѣ *scrobs*, яма; и на оборотъ, т. е. двѣ согласныя прежде, а три послѣ, напр: *stirps*, *пень*.

ГЛАВА 4.

О словахъ, такъ какъ звукахъ, и о ихъ удареніяхъ.

Мы не говоримъ еще здѣсь о словахъ относительно ихъ значенія; но скажемъ о нихъ только относительно ихъ звуковъ.

Словомъ обыкновенно называютъ то, что особливо, или отдѣльно произносится и пишется. напр: *слава*, *честь*.

Нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ изъ одного только слога, иныя же изъ двухъ или многихъ; по сему-то слово, которое состоитъ изъ одного слога, называется, *односложнымъ*; тѣ же слова, кои состоятъ изъ двухъ, или многихъ слоговъ, называются, *двусложными* и *многосложными*. напр: *Богъ*, *Прав-да*, *О-те-че-ство!*.

Удареніе особеннаго достойно примѣчанія при произношеніи словъ. Оно есть не что иное, какъ возвышеніе голоса надъ какимъ либо сло-

томъ слова, послѣ коего голосъ по необходимости понизиться долженъ.—

Возвышеніе голоса, называется удареніемъ *долгимъ*, и изображается знакомъ (—), или острымъ, (ʹ) или тяжелымъ (ˋ); а пониженіе голоса, *короткимъ*, и означается знакомъ (ᵕ. Но какъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ уже находятся нѣкоторые извѣстные слоги, долгіе и короткіе по натурѣ, надъ коими голосъ или понижаться, или возвышаться долженъ: то къ первымъ двумъ присоединили еще третіе удареніе, такъ названное (*circonflexe*) *облегченнымъ*, которое заключаетъ въ себѣ оба первыя; оно писалося прежде такъ: (^), а послѣ (῀) такъ.

Въ прочемъ правила ударенія Греческаго, Латинскаго, Россійскаго и другихъ языковъ, можно видѣть въ новѣйшихъ Греческихъ, Латинскихъ и Россійскихъ Грамматикахъ, въ Словаряхъ и Градусахъ.

Примѣчаніе: Нѣтъ ни одного языка, которой бы не имѣлъ собственной Просодіи, т. е. въ которомъ бы не были замѣтны ударенія, гортанныя произношенія, измѣреніе долгихъ и короткихъ слоговъ, остановки, или отдыхъ между различными частями рѣчи: однако должно сказать, что сія просодія въ нѣкоторыхъ языкахъ гораздо замѣтнѣе, нежели въ другихъ. Просодія Французская, несравненно замѣтнѣе

нашей Руской просодіи. Изъ опытовъ видно, что нѣтъ труднѣе для иностранца научиться нашему словоударенію.

Мы не имѣемъ нужды въ своей просодіи, т. е. въ удареніяхъ и остановкахъ, подчиненныхъ особливымъ правиламъ. Одно употребленіе научитъ насъ правильному ударенію и произношенію; и естьли какой нибудь Ораторъ, или актеръ вмѣсто долгаго употребитъ удареніе короткое, или какъ нибудь переиначитъ какую либо букву: то самое ухо наше легко замѣчаетъ его ошибку. Такъ напр: естьли скажетъ вмѣсто *по̆го́да — по̆го̆дà*; и симъ подобное. Или въ языкѣ Франц: вмѣсто tempête — tempète; вмѣсто l'homme, le homme. Французы такъ, какъ и Латиники имѣютъ не опредѣленныя ударенія — т. е, долгія, болѣе или менѣе — долгія; а короткія — болѣе или менѣе — короткія. Въ прочемъ они въ употребленіи просодіи не слѣдуютъ своимъ предкамъ; у нихъ она наблюдается только въ разговорахъ, а не въ письмѣ.

Различіе между *é* острымъ, и *è* тяжелымъ состоитъ въ томъ, что первое произносится болѣе ртомъ закрытымъ; какъ — то: *bonté*, а второе, болѣе открытымъ, какъ—то: *succès*. Что самое относится и къ частицамъ, *à*, *là*; *çà* и проч. И по тому ни острое, ни тяжелое не могутъ быть основаніемъ ударенія, но только свойствомъ сихъ буквъ.

Равно и облеченное есть не что иное, какЪ только знакЪ долгихЪ и короткихЪ слоговЪ. Греки вмѣсто его употребляли двойное удареніе, по силѣ коего они на одной и той же гласной, голосЪ свой возвышали и вЪ ту же минуту опять опускали, а Французы причисляютЪ его кЪ долгимЪ: какЪ напр: âge, fête, côte, jeûne.

ГЛАВА 5я.

О буквахЪ, разсматриваемыхЪ такЪ какЪ начертаніяхЪ.

ДоселѢ говорили мы о буквахЪ только по отношенію кЪ ихЪ начертанію, а теперь будемЪ говорить о нихЪ такЪ, какЪ самыхЪ начертаніяхЪ, т. е. какое отношеніе имѣютЪ сіи начертанія кЪ звукамЪ.

Мы сказали уже, что звуки изобрѣтены для означенія мыслей, а различныя фигуры, или начертанія изобрѣтены для означенія сихЪ звуковЪ. Хотя сіи фигуры, или литеры при первомЪ начертаніи ихЪ ни чего, кромѣ простыхЪ звуковЪ непосредственно не означаютЪ: однакожЪ при всемЪ томЪ весьма часто люди мысли свои стараются выражать однимЪ только звукомЪ, начертанію самыхЪ означаемыхЪ вещей свойственнымЪ.

По сему разсужденіе сіе о начертаніяхЪ, можетЪ быть раздѣлено на двѣ части: Мы бу-

демъ разсматривать ихъ просто какъ звуки, или такъ какъ вспомогательныя средства къ уразумѣнію того, что означается звукомъ.

Въ первомъ случаѣ наблюдать должно четыре вещи, естьли хотимъ мы, чтобы звуки были совершенны:

1. Всякая фигура, или всякое начертаніе должно означить какой нибудь звукъ, т. е., чтобъ ничего не писали, что не произносится, и на оборотъ:

2. Всякой звукъ долженъ быть означенъ какою нибудь фигурою, буквою, т. е. ничего не произносить, что не было написано.

3. Всякая фигура непремѣнно должна означать одинъ только звукъ, или простой, или сложной. Ибо то не противно еще правописанію, что находятся въ немъ буквы сложенныя, потому что онѣ легко сокращаются.

4. Равнымъ образомъ одинъ и тотъ же самой звукъ не долженъ быть означенъ разными фигурами, буквами.

Во второмъ же случаѣ, т. е. разсуждая о начертаніяхъ такъ, какъ о вспомогательныхъ средствахъ къ уразумѣнію того, что звукомъ означается, не рѣдко бываетъ та выгода, что сіи правила не всегда наблюдать должно, а особливо первое и послѣднее: ибо въ языкахъ, особливо производныхъ, случается находить такія буквы, которыя хотя совсѣмъ не произ-

носятся и столькоже безполезны, какъ и самой ихъ звукъ: однакожъ не мало способствуютъ къ уразумѣнію означаемаго словами. Напр: во Фр: языкѣ въ словахъ *champs* и *chants*—*p* и *t* хотя не произносятся, однакожъ онѣ очень полезны для означенія; ибо онѣ только показываютъ намъ, что сіи слова происходятъ отъ словъ Латинскихъ, первое отъ *campi*, а второе отъ *cantus*.

По сему тѣ, кои весьма жалуются на разность, находящуюся между письмомъ и произношеніемъ, не всегда бываютъ правы, и несправедливо называютъ злоупотребленіемъ существенную пользу.

Различіе, находящееся между большими и малыми буквами также кажется, противно четвертому правилу, которое требуетъ, чтобъ одинъ и тотъ же звукъ всегда былъ означаемъ одною и тою же фигурою, буквою. Въ самомъ дѣлѣ, ежели будемъ разсуждать о буквахъ, такъ какъ начертаніяхъ, служащихъ только для означенія звуковъ, то найдемъ сіе правило излишнимъ. Ибо всякая буква, хотя бы-то была большая, хотя малая, обыкновенно означаетъ всегда одинъ и тотъ же звукъ. По сему-то древніе не имѣли сего различія, и многіе думаютъ, что Греки и Римляне писали долгое время одними только большими, заглавными буквами.

Въ прочемъ различіе сіе весьма нужно для начатія періодовъ и для отличія именъ собственныхъ. Даже въ одномъ и томъ же языкѣ, однѣ и тѣже слова изображаются различными буквами, какъ-то: найдено у Римлянъ и Италіянцовъ при изображеніи Латинскаго и другихъ нынѣшнихъ языковъ; что самое безъ всякой перемѣны въ произношеніи способствуетъ къ уразумѣнію смысла въ нѣкоторыхъ словахъ и рѣченіяхъ. Сіе довольно уже оправдываетъ различіе, находящееся между письмомъ и произношеніемъ. Однако надобно стараться, чтобъ сіе не вкрадывалось въ языки по какому либо злоупотребленію. Ибо какъ можно извинить того, кто напр: *c*, произноситъ предъ *e* и *i*, какъ *s*; также кто *g*, предъ сими же двумя гласными произноситъ иначе, нежели предъ другими, равно какъ кто *t* предъ *i*, за которою слѣдуетъ другая гласная, произноситъ какъ *s*, напр: *gratia*, *actio*, *action*; или какъ мы *o*, произносимъ за *a*, когда нѣтъ надъ нимъ ударенія.

Нѣкоторые вообразили, что они могутъ исправить сію ошибку въ нынѣшнихъ языкахъ введеніемъ новыхъ начертаній, какъ то сдѣлалъ Рамъ въ своей Французской Грамматикѣ, уничтожа всѣ тѣ буквы, кои не произносятся, и изобразивъ каждой звукъ такою литерою, которая звуку сему свойственна, какъ напр:

предъ *е* и *і*, вмѣсто *с* можно поставить *s*; — или у насъ въ словахъ: *твоего*, *сего* и проч. вмѣсто *г*, можно поставить *в*, какъ и напечатано во многихъ книгахъ. Но должно представить себѣ другую невыгоду для языковъ нынѣшнихъ. Какъ можно думать, чтобы цѣлый народъ, уже съ давнихъ временъ къ симъ начертаніямъ привыкшій, удобно согласился на перемѣну оныхъ?

Клавдій Императоръ хотѣлъ только нѣсколько литеръ прибавить къ Римскому алфавиту; но при всѣхъ усиліяхъ предпріятіе его осталось тщетнымъ.

Все, чѣмъ только, кажется, пособить можно сему недостатку, состоитъ въ томъ, что надлежитъ только исключить тѣ литеры, которыя не служатъ ни къ произношенію, ни къ смыслу, ни къ сходству (Analogia) языковъ, какъ сіе и начали уже дѣлать, и оставить тѣ только, кои необходимо нужны, приложивъ къ нимъ нѣкоторыя замѣчанія, изъ коихъ бы видно было, произносятся ли онѣ, или только служатъ правиломъ для различнаго произношенія другой литеры. Точка на верьху, или внизу поставленная, можетъ быть достаточна къ показанію того и другаго. —

ГЛАВА 6.

О новыхъ способахъ, посредствомъ коихъ легко можно выучиться читать на разныхъ языкахъ.

Сіи правила относятся единственно къ тѣмъ, которые совсѣмъ еще читать не умѣютъ.

Извѣстно, что для начинающихъ учиться не столько трудно простое познаніе буквъ какого нибудь языка, сколько правильное оныхъ сложеніе. Всего же труднѣе бываетъ произношеніе имени каждой литеры порознь, нежели въ соединеніи ихъ съ другими. на пр: Естьли какому нибудь ребенку велятъ сложить слово, *міръ*; то обыкновенно заставляютъ его прежде произнести каждую букву порознь, какъ-то: *эмъ*, *і*, *эр*, *еръ*; безъ сего онъ бы въ нихъ замѣшался, естьли бы сталъ соединять сіи четыре звука вдругъ; чтобъ произнести потомъ звукъ слова: *міръ*.

И такъ, кажется, для обученія чтенію нѣтъ естественнѣе того способа, которой многіе прозорливые умы уже и замѣтили: дѣтей выучивать не прежде познанію буквъ, какъ выучивъ ихъ произносить оныя по имени. Такъ напр: обучая читать по Латынѣ, нужно смотрѣть, чтобъ онъ *ae* и *oe* произносилъ также какъ *e* простое; потому что онѣ обыкновенно произносятся одинакимъ образомъ; также *i* и *y*, *o* и *au*; ибо Французы между первымъ *o* и *au*,

00050329

послѣднимъ ни какого не дѣлаютъ различія въ произношеніи. А Италіанцы изъ *au* дѣлаютъ двоегласную. —

Также тщательно за нимъ смотрѣть должно, чтобъ онъ произносилъ согласныя звукомъ, имъ свойственнымъ, присовокупляя къ нимъ *e*, которое у Франц. называется безгласнымъ; оно совершенно необходимо для произношенія оныхъ, напр: для произношенія литеры *b* пусть дадутъ слово *tombe*, гдѣ въ послѣднемъ слогѣ произносится только литера *b*, а *e*, остается безгласнымъ; а для *d*, *ronde*; такъ и для другихъ литеръ должно давать такія слова, кои имѣютъ одинъ только звукъ.

Наконецъ дѣтей должно научать произношенію каждаго слога порознь, а не должно заставлять ихъ произносить цѣлыя длинныя слова, непозволять повторять слоговъ и притомъ должно внимать, чтобъ онъ каждой литерѣ давалъ свойственный звукъ, смотря потому на какомъ мѣстѣ она поставлена. (*) На пр. въ Латинс. языкѣ *miseria*, *s*, между двумя гласными произносилъ бы какъ литеру, *z*.

(*) Сіе особенно должны замѣтить, Госпожи и Господа учители чтенія. Не однократно случалось мнѣ видѣть, что многіе небрегутъ о семъ, и дѣти пріучась къ образу ихъ ученія, по большой части заикаются и скрадываютъ многіе звуки, а особливо коночные; сіе-то дѣлаетъ чтеніе ихъ столь не совершеннымъ, что трудно даже исправить ихъ въономъ.

Вотъ главнѣйшія наблюденія для обученія чтенію, которыя довольно полезны будутъ для дѣтей, начинающихъ учиться.

Въ прочемъ, чтобъ сіи правила были дѣйствительно совершенны, то нужно было бы написать особенное разсужденіе, въ коемъ должно показать необходимыя правила, принаровленныя ко всѣмъ языкамъ. Но сей трудъ оставляю для другихъ, особенно сей частію занимающихся.

00050329

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О значеніи словъ.

ГЛАВА 1.

О томъ, что познаніе того, что происходитъ въ душѣ нашей, необходимо къ уразумѣнію грамматическихъ основаній.

Доселѣ разсматривали мы въ рѣчи только то, что она имѣетъ вещественнаго и что находится въ ней общаго, (по крайней мѣрѣ по звуку), какъ человѣку, такъ и попугаю.

Остается изслѣдовать, что находится въ ней невещественнаго (spirituel) т. е. то, что составляетъ важное преимущество человѣка, предъ прочими животными, и что можно почесть однимъ изъ величайшихъ доказательствъ человѣческаго разума. Подъ симъ разумѣется то преимущество, которымъ пользуемся мы въ изъясненіи нашихъ мыслей, и то чудесное изобрѣтеніе 30, или 35 звуковъ, составляющихъ почти безпредѣльное количество словъ, кои хотя ничего не имѣютъ въ себѣ подобнаго тому, что происходитъ въ душѣ нашей: однакожъ открываютъ другимъ всѣ ея тайны и движенія; дѣлаютъ яснымъ все то, чего мы бы не

могли знать и во что бы ни какимъ образомъ не могли проникнуть.

Всѣ Философы въ томъ согласны, что три суть дѣйствія ума нашего: *понятіе*, *сужденіе* и *умозаключеніе*.

Понятіе есть не что иное, какъ простое воззрѣніе ума нашего на предметы, совершенно умственные, каковы суть: *протяженіе*, *твердость*, *мысль*, *Богъ*; или тѣлесные, какъ то: *квадратъ*, *кругъ*, *звѣрь*, *лошадь* и проч.

Сужденіе есть утвержденіе того, что въ вещи находится, и что она можетъ быть такъ, а не иначе. напр: когда я знаю, что есть *земля*, и что есть *круглость*, утверждаю: что *земля кругла*.

Умозаключеніе есть такая способность нашей души, посредствомъ коей сравниваемъ мы два сужденія между собою и выводимъ оттуда третіе, напр: я сужу: всякая добродѣтель похвальна: терпѣніе есть добродѣтель; отсюду заключаю — терпѣніе похвально.

Такимъ образомъ, *понимать*, *судить* и *заключать*, суть три должности разума человѣческаго.

Когда сіи три рода мыслей выражаются словами; то они перемѣняютъ имена; *понятіе* называется *словомъ*; *сужденіе* — *предложеніемъ*; *умозаключеніе*, — *доводомъ*. Умоза-

ключеніе по видимому предполагаетъ сужденія, а сужденія понятія; или что все равно: доводы составляются изъ предложеній, а предложенія изъ словъ, или терминовъ. Всякое сужденіе, или предложеніе по необходимости заключаетъ въ себѣ два слова, или термина. Напр: первое слово. *Земля*, другое слово, къ ней присоединенное, *круглая*; а *есть*, составляетъ связь между сими двумя словами. То слово, о которомъ говоримъ, называется *подлежащимъ*, или *предметомъ*; то же, которое къ нему присоединяемъ, или отдѣляемъ—называется *сказуемымъ* или свойствомъ; что же связываетъ подлежащее съ сказуемымъ, называется *связью*. *Subjectum*, *praedicatum* vel *attributum*, *copula*.

И такъ видно, что первыя два слова, термина собственно принадлежатъ къ первому дѣйствію ума; потому что оныя составляютъ то, что мы познаемъ, и служатъ предметомъ нашихъ мыслей; а связь, какъ видно, принадлежитъ ко второму дѣйствію; можно сказать, что она составляетъ собственное дѣйствіе ума и образъ нашихъ мыслей.

По сему великое различіе происходитъ въ умѣ нашемъ, естьли скажутъ: что можно разсматривать сіе какъ предметъ мысли, и какъ форму, или образъ оной, коего главное начало есть сужденіе.

Сюда должно причислить еще соединенія, раздѣленіе и другія дѣйствія нашего ума, и наконецъ всѣ тѣ движенія, которыя происходятъ въ душѣ нашей, какъ то: *желаніе*, *требованіе*, *вопросы* и проч.

Отсюда слѣдуетъ, что люди имѣя нужду въ знакахъ для выраженія того, что происходило въ душѣ ихъ, принуждены были изобрѣсти различіе въ словахъ, такъ, что бы однѣ изъ нихъ означали предметъ мыслей; а другія образъ оныхъ.

Къ первому отдѣленію относятся тѣ слова, кои называются: *именами*, *членами*, *мѣстоименіями*, *причастіями* и *нарѣчіями*; а ко второму: *глаголы*, *союзы* и *междометія*. Всѣ они изобрѣтены по причинѣ естественной необходимости, выражать свои мысли; какъ-то ниже покажемъ.

Примѣчаніе. Послѣ различія, сдѣланнаго между словами, означающими предметъ нашихъ мыслей, и словами, показывающими только образъ мыслей, не должно бы причислять къ первому отдѣленію *члена*, *предлога*, ни даже *нарѣчія*. *Членъ* и *предлогъ* относятся ко второму, а *нарѣчіе* заключая въ себѣ *предлогъ* и *имя*, безъ всякаго различія могло бы отнесено быть къ тому и къ другому отдѣленію.

ГЛАВА 2.

О *Именахъ, и во первыхъ существительныхъ и прилагательныхъ.*

Предметы нашихъ мыслей бываютъ или вещи, напр: *земля*, *солнце*, *вода* и проч., что обыкновенно называютъ *существомъ*, (substantif); или качества вещей, какъ-то: быть *круглымъ*, *краснымъ*, что называется *случайностію* (accident).

Различіе, находящееся между вещами и существами, и образомъ вещей, или случайностей, состоитъ въ томъ, что существа имѣютъ сами по себѣ бытіе, между тѣмъ какъ случайности существуютъ посредствомъ однихъ только существъ. Сіе самое произвело главное различіе между словами, означающими предметъ мыслей: ибо тѣ, кои означаютъ существа, названы *именами существительными*. Тѣже, которые означаютъ случайность, означая притомъ и предметъ, къ которому прилагаются сіи случайности, называются *именами прилагательными*.

Вотъ первое происхожденіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ.

Но мы не должны здѣсь остановливаться. Случается, что болѣе требуется вниманія для сужденія о *значеніи* какого либо слова, нежели о *образѣ* значенія.

Ибо какъ уже сказано, что существо есть то, что существуетъ само собою; посему и называютъ *именемъ существительнымъ* все то, что существуетъ въ разговорахъ само по себѣ, не имѣя никакой нужды въ другомъ имени: напротивъ того прилагательными называютъ слова, означающія такія существа, кои по образу ихъ значенія въ разговорахъ должны быть приложены къ другимъ именамъ.

Но естьли случается, что какое либо существительное не можетъ стоять само по себѣ, то сіе бываетъ тогда, когда оно сверьхъ раздѣльнаго своего значенія, имѣетъ еще смѣшенное, которое можно назвать (*connotation*) вещи, которой приличествуетъ все то, что замѣчемо чрезъ раздѣльное значеніе. Такимъ образомъ отъ раздѣлнаго значенія: *красный*, *румяный*, происходитъ —*красность*, *румяность*, *rouge*, *rougeur*. Таковое значеніе очень смѣшанно означаетъ подлежащее—красности; отсюда и происходитъ то, что оно не можетъ существовать одно въ разговорахъ, по тому что здѣсь должно изъяснять, или подразумѣвать то слово, которое означаетъ сіе подлежащее.

ГЛАВА 3.

О именахъ собственныхъ, нарицательныхъ или общихъ.

Мы имѣемъ два рода понятій: однѣ изъ нихъ означаютъ вещи единственныя, какъ напр: понятіе, которое каждый человѣкъ имѣетъ только о своемъ отцѣ, о своей матери, о своемъ другѣ, о самомъ себѣ и проч.

Другія представляютъ многія подобныя вещи, изъ коихъ каждой сіе понятіе равно приличествовать можетъ, напр: понятіе, объ отцѣ, о человѣкѣ вообще, и проч.

Люди имѣли нужду въ различныхъ наименованіяхъ для различія сихъ двухъ понятій; по сему тѣ имена назвали *Собственными*, кои приличествуютъ однимъ особеннымъ, или единственнымъ предметамъ Какъ напр: имя Сенеки, означаетъ извѣстнаго Философа, называвшагося симъ именемъ; имя Петербурга, приличествуетъ одному только городу Петербургу. Тѣ имена названы *общими*, или *нарицательными*, кои означаютъ понятія общія. Напр. слово *человѣкъ*, приличествуетъ всѣмъ людямъ вообще; также напр: *Городъ*, *рѣка*, *гора* и проч.

Но часто собственное имя называется собственнымъ не потому, что не можетъ приличествовать многимъ; но по одной только случайности, напр. Петръ, Иванъ и проч. ибо си-

ми именами называются многіе люди; въ такомъ случаѣ должно присовокупить къ нимъ другія имена, которыя бы ихъ ограничивали и препятствовали другимъ входить въ качество собственнаго имени, напр: Петръ I. Екатерина II. Павелъ I. Александръ I.

Часто случается, что не нужно прибавлять ничего къ нему, потому что обстоятельства разговора показываютъ, о комъ говорится.

ГЛАВА 4.

О числѣ единственномъ и множественномъ.

Имена общія, многимъ приличествующія, могутъ быть принимаемы въ различныхъ видахъ.

Первое: можно ихъ отнести къ одной изъ тѣхъ вещей, коимъ они приличествуютъ, или, разсматривать ихъ всѣ въ извѣстномъ единствѣ, называемомъ Философами всеобщимъ единствомъ, (unité universel). —

Второе: можно отнести ихъ ко многимъ вмѣстѣ, разсматривая ихъ какъ многія. Чтобъ различить сіи два способа значенія, изобрѣли два числа, какъ то: *единственное*: *Человѣкъ*, homo, l'homme, Mensch, Mann, и *множественное*, напр: *Люди*, *homines*, *les hommes*, Menschen, Männe.

даже въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр: Греческомъ, изобрѣли *двойное* число, когда имя приличествуетъ двумъ вещамъ.

Отсюда видно, что имена собственныя сами по себѣ не имѣютъ множественнаго, потому, что они приличествуютъ одному.

Естьли же полагаютъ ихъ иногда во множественномъ, напр: когда говорятъ: Солоны, Ликурги, Петры родятся вѣками; то ихъ употребляютъ въ метафорическомъ смыслѣ, подразумѣвая въ собственномъ имени всѣхъ тѣхъ, кои имъ подобны. Нѣкоторые охуждаютъ сей родъ рѣчи, такъ какъ не сообразной съ природою не смотря на то, что находятъ тому примѣры во всѣхъ языкахъ: однако сіе кажется такой родъ фигуръ, которыя можно всегда позволить, только надобно опасаться, чтобъ не употреблять ихъ во зло. —

На противъ того всѣ прилагательныя должны имѣть число множественное, потому что ихъ свойство состоитъ въ томъ, чтобъ дать опредѣленное значеніе, не опредѣленному предмету, (подлежащему); сіе самое бываетъ причиною, что одно прилагательное можетъ приличествовать многимъ; напр. *Бѣлый*, прилагается, къ бумагѣ, платку, дню, снѣгу и проч.

Чтожъ касается до именъ существительныхъ общихъ, или нарицательныхъ; то кажется, что по природѣ своей онѣ должны всѣ

имѣть множественное число: однакожъ не смотря на то находятся многія, кои совсѣмъ его не имѣютъ по простому ли то употребленію, или по нѣкоторой причинѣ. какъ напр: имена каждаго металла. напр: *золото* — *серебро*, не имѣютъ онаго почти во всѣхъ языкахъ. Причина сего какъ кажется, состоитъ въ столь великомъ сходствѣ, находящемся между частями металла, такъ что обыкновенно разсматриваютъ каждой видъ металла, не такъ какъ видъ, которой означаетъ собою многія не дѣлимыя, но какъ цѣлое, имѣющее многія части. Для отличія единственныхъ металовъ во франц: языкѣ присовокупляютъ частицу раздѣленія: *de* l'argent, *du fer*.

Латинцы говорятъ иногда: *aera*, но для означенія монеты, или музыкальнаго инструмента.

ГЛАВА 5.

О родахъ.

Какъ имена прилагательныя по ихъ природѣ приличествуютъ многимъ: то чтобъ разговоръ сдѣлать менѣе смѣшаннымъ, и чтобъ украсить его разнообразностію окончаній, разсудили къ стати изобрѣсти въ прилагательныхъ различія по именамъ существительнымъ, къ которымъ они присовокупляются.

Такимъ образомъ люди разсуждая наипаче о самихъ себѣ, примѣтили довольно ощутительное различіе, состоящее въ двухъ полахъ; по сему и вздумали также перемѣнять и самыя имена прилагательныя, придавъ имъ различныя окончанія, когда они относилися къ мужескому, и когда къ женскому, какъ напр: *добрый человѣкъ*, bonus vir, bon homme; *добрая женщина*, bona mulier и проч. что самое подало случай къ наименованію, одного окончанія: *мужескимъ*, а другаго: *женскимъ*.

Впрочемъ сіе различіе родовъ, должно быть гораздо обширнѣе: ибо какъ тѣже самыя пригательныя могутъ приписываться другимъ предметамъ, кромѣ мущинъ и женщинъ: то должно дать имъ такую же перемѣну, каковая изобрѣтена для мущинъ и женщинъ; сіе самое также подало случай къ тому, что всѣ прочія имена существительныя по отношенію ихъ къ мущинамъ, или женщинамъ, раздѣляли на *мужескія* и *женскія*, какъ напр: Слова, означающія мужескій полъ или должности, относящіяся къ мущинамъ, на что бы онѣ ни кончились, ь, я, ъ, а, напр: *Царь*, *судья*, *слуга*, *Петръ*, *Сенека*, *Философъ*, во всѣхъ языкахъ суть рода мужескаго, потому что подразумѣвается въ нихъ мущина; равно и слова, значающія должности женскія, или женскій полъ, на что бы ни оканчивались, суть рода женскаго, какъ то: *мать*, *супруга*, *Ца-*

рица: потому что вЪ нихЪ подразумѣвается женщина. (*) ВЪ иныхЪ случаяхЪ раздѣленіе родовЪ сдѣлано по одному произволу ГрамматиковЪ и говорящихЪ, безЪ всякой причины, что вЪ особенности замѣтно вЪ словахЪ различныхЪ языковЪ. какЪ напр: *arbor*, *дерево*, на Латинском рода женскаго; а на Франц. мужескаго, на Рус. средняго; *столЪ* на РускомЪ мужескаго, а на ЛатинскомЪ и Франц. женскаго и т. д.

А иногда сіе случается вЪ одномЪ и томЪ же языкѣ, чего причиною время, напр: на ЛатинскомЪ, *alvus*, желудокЪ, прежде у древнихЪ было мужескаго, а нынѣ женскаго; на Франц. *navir*, прежде было женскаго, а нынѣ мужескаго; также на РускомЪ *степень* прежде относили кЪ мужескому, а нынѣ по большой части кЪ женскому. А отЪ сего самаго произошло и то, что одно и то же слово, иной относитЪ кЪ тому роду, а другой кЪ другому.

(*) СверьхЪ сихЪ двухЪ правилЪ общихЪ всѣмЪ языкамЪ, вЪ нашемЪ языкѣ находятся еще нѣкоторыя. Всѣ имена сущест: кончащіяся на ъ, й, безЪ изключенія, суть рода мужескаго; а кончащіяся на *а*, и *ость*, рода женскаго; на *о*, *е*, р. средняго. Сіи правила необходимо должно было поставить вЪ нашихЪ частныхЪ грамматикахЪ. Ибо почему можно знать иностранцу, кЪ какому слову можно приложить лучше мѣстоименіе, *сей*, *сія*, *сіе*. Мы часто слышимЪ ихЪ говорящихЪ, *сей наука*, *сей стѣна*, сія *солнце*, и подоб. да и не мудрено.

Чтожъ касается до рода *общаго*, *communis*; то онъ кажется не столько общъ, какъ нѣкоторые Грамматисты думаютъ: ибо онъ только приличествуетъ нѣкоторымъ именамъ животныхъ, кои однако на Греч: Латин: и Рос: язык. относятся къ именамъ мужес. и жен. смотря потому, самца или самку означаютъ; какъ то: *bos*, *canis*, и *sus*.

Сіе говорится только о языкѣ Франц: ибо на ономъ *chien*, *собака* р. мужескаго и женскаго; но въ нашемъ языкѣ находятся слова, кои по справедливости должно отнести къ *общему роду*, ибо онѣ включаютъ въ себѣ вмѣстѣ родъ мужескій и женскій. напр: *сирота*, *порука*.

Касательно же того рода, которой Грамматисты называютъ сумнительнымъ, или неопредѣленнымъ, можно сказать, что онъ не составляетъ также особеннаго рода; ибо напр. *Vulpes*, лисица, хотя и означаетъ какъ самца, такъ и самку въ родѣ лисицъ: однакожъ на Латинскомъ и Рускомъ слово сіе относится къ женскому роду, такъ какъ и *aigle*, на Франц: яз: есть рода муж: и жен: на Россійскомъ только мужескаго.

Примѣч. замѣтить должно, что большая часть словъ отнесены къ мужескому, или къ женскому роду по произволенію, и совсѣмъ не означаютъ ихъ пола, но только показыва-

ютЪ, что сіи слова такое-то имѣютЪ вЪ языкѣ назначеніе и свойство, и будучи соглашены сЪ прилагательными должны окончаніе ихЪ измѣнять вЪ мужеское, или женское. Желательно былобЪ, естьли бы кто нибудь отыскалЪ основательныя причины во всѣхЪ языкахЪ, по чему нѣкоторыя слова, не имѣющія пола, отнесены кЪ мужескому; а нѣкоторыя кЪ женскому роду. Сіе открытіе для изученія языковЪ принесло бы великое вспоможеніе.

У ГрековЪ, РимлянЪ, НѣмцовЪ и у насЪ находится еще третій родЪ, *neutre*, *neuter*, *средній*, такЪ названный, который есть ни мужескій, ни женскій. — ВЪ прочемЪ изЪ установленія сего рода видно, такЪ какЪ онЪ относится только кЪ такимЪ вещамЪ, кои не имѣютЪ ни какого отношенія ни кЪ полу женскому, ни кЪ мужескому: то вЪ изобрѣтеніи его не столько разуму, сколько воображенію и часто слѣдовали одному только окончанію.

ВотЪ что языки имѣютЪ общаго относительно родовЪ,

ГЛАВА 6.

О падежахЪ, кои необходимы для различія нашей рѣчи.

Естьли бы судили всегда о вещахЪ отдѣльно одна отЪ другой: то имена никогда не тре-

бовали бы болѣе двухъ окончаній, нами выше показанныхъ. т. е. окончанія, означающаго число для всѣхъ родовъ именъ, и окончанія, опредѣляющаго родъ для именъ прилагательныхъ. Но какъ онѣ весьма часто имѣютъ отношеніе и къ другимъ вещамъ, то необходимо требовалось, почти во всѣхъ языкахъ, другаго еще изобрѣтѣнія, касательно сихъ отношеній вещей между собою. Что самое и послужило поводомъ еще къ другимъ окончаніямъ именъ, которыя окончанія названы, *падежами*, *casus*—отъ Латинскаго слова, *cadere*, *падать*, какъ бы самое слово претерпѣвало нѣкоторыя паденія.

Соотвѣтствія между именами, или именами и глаголами опредѣляются падежами. Многіе изъ Французовъ въ первоначальныхъ правилахъ Грамматикъ твердятъ, что ихъ шесть; можно такъ говорить дѣтямъ. Сіи падежи находятся у Грековъ, Римлянъ, Нѣмцовъ и Россіянъ; а у Франц. ихъ нѣтъ. Падежи различаются между собою различными окончаніями, паденіями: но Французы во всякомъ падежѣ говорятъ: *homme*, *Dieu*, *Livre*, и могутъ различать ихъ только посредствомъ члена, или частицы. *l' homme*, *de l' homme*, *a l' homme*, *par l' homme*. Ученыя Мольеровы жены, сказалибы: вотъ какъ склоняютъ; ничего не бывало. Вотъ что дѣлаютъ, когда склонять не могутъ. Ибо слово, не измѣняющее окончанія не есть склоненіе. *Склонять*, значитъ говорить, какъ

Латинцы; *homo*, *homi*: *hom*: *homi*: *hom*: или какъ мы: *Человѣкъ*, *челов*: *челов*: *челов*: о *челов*: Здѣсь слова падаютъ въ 5 окончаній.

Мы видимъ, что необходимо для понятія какого нибудь языка знать сущность падежей; для сего мы изъяснимъ ихъ по порядку такъ, какъ они одинъ за другимъ слѣдуютъ:

1. *Именительный*. Простое наименованіе положеніе имени, называется именительнымъ. Оно не составляетъ собственно падежа, но только одну матерію, изъ коей всѣ прочія падежи по средствомъ своихъ измѣненій сего перваго окончанія имени, образуются (*) Главное употребленіе его есть то, что оно въ рѣчи поставляется прежде всѣхъ глаголовъ и бываетъ подлежащимъ, или главнымъ предметомъ предложенія. напр: Господь управляетъ мною. *Dominus regit me*. Богъ слышитъ меня, *Deus exaudit me*.

2. *Родительный*. Отношеніе одной вещи въ другой, какимъ бы то ни было образомъ, заставило людей изобрѣсть новое окончаніе, названное падежемъ: *Родительнымъ*. Онъ употребляется для изображенія отношенія общаго, которое въ послѣдствіи перемѣняется въ различные виды; каковыя отношенія находятся:

(*) Латинцы справедливо называютъ именительный и звательный падежи, *прямыми*, т. е. прямо стоящими, а не падающими въ другое окончаніе; а прочіе коственными.

1. *Цѣлаго къ части:* *Caput hominis*, голова человѣка.

2. *Части къ цѣлому:* *homo crassi capitis.*

3. Со стороны предмета къ его свойствамъ *color rosae*, цвѣтъ розы; *misericordia Dei*, милосердіе Божіе.

4. Со стороны свойства къ предметамъ: *дитя добраго свойства*, *puer optimae indolis.*

5. Со стороны причины дѣйствующей къ произведенію. *opus Dei*, дѣло Божіе; *oratio Ciceronis*, рѣчь *Цицерона.*

6. Со стороны произведенія къ причинѣ: *Creator mundi*, Творецъ міра.

7. Со стороны причины конечной къ произведенію: *potio soporis*, питіе снотворное.

8. Со стороны матеріи къ вещи, которая изъ оной матеріи сдѣлана: *Vas auri*, золотой сосудъ, кажется правильнѣе сказать: *сосудъ изъ золота*, но должно слѣдовать употребленію.

9. Со стороны предмета къ дѣйствіямъ нашей души: *cogitatio belli*, помышленіе о войнѣ; *contemptus mortis*, презрѣніе смерти.

10. Со стороны владѣтеля къ вещи владѣемой: *pecus Melibaei*, стадо Мелибея. *divitiae Craesi*, сокровища Креза.

11. Со стороны имени собственнаго къ общему, или со стороны недѣлимаго, къ виду: *Oppidum Lugduni*, Городъ Лондонъ.

Въ прочемъ во многихъ общенародныхъ языкахъ сей падежъ выражается частицею, какова напр. во Франц: языкѣ частица *de*. въ Рускомъ языкѣ имя существительное металла часто замѣняется прилагательнымъ. напр: *золотой* сосудъ, и проч.

Примѣч. Касательно отношенія, родительнымъ падежемъ означаемаго, между именемъ собственнымъ и общимъ, или между недѣлимымъ и видомъ, можно сказать, что на Французскомъ сіе отношеніе гораздо правильнѣе, нежели на Латинскомъ и Рускомъ языкахъ; Ибо въ сихъ послѣднихъ всегда почти имя общее и имя собственное ставятся въ одномъ и томъ же падежѣ, что у Латинцовъ называется *appositio*. напр: Vrbs Roma, городъ Римъ; *Fluvius Sequana, рѣка Секвана; mons Parnassus, гора Парнассъ*; вмѣсто чего Французы обыкновенно имя собственное поставляютъ въ родительномъ падежѣ. напр: *la ville de Rome, la riviere de Seine, le mont de Parnasse.*

3. *Дательный*. Такъ какъ предметы имѣютъ отношеніе къ какой либо пользѣ, или вреду другихъ вещей: то въ языкахъ находится также для означенія сего самаго отношенія падежъ: *Дательнымъ* названный, которой приспособленъ и къ другимъ многимъ употребленіямъ, коихъ въ особенности изчислить по-

чти не возможно. напр: *utilis reipublicae*, utile à la Republique, *полезенъ республикѣ*; *promittere amico*, *promettre à un ami*, *обѣщать другу*; *Visum est Platoni*, *показалось Платону*; *affinis Regi*, *сродникъ Царю*.

Но въ прочемъ и сей падежъ нѣкоторые языки замѣняютъ также частицею. Какова напр: во Франц: языкѣ частица, à. Что видно изъ вышшихъ примѣровъ.

4. *Винительный*. Глаголы, означающіе дѣйствіе производящее страданіе внѣ себя, въ другихъ вещахъ, какъ напр: *поражать*, *Battre*; переломить, *rompre*; любить *aimer*; имѣютъ всегда такія подлежащія, гдѣ сіи вещи бываютъ и предметы, коихъ сіи дѣйствія касаются: ибо ежели поражаютъ, то поражаютъ кого нибудь и проч. и потому сіи глаголы требуютъ послѣ себя такого имени, которое было бы подлежащимъ или предметомъ дѣйствія, глаголами означаемаго, что самое и подало случай языкамъ падежнымъ, прибавить къ именамъ новое окончаніе; *винительнымъ* падежемъ названное. напр: *amo Deum*, люблю Бога; *Cesar vicit Pompeum*, Кесарь побѣдилъ Помпея.

Во Франц: языкѣ, такъ какъ и въ нѣкоторыхъ склоненіяхъ въ языкѣ Россійскомъ, между падежемъ именительнымъ и винительнымъ не находится никакого различія. А какъ

у Французовъ постановка словъ требуетъ также извѣстнаго порядка, то все различіе именительнаго падежа отъ винительнаго, состоитъ въ томъ, что именительный обыкновенно становится предъ глаголомъ, а винительный послѣ его, напр; *le Roi aime la Reine*, Король любитъ Королеву. *la Reine aime le Roi*, Королева любитъ Короля. Въ первомъ примѣрѣ, *le Roi*, именительный, а *la Reine*, винительный; а во второмъ примѣрѣ напротивъ.

3. *Звательный.* Когда зовутъ какую нибудь особу, къ которой говорится, или вещь, къ которой какъ бы къ особѣ обращаются: то сіе имя пріобрѣтаетъ уже новое отношеніе, которое принимаетъ и новое окончаніе, *Звательнымъ* падежемъ названное. Такъ имя Господь, въ зват: падежѣ говорится: *Господи!* Богъ, Боже! и проч. Впрочемъ сей падежъ не всегда нуженъ; мѣсто его очень можетъ заступить именительный, по слѣдующимъ причинамъ:

1е. Звательный падежъ ни чѣмъ не различается по окончанію своему отъ именительнаго, а особливо въ числѣ множественномъ.

2е. Даже и въ единственномъ числѣ на Латинскомъ языкѣ, находится отличное окончаніе только во второмъ склоненіи. Правда, что сей падежъ употребителенъ въ языкѣ Славянскомъ и въ Греческомъ; но и въ сихъ языкахъ

часто замѣняютъ его именительнымъ прибавляя къ нему гласную литеру, о; примѣръ сего можно видѣть въ Греческомъ переводѣ Псалмовъ, гдѣ С. Павелъ говоритъ такъ, въ Посланіи своемъ къ Евреямъ, доказывая Божество Іисуса Христа: *Θρονός σȣ ὁ Θεὸς*, гдѣ ясно видно, что о *Θεὸς*—падежъ именительный и употребленный вмѣсто звательнаго. Здѣсь не тотъ смыслъ: Богъ есть твой престолъ; но сей: престолъ твой Боже пребываетъ и проч.

3. Наконецъ не рѣдко именительные падежи смѣшиваются съ звательными. напр: *Domine Deus meus*, Господи Боже мой; или, Господь мой и Богъ мой. Nate meae vires, mea magna potentia solus.

6. *Творительный*. Въ Латинскомъ и Россійскомъ яз. находится еще истинной падежъ, *творительнымъ* называемый, (instrumental); названіе самое опредѣляетъ его свойство. Сей падежъ, собственно говоря, не находится во множественномъ числѣ въ яз: Латинскомъ; ибо онъ тамъ имѣетъ одно окончаніе съ дательнымъ. Но въ Россійскомъ языкѣ, онъ необходимо нуженъ. Правда и намъ скажутъ, что вмѣсто его можемъ поставить предлогъ, *отъ*, или слово, принятое нынѣ за нарѣчіе, *посредствомъ*, такъ напр: вмѣсто сотворено Богомъ, говорятъ: сотворено отъ Бога. Но во всѣхъ ли случаяхъ, можно употреблять предлогъ сей,

или слово, *посредствомъ?* Во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ ихъ употребить не возможно, или, употребленіе сіе будетъ не такъ правильное. И такъ творительный падежъ необходимъ для языка нашего.

Предложный. Сей падежъ, какъ кажется, находится въ одномъ только языкѣ Россійскомъ. Ибо какъ первыхъ шести падежей было еще не довольно для выраженія всѣхъ отношеній именъ на языкѣ нашемъ; то принуждены были прибѣгнуть къ изобрѣтенію предложнаго падежа, такъ названнаго отъ предлоговъ, предъ нимъ полагаемыхъ. напр: *въ* человѣкѣ, *въ* домѣ.

Примѣчаніе. На нашемъ языкѣ самое значеніе, или названіе падежей, именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный и предложный, весьма хорошо выражаетъ ихъ свойство и качество.

При семъ должно замѣтить, что вещи мертвыя, не одушевленныя по словесному значенію падежа звательнаго, не должны бы имѣть онаго; но такъ какъ человѣкъ самъ есть существо одушевленное и чувствующее; то онъ часто мечтаетъ, что все окружающее можетъ раздѣлять съ нимъ его печали и радости. И такъ онъ призываетъ къ себѣ — камни, лѣса, горы, источники, планеты, предметы отвлеченные, словомъ: весь міръ. Сего находится множество примѣровъ во всѣхъ сочиненіяхъ. Вотъ они:

Свѣтило дневное! затмись для тѣхъ, затмись,
Которы буйству пороковъ предались! —
Нѣтъ, нѣтъ, свѣти для всѣхъ, мы всѣ не совершенны! *изъ траг. Хераскова.* —

Или; Боже Великій! для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть? — Звательный падежъ хотя по большой части имѣетъ одинаковое окончаніе съ именительнымъ, но мы можемъ отличить его посредствомъ восклицанія. — Сей родъ разговора болѣе относится къ Краснорѣчію, нежели къ Грамматикѣ.

ГЛАВА 2.

О членахъ.

Языкъ Россійской, такъ какъ и Латинской не имѣютъ члена. Сей недостатокъ показываетъ не бѣдность, но еще богатство языковъ сихъ. Нѣкто сказалъ, въ своей книгѣ о языкѣ Латинскомъ, что членъ совершенно безполезенъ; мы тоже бы готовы сказать, хотя членъ почти необходимъ для ясности рѣчи и для избѣжанія обоюдностей въ языкахъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіанскомъ и другихъ; ибо члены растягиваютъ и затрудняютъ рѣчь. Французы не могутъ ступить безъ членовъ: *à*, *de*, *des*, *du*, *le*, *la*, *les*. Ихъ рѣчи безпрестанно наполняются ими. Конечно для Француза, привыкнувшаго

къ языку своему кажутся они совсѣмъ не примѣтны; но не уже ли думаютъ, чтобъ Римлянину, или Рускому не показалось бы странно видѣть такую толпу односложныхъ словъ, каковы сверьхъ членовъ у нихъ находятся, отрицательныя частицы, относительныя мѣстоименія, и вѣчно встрѣчающееся, *que*? Мы ни въ одномъ членѣ, ни въ одномъ изъ сихъ односложныхъ словъ, почти не имѣемъ нужды. Отъ того-то нашъ языкъ плавенъ. Читая хорошее Россійское сочиненіе, какъ будто бы идешь по самой гладкой дорогѣ. На противъ, читая Французскую книгу, языкъ всегда скачется какъ будтобы по какимъ нибудь кочкамъ и пнямъ. — Мимоходомъ замѣтить должно, что сіе самое производитъ трудность при переводѣ древнихъ стихотвореній, на языкъ Французской. Нѣтъ рѣчи, которая бы въ переводѣ съ древняго, или даже нашего языка на ихъ не требовала, для точнаго выраженія оной, гораздо большаго числа словъ. Чтобъ въ семъ увѣриться, стоитъ только разкрыть Виргилія и Горація съ Французскимъ переводомъ. —

Греки имѣютъ одинъ членъ, *ὁ*, *ἡ*, *τὸ*.

Новѣйшіе же, намъ извѣстные языки имѣютъ два члена: одинъ, *опредѣленный*, для выраженія опредѣленнаго лица, или вещи. Какъ у Французовъ: *le*, *la*, у Нѣмцовъ, Der, Die, Das;

а другой, *не опредѣленный*, для выраженія неопредѣленныхъ предметовъ. Какъ напр: *un*, *une*; ein и проч.

Но поелику нашъ языкъ не имѣетъ члена, то я сказавъ общее, имѣю предлогъ не говорить о сей части рѣчи въ подробности. О употребленіи члена можно читать во Французскихъ и Нѣмецкихъ частныхъ и общихъ Грамматикахъ.

ГЛАВА 8.

О мѣстоименіяхъ.

Такъ какъ людямъ часто случается упоминать объ однихъ и тѣхъ же вещахъ, въ одномъ и томъ же разговорѣ; то чтобъ избѣжать непріятнаго и частаго повторенія однихъ и тѣхъ же самыхъ имянъ, изобрѣли извѣстныя слова, кои бы можно было становить на мѣсто имянъ; почему слова сіи и назвали, *мѣстоименіями*. И такъ нужно опредѣлить, что есть мѣстоименіе?

Во первыхъ они примѣтили, что въ разговорахъ безполезно и смѣшно было бы называть себя всегда по имени. Для сего ввели мѣстоименіе, *перваго лица*, чтобы ставить его на мѣсто говорящаго: я, *ego*, *moi*, *je*, ich, io.

Дабы избѣжать также частаго повторенія того имени, къ коему говорится, изобрѣли мѣстоименіе, *втораго лица*: *ты*, *tu*, *toi*, *tu*, du.

Для избѣжанія же всегдашняго повторенія имянъ другихъ лицъ, или вещей, о которыхъ говорится, изобрѣли мѣстоименіе, *третьяго лица*: *онъ*, *она*, *оно*; *ille*, *illa*, *illud*; *il*, *elle*, *lui*, *eglei*, или *esso*, *ella*, или *essa*.

А тѣ, которыя какъ бы пальцомъ указываютъ на лице, или вещь, о которыхъ говорятъ, назвали по словопроизводству, *указательными*: напр: *hic*, сей, celui — ci; *iste*; сія, celui — la; и проч.

Есть еще мѣстоименія, называемыя, *возвратными*, т. е. которыя на самое подлежащее возвращаются, напр: *себя*, *себѣ*, sui, sibi и проч. Петръ обезсмертилъ *себя*. Катонъ убилъ самаго *себя*. Ломоносовъ прославился.

Мѣстоименія сіи замѣняя другія имена также имѣютъ ихъ и свойство, какъ то: *числа* - *единственное* и *множественное*: *я*, *мы*; *ты*, *вы*; въ Рускомъ языкѣ, подражая Французскому часто говорятъ: *вы*, вмѣсто, *ты*; но въ высокомъ слогѣ и семейственномъ обращеніи, всегда лучше употреблять дружеское: *ты*.

Роды: *онъ*, *она*, *оно*; но мѣстоименіе перваго и втораго лица всегда бываетъ рода общаго. Выключая Еврейскаго и другихъ подобныхъ ему языковъ, въ коихъ мужеское различно отъ женскаго. Мѣстоименія имѣютъ также: —

Падежи: *я*, *ego*; *меня*, *mei*, и проч. Языки не имѣющіе падежей въ именахъ, часто имѣ-

ютъ ихъ въ мѣстоименіяхъ. Напр: *je, me: tu, te*, между тѣмъ Франц: не имѣютъ падежей въ именахъ.

Примѣчаніе. Многіе говорятъ, что Грамматики не довольно, кажется, вникнули въ природу мѣстоименій, изобрѣтенныхъ единственно для того, чтобы замѣнять имена, избѣгая слишкомъ частаго повторенія, когда безъ различія относятъ также къ мѣстоименіямъ слова: *мой*, *mon*; *твой*, *ton*; *его*, *son*, *нашъ*, *вашъ* и проч. Сіи слова, говорятъ они, не суть мѣстоименія, потому что онѣ не поставляются на мѣсто именъ, но съ именами вмѣстѣ. Это прилагательныя, кои можно назвать *притяжательными*, касательно ихъ значенія. Напр: *мой* другъ! иногда же ихъ можно почесть за истинныя мѣстоименія. напр: я защищаю *его* друга: поелику онъ защищаетъ *моего*. je défends *son* ami, qu' il defende *le mien*. Въ послѣднемъ словѣ *моего*, подразумѣвается *друга*. И такъ *le mien*, *le tien*, *le sien*, во Французскомъ языкѣ, суть истинныя мѣстоименія. Но въ Рускомъ, *мой*, *твой*, *свой*, *нашъ*, *вашъ*, иногда могутъ щитаться за *прилагательныя*, иногда за *мѣстоименія*, судя по ихъ значенію. За прилагательныя, когда стоятъ вмѣстѣ съ своимъ существительнымъ; за мѣстоименія, когда замѣняютъ имя (*).

(*) Но мнѣ кажется, что ихъ всегда можно называть мѣстоименіями: напр: *мой другъ* — *мой*, поставлено вмѣсто какого нибудь собственнаго имени т. е. Петровъ, Николаевъ другъ и проч.

ГЛАВА 9.

О мѣстоименіи возносительномъ.

Есть еще мѣстоименіе называемое, *возносительнымъ*: который, которая, которое, qui, quae, quod; qui, le quel, la quelle.

Сіе возносительное мѣстоименіе имѣетъ нѣчто *общее* съ другими мѣстоименіями, и нѣчто *особенное*, ему только свойственное.

Общее: ибо оно становится вмѣсто имени, и даже гораздо чаще, всѣхъ прочихъ мѣстоименій. Оно полагается вмѣсто всѣхъ лицъ, напр: *я, который называюся Христіаниномъ*, Moi, qui suis Chrétien; *мы, которые называемся Христіанами*; Nous qui sommes Chretiens. *Lui qui est Roi*, тотъ, который называется Королемъ. —

Тоже, что ему только свойственно, можетъ быть разсматриваемо въ двухъ отношеніяхъ: *во первыхъ*, что оно всегда относится къ другому имени, или мѣстоименію, называемому предыдущимъ, нап: Dieu qui est saint. *Dieu*, есть предыдущее, возносительнаго мѣстоименія, *qui*. Но сіе предыдущее иногда только подразумѣвается, а не выражается, особливо въ Латинскомъ языкѣ. 2е Возносительное мѣстоименіе имѣетъ свойство, ни кѣмъ еще не примѣченное: предложеніе, въ которое оно входитъ; (называющееся постороннимъ), можетъ участвовать въ подлежащемъ, или сказуемомъ другаго предло-

женія, называющагося главнымЪ. Сего хорошо уразумѣть не можно не вспомнивЪ о томЪ, что мы сказали вЪ началѣ сего сочиненія: что во всякомЪ предложеніи находится одно подлежащее, о которомЪ что либо говорится, и одно сказуемое, которымЪ что либо подтверждается, или отрицается о подлежащемЪ. Но сіи предложенія могутЪ состоять изЪ одного подлежащаго и одного сказуемаго. КакЪ напр: *БогЪ есть благЪ*, Dieu est bon: или изЪ многихЪ подлежащихЪ и одного сказуемаго, напр. Науки, искуства и художества для насЪ необходимы, и наоборотЪ: изЪ многихЪ сказуемыхЪ и одного подлежащаго, напр: во всю жизнь боремся мы сЪ болѣзнями, бѣдами, нещастіями, и совокупно: изЪ многихЪ подлежащихЪ и многихЪ сказуемыхЪ напр: добро и зло, щастіе и нещастіе, владычествуютЪ вЪ мірѣ, и проч.

Сіе соединеніе многихЪ словЪ вЪ подлежащемЪ и сказуемомЪ бываетЪ иногда такое, что не препятствуетЪ предложенію быть простымЪ, заключая вЪ себѣ только одно сужденіе, или подтвержденіе, напр: когда говорятЪ: знаніе военнаго искуства было причиною, что СуворовЪ побѣдилЪ ФранцузовЪ, или, la valeur d' Achille a été cause de la prise de Troye. Весьма часто случается, что изЪ двухЪ именЪ существительныхЪ, входящихЪ вЪ подлежащее, или сказуемое предложенія, одно другимЪ бы-

ваетъ управляемо. — Иногда же предложенія, въ коихъ подлежащее, или сказуемое состоятъ изъ многихъ словъ, или по крайней мѣрѣ въ умѣ нашемъ заключаютъ многія сужденія, могутъ составить столько же предложеній. напр: когда говорю: *Невидимый Богъ создалъ видимый міръ*; *Dieu invisible a créé le monde visible*: тогда я имѣю въ умѣ три сужденія, заключающіяся въ семъ предложеніи. Ибо я сужу: 1. *Богъ есть невидимъ*, *Dieu est invisible*. 2, *который создалъ міръ*, *qu' il a créé le monde*. 3. *что міръ есть видимъ*, *que le monde est visible*. Изъ сихъ трехъ предложеній, второе есть начальное, существенное въ цѣломъ предложеніи. Но первое и третіе суть постороннія; (incidentes), и только составляютъ части главнаго, изъ коихъ первое составляетъ подлежащее, а послѣднее сказуемое.

Впрочемъ сіи постороннія предложенія часто бываютъ въ умѣ нашемъ, не будучи выражены словами, какъ въ примѣрѣ предложено. Иногда же они точно означаются; къ сему-то служитъ мѣстоименіе возносительное: напр: Приведемъ тотъ же примѣръ въ слѣдующихъ словахъ: *Богъ, который не видимъ, создалъ міръ, который мы видимъ*, —*Dieu, qui est invisible, a créé le monde, qui est visible*. И такъ вотъ все то, что въ особенности свойственно относительному мѣстоименію; слѣд: оно производитъ то, что предложеніе, въ которое оно входитъ,

можетъ участвовать въ подлежащемъ и сказуемомъ совсѣмъ другаго предложенія.

Здѣсь должно замѣтить 1) когда соединяютъ вмѣстѣ два имени, изъ коихъ одно другимъ не управляется, но съ другимъ согласуется, хотя чрезъ приложеніе (appositio), напр: *Urbs Roma, городъ Римъ*: или какъ прилагательное, напр: Deus sanctus, Богъ святъ, особливо, естьли сіе прилагательное бываетъ причастіе, напр: *бѣгущей человѣкъ*, homo currens, то всѣ сіи виды выговора изображаютъ въ умѣ возносительное мѣстоименіе, и могутъ перемѣниться посредствомъ онаго. напр: Городъ, который называется Римомъ. Богъ, который есть святъ; человѣкъ, который бѣжитъ. Слѣдовать тому, или другому способу выговора, зависитъ отъ генія языковъ. Посмотримъ, какъ можно лучше выражать таковыя мысли на Россійскомъ. — У насъ по большой части употребляется причастіе, вмѣсто мѣстоименія возносительнаго. напр: Богъ, глаголющій въ вещахъ громчѣ, нежели въ словахъ. Петръ, просвѣтившій Россію. Суворовъ, побѣдившій Французовъ; Херасковъ, воспѣвшій дѣла Россійскихъ Героевъ — и тому подобное. Впрочемъ обиліе языка Россійскаго допускаетъ всѣ извороты словъ; можно вмѣсто причастія становить и мѣстоименіе возносительное. напр: Ты, которому вселенной для побѣдъ не доставало. Ты, который жалуешся

на судьбу. Однакожъ послѣдній способъ словоизраженія, кажется, болѣе сроденъ Французамъ, а не намъ. Ибо Французы обыкновенно говорятъ: je vois un chien qui court. Я вижу собаку, которая бѣжитъ. А Римлянинъ и Россіянинъ, говорятъ: Video canem currentem; вижу бѣгущую собаку; вмѣсто шести словъ, или шаговъ, употребляютъ только три.

2) Сказано, что предложеніе съ возносительнымъ мѣстоименіемъ можетъ участвовать въ подлежащемъ, или сказуемомъ другаго предложенія, называемаго главнымъ. Ибо оно никогда не составляетъ ни цѣлаго подлежащаго, ни цѣлаго сказуемаго; но должно присоединить слово, коего мѣстоименіе возносительное занимаетъ мѣсто, чтобы составить цѣлое подлежащее, или цѣлое сказуемое. напр: *Богъ, который невидимъ, есть Создатель міра, который видимъ. Который не видимъ,* со всѣмъ не есть подлежащее сего предложенія, но надобно прибавить - *Богъ*: *и который видимъ*, также не есть сказуемое, но надобно прибавить, *Создатель міра.*

3) Возносительное мѣстоименіе можетъ быть, или подлежащимъ, или частію сказуемаго въ постороннемъ предложеніи: чтобъ оно было подлежащимъ, должно поставить его въ име-

нительномъ падежѣ: *который создалъ міръ*, qui creavit mundum. *Который есть святъ*, qui est sanctus. Но когда оно стоитъ въ косвенномъ падежѣ, напр. въ родительномъ, дательномъ, винительномъ; тогда оно не составляетъ цѣлаго сказуемаго сего посторонняго предложенія, но одну только часть. напр. *Богъ, котораго люблю*, Deus, quem amo, Dieu que j'aime. Подлежащее сего предложенія, *я*, ego, а глаголъ составляетъ связь и одну часть сказуемаго, гдѣ, слово - *котораго*, quem, составляетъ другую часть, такъ какъ ежели бы было: *я люблю котораго*, ego amo quem; *или, котораго я есмь любящій*, ego sum amans quem; и также: *коего престолъ есть небо*, cuius coelum sedes est, du quel le Ciel est le trône; или, что все равно: *Небо есть престолъ коего*, Coelum est sedes cuius. Le ciel est le trône du quel.

Не смотря на то, въ такомъ стеченіи словъ, возносительное мѣстоименіе, часто полагаютъ въ началѣ предложенія, (хотя по смыслу оно и должно было бы стоять на концѣ), ежели не бываетъ управляемо предлогомъ. Ибо предлогъ обыкновенно становится напереди: Deus, a quo mundus est conditus, *Богъ, отъ коего міръ созданъ*. Сіе выраженіе не такъ свойственно языку нашему; лучше сказать: *Богъ*, коимъ *созданъ сей свѣтъ*, или міръ.

ПОСЛѢДСТВІЕ ТОЙ ЖЕ ГЛАВЫ.

Посредствомъ сего начала, можно изъяснить различныя трудности Грамматики.

Что сказано о двоякомъ употребленіи возносительнаго мѣстоименія т. е. какъ собственно о мѣстоименіи, и какъ о мѣстоименіи, соединяющемъ одно предложеніе съ другимъ, сіе служитъ къ изъясненію многихъ предметовъ, кои не истолкованы въ Грамматикѣ.

Мы ихъ раздѣлимъ на три класса, и на каждой дадимъ нѣкоторые примѣры.

Первый, въ которомъ мѣстоименіе возносительное явнымъ образомъ полагается вмѣсто союза и указательнаго мѣстоименія.

Вторый, въ коемъ оно занимаетъ мѣсто одного только союза.

А третій, гдѣ оно ставится на мѣсто указательнаго, теряя свойство союза.

Мѣстоименіе возносительное занимаетъ мѣсто союза и указательнаго мѣстоименія, когда напр: Титъ Ливій говоритъ о Юніи Брутѣ; *is* quum primores civitatis, in quibus fratrem suum ab avunculo interfectum audisset. Ибо здѣсь ясно видимъ, что *in quibus*, постановлено тутъ вмѣсто et in his. Такъ какъ бы Ливій выразилъ сіе мѣсто слѣдующимъ образомъ: Quum primores

Civitatis, et in his fratrem suum interfectum audisset. Иначе сего мѣста безъ онаго правила разрѣшить было бы не возможно.

Но возносительное мѣстоименіе иногда теряетъ указательную свою силу, и заступаетъ мѣсто одного только союза.

Что мы и разсмотримъ въ двухъ особенныхъ случаяхъ:

Первый составляетъ обыкновенное свойство языка Еврейскаго. Ибо когда у Евреевъ возносительное мѣстоименіе не бываетъ подлежащимъ предложенія, въ которое оно входитъ, но только частію сказуемаго, какъ напр: pulvis quem projicit ventus, *прахъ, возметаемый вѣтромъ*; тогда Евреи относительному мѣстоименію оставляютъ послѣднее даже употребленіе, т. е. означать связь одного предложенія съ другимъ; чтожъ касается до другаго его употребленія, по силѣ коего занимаетъ оно мѣсто имени, то они выражаютъ его мѣстоименіемъ указательнымъ, какъ бы совсѣмъ и небыло тутъ возносительнаго. Quem projicit eum ventus, егоже возметаетъ вѣтръ. Сіи самые образцы выраженія случаются и въ новомъ завѣтѣ, напр: гдѣ Св: Петръ говоритъ о Іисусѣ Христѣ: *ὗ τῷ μώλωπι αὐτῦ ἰάθητε, его же ранoю вы изцѣлѣсте*, Cuius livore eius sanati estis.

Сочинители Грамматикъ не отличивъ порядочно сихъ двухъ употребленій мѣстоименія

возносительнаго, не могли найти ни какой причины симЪ выраженіямЪ, и принуждены были назвать сіе выраженіе (*pleonasmus*) т. е. безполезнымЪ излишествомЪ.

ВпрочемЪ сіе выраженіе находится вЪ примѣрахЪ, даже самыхЪ лучшихЪ писателей, хотя Грамматики сего и не поняли. ТакЪ напр: сказалЪ ТитЪ Ливій - Marcus Flavius Tribunus plebis, tulit ad populum, ut in Tusculanos animadverterentur, *quorum eorum* ope ac consilio Veliterni populo Romano bellum fecissent. МаркЪ Флавій ТрибунЪ народный замѣтилЪ собранію, чтобЪ оно разсмотрѣло дѣла ТускулянЪ, *коихЪ* помощію и *ихЪ* совѣтомЪ Велитерны нанесли войну РимлянамЪ. Здѣсь видно, что нѣкоторые думали сіе мѣсто читать такЪ; *quod eorum ope*: впрочемЪ сіе мѣсто и вЪ самомЪ дѣлѣ такЪ стоитЪ вЪ лучшихЪ изданіяхЪ, и вЪ древнѣйшихЪ рукописяхЪ; такЪ и ПлавтЪ говорилЪ вЪ своемЪ Тринуммѣ (Trinummus) -, когда сказалЪ: inter eos ne homines condalium te redipisci postulas.

Quorum eorum unus surripuit currenti cursori solum?

Гдѣ, *quorum* туже самую отправляетЪ должность, какЪ бы сказано было: Cum eorum unus surripuerit, et cet.

Второе, можно изъяснить симъ правиломъ славный споръ, происходившій между сочинителями грамматикъ, касательно свойства Латинскаго слова: *quod*, въ Лат: поставляемаго послѣ глаголовъ. Какъ напр: когда Цицеронъ говоритъ: Non tibi objicio *quòd* hominem spoliasti; я тебя не укоряю, *что* ты ограбилъ человѣка. То, что всегда даже лучшіе изъ Латинскихъ писателей выражаютъ чрезъ *quod*, также можно было бы выразить неопредѣленнымъ. напр: Dico quod tellus est rotunda; вмѣсто, dico tellurem esse rotundam; *говорю, что земля кругла.* Иные утверждаютъ, что сіе слово, *quod*, есть нарѣчіе или союзъ; а другіе говорятъ, что среднiй родъ возносительнаго мѣстоименія, *qui*, *quae*, *quod*.

Кажется, что сія частица есть не что иное, какъ возносительное мѣстоименіе, всегда относящееся къ какому либо предыдущему (какъ мы уже о семъ сказали), но не имѣющее своего употребленія такъ какъ мѣстоименіе, потому что оно не заключаетъ ничего въ своемъ значеніи такого, чтобы участвовало, или въ подлежащемъ, или въ сказуемомъ посторонняго предложенія; оно удерживаетъ токмо второе свое употребленіе, по силѣ коего соединяетъ одно предложеніе съ другимъ. — Какъ мы сказали въ Еврейскомъ текстѣ: quem projicit eum ventus, его возметаетъ вѣтръ: — ибо въ семъ мѣстѣ Цицерона:

Non tibi objicio quod *hominem spoliasti*; сіи последнія слова: hominem spoliasti, составляютъ полное предложеніе; здѣсь предшествующее слово, *quod*, ничего не присоединяетъ и не подполагаетъ ни какого имени, но все, что оно производитъ, состоитъ въ томъ, что оно то самое предложеніе, съ коимъ соединено, дѣлаетъ участникомъ всего предложенія. Non tibi objicio, quòd hominem spoliasti; безъ слова, *quod*, оно бы существовало само собою, и одно составляло бы предложеніе. —

Теперь приступимъ мы къ объясненію двухъ случаевъ, когда возносительное мѣстоименіе лишаясь своего употребленія, какъ мѣстоименіе, содѣлывается только связью двухъ предложеній вмѣстѣ. Но мы можемъ напротивъ замѣтить другіе случаи, когда оное возносительное, лишаясь своего употребленія, какъ связь, содѣлывается только мѣстоименіемъ. — Такой случай весьма употребителенъ у Латинниковъ и у насъ въ тѣхъ рѣченіяхъ, гдѣ употребляютъ возносительное, давая ему силу значенія мѣстоименія указательнаго, и не допускаютъ его до другаго употребленія, посредствомъ коего оно бываетъ связію одного предложенія съ другимъ; сіе особенно примѣтно въ одахъ Ломоносова, которой подражалъ Латинцамъ въ выраженіяхъ и прозаическомъ слогѣ.

У Латинцовъ весьма много начинается періодовъ мѣстоименіемъ возносительнымъ, которое на языки обыкновенные, можно перевесть мѣстоименіемъ указательнымъ; иначе сила возносительнаго, какъ связь, вся почти потеряется. И такъ не должно ставить вмѣсто его какое нибудь другое мѣстоименіе. Напр: Плиній начинаетъ такъ свой Панигирикъ: Benè ac sapienter P. C. maiores instituerunt, ut rerum agendarum ita dicendi initium à precationibus capere, quod nihil ritè, nihilque providenter homines sine Deorum immortalium ope, consilio, honore, auspicarentur. *Qui* mos, cui potiùs quàm Consuli, aut quando magis usurpandus colendusque est?

Такъ П. М. наши предки весьма благоразумно поступили, что дѣла и рѣчи начинали призываніемъ Безсмертныхъ; ибо, какъ извѣстно, человѣкъ никогда, ничего успѣшно и удачно окончить не можетъ, естьли не будутъ вспомоществовать ему Боги. *Сіе* обыкновеніе кому какъ не Консулу, и когда, какъ не теперь болѣе соблюсти прилично?

Извѣстно, что здѣсь *Qui*, совершенно начинаетъ періодъ, не соединяя его съ предыдущимъ, а для сего самаго и пунктъ ему предшествуетъ. А потому никакъ нельзя перевести на Руской и Французской языкъ, *Qui mos*, la quelle coûtume, которое обыкновеніе; но cette coûtume, сіе обыкновеніе, начиная второй періодъ такимъ

образомЪ: Et par qui *cette coûtume* doit — elle être plutôt observée, que par un Consul? et caet:

У Цицерона множество такихЪ примѣровЪ находится, какЪ напр: вЪ рѣчи V. in Verrem: itaque alii cives Romani, ne cognoscerentur, capitibus obvolutis à carcere ad palum, atque ad necem rapiebantur: alii cùm à multis civibus Romanis recognoscerentur, ab omnibus defenderentur, securi feriebantur. *Quorum* ego de acerbissima morte, crudelissimoque cruciatu dicam, cùm eum locum tractare caepero. Здѣсь также, *quorum*, переводится на Французской языкЪ, такЪ какЪ бы на мѣстѣ его стояло, *de illorum morte*; также должно переводить и на Руской.

ГЛАВА 10.

О ПредлогахЪ.

Мы выше сего вЪ главѣ 6й сказали, что какЪ падежи такЪ и предлоги изобрѣтены для того, дабы ими означать отношенія вещей между собою.

Сіи отношенія, предлогами означаемыя, почти во всѣхЪ языкахЪ суть однѣ и тѣже; для сего мы здѣсь ограничимЪ себя замѣчаніемЪ только главныхЪ предлоговЪ Россійскаго языка, не входя во всѣ подробности, находящіяся вЪ частныхЪ грамматикахЪ; впрочемЪ замѣтимЪ и то, что собственно относится ко всеобщей грамматикѣ.

Мы думаемъ, что можно заключить главнѣйшія изъ предлоговъ, въ слѣдующихъ отношеніяхъ: *отношенія*:

а) *мѣста*	*въ*, *у*.	Онъ *въ* Москвѣ, Римѣ, *въ* Россіи, Италіи.
	за, *внѣ*.	Сей домъ стоитъ *за* городомъ, *внѣ* города, *при* морѣ, *на* берегу.
б) *положенія*,	*на*, *при*. *подъ*.	Нѣтъ ничего новаго *подъ* солнцемъ, *на* землѣ.
		Правый не робѣетъ *предъ* Царями;
в) *порядка*.		Онъ спокоенъ *при* смерти.
	предъ, *за*.	Онъ знаетъ, что ждетъ его *за* гробомъ.
		Онъ въ благоволеніи *у* Боговъ.
г) *времени*,	*прежде*, *во время*, *въ продолженіе*, *послѣ*.	*Прежде* сраженія. *Во продолженіе* сраженія, *послѣ* сраженія.
д) *цѣли*,	*которой достигаютъ*.	Онъ приближается *къ Англіи*, *къ Италіи*. Его любовь *къ Богу*.
	которую оставляютъ.	Онъ выѣхалъ *изъ Лондона*, *Петербурга*. Онъ ушелъ *отъ меня*.
е) *причины*, —	*дѣйствующей*,	Домъ состроенъ *отъ Архитектора*,
	матеріальной,	*изъ камня*, *изъ кирпича*,
	конечной. —	*Для укрытія въ ономъ отъ воздушныхъ перемѣнъ*.

Другихъ отношеній,	*съ*. Соединенія,	Солдаты *съ* ихъ офицерами,
	безъ, Раздѣленія.	*безъ* ихъ офицеровъ;
	кромѣ. Изключенія,	Рота состоитъ изо ста солдатъ, *кромѣ* офицеровъ;
	противъ - противоположенія.	Солдаты взбунтовались *противъ* своихъ офицеровъ,
	изъ-Перемѣненія.	Солдаты, изключенные *изъ* полка;
	за.	отдать плѣнника *за* другаго.
	по—Сообразности.	*По* сему образцу, *по* разуму.

Остается теперь сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно предлоговъ всѣхъ языковъ вообще, и въ особенности Россійскаго;

1) Ни на которомъ языкѣ не слѣдовали здравому разсудку, которой требуетъ того, чтобы одно отношеніе было означаемо однимъ предлогомъ, и чтобъ каждой предлогъ означалъ только одно отношеніе. Ибо случается во всѣхъ языкахъ, (какъ мы уже видѣли въ нашемъ Рускомъ), что одно и тоже отношеніе означается различными предлогами, и что одни и тѣже предлоги, напр; *на, за, предъ, при*, и проч, означаютъ различныя отношенія. Сіе самое часто бываетъ причиною темноты языковъ, а особливо Еврейскаго и Греческаго и переводовъ Св. Писанія, наполнен-

ныхъ Еврейскими изрѣченіями; ибо Евреи имѣя малое число предлоговъ употребляютъ во всѣхъ различныхъ случаяхъ предлогъ,), называемый присоединеннымъ (affixus); потому что можетъ соединяться съ словами, присоединяемыми ко многимъ смысламъ. Писатели Новаго Завѣта, переводившіе оной чрезъ предлогъ Εν, *in*, берутъ также сіе Εν, или *in* въ различныхъ смыслахъ. Какъ сіе видно въ писаніяхъ Св. Павла, гдѣ сіе, *in*, значитъ иногда - *чрезъ*, *par*; *Nemo potest dicere, Dominus jesus, nisi in Spiritu sancto*; иногда вмѣсто, *по*, *selon*: *cui vult, nubat tantum in Domino*; а иногда вмѣсто, *съ*, *avec*: Omnia vestra *in* charitate fiant; вся въ васъ да съ любовію бываютъ. — Въ Славянскихъ св. книгахъ не менѣе можно встрѣтить такихъ не одинаковыхъ значеній.

2) Языкъ Греческой, Латинской, а особливо Руской тѣмъ наипаче въ разсужденіи своихъ предлоговъ отъ прочихъ языковъ отличаются, что въ нихъ хотя и случается видѣть одни и тѣже предлоги, означающіе разныя отношенія: однако они означая различныя отношенія, требуютъ различныхъ и падежей, которые и составляютъ ихъ постоянную характеристику, такъ напр: предлогъ, *на*, означаетъ не одно отношеніе, посему требуетъ и не одного падежа; какъ то: *на Тебѣ возсія*; *на* Тя надѣю-

щіися. Или, Павлиный хвостъ промѣнять *на* Вороній; богатой свой языкъ Россійской основывать *на* правилахъ чужаго и бѣднаго языка Французскаго! Съ плодоносной и твердой земли благоустроенный свой домъ перенесть *на* безплодную и болотистую землю! - Здѣсь, *на*, означая различныя отношенія, управляетъ и различными падежами. Въ первомъ примѣрѣ вмѣсто *на*, правильнѣе бы употребить, *за*; но обыкновенно не только сей, да и многіе предлоги самые лучшіе писатели смѣшиваютъ въ ихъ значеніи и поставляютъ одинъ вмѣсто другаго. Чтобъ увѣриться въ семъ, надобно прочитать ихъ сочиненія. Для ясности языка должно быть въ семъ разборчивѣе и осторожнѣе.

Въ другихъ же языкахъ, какъ - то: во Франц: еще болѣе встрѣчается сихъ неправильностей; предлогъ смѣшивается у нихъ часто съ членомъ. Такъ напр: у нихъ *de* и *a*, не только бываютъ знаками родительнаго и дательнаго падежей; но также и предлогами, означающими совсѣмъ другія отношенія. Ибо когда говорятъ: il est sorti *de* la ville; или il est allé *à* sa maison des champs; *de* означаетъ здѣсь не родительный падежъ, но предлогъ *ab*, или *ex*, *изъ*; egressus est *ex* urbe, вышелъ *изъ* города: и *à*, также не означаетъ здѣсь падежа дательнаго, но предлогъ, *in*, *въ*;- abiit *in* villam suam, ушелъ *въ* свою область.

Также Французы весьма часто не различаютъ сихъ пяти предлоговъ: *dans*, *hors*, *sur*, *sous*, *avant*, отъ сихъ пяти словъ, кои не должно называть предлогами: *dedans*, *dehors*, *dessus dessous*, *auparavant*. Послѣднее слово почитается у нихъ за нарѣчіе, а первые четыре, то за имена, то за предлоги. напр: въ сихъ выраженіяхъ: *au dedans* de la maison; *au dessus* du toit. Здѣсь за имена. Ho-la peste est *dedans* et dehors la ville. Il y a des animaux *dessus et dessous* la terre. Здѣсь за предлоги. Какое разногласіе! съ такими, встрѣчающимися противорѣчіями не скоро можно научиться правильному употребленію языковъ! Безъ сомнѣнія, не мало находится такихъ погрѣшностей и въ другихъ языкахъ, какъ то: въ Нѣмец: Англ: Италіанскомъ и Рускомъ. Я не говорю объ одномъ Французскомъ. Французы не менѣе другихъ стараются обработывать и вычищать языкъ свой, и что Французы трудолюбивы и внимательны, сему служатъ доказательствомъ лучшія ихъ сочиненія, каковы сочиненія: Рассина, Мольера, Руссо, критическія соч: Ла-Гарпа и многихъ другихъ.

ГЛАВА 11.

О нарѣчіяхъ.

Желаніе людей сокращать рѣчь было поводомъ къ изобрѣтенію нарѣчій; ибо большая

часть изъ сихъ частицъ означаютъ однимъ словомъ то, что можно означить токмо предлогомъ и именемъ. Какъ напр: *разумно*, sapienter, sagement, - вмѣсто *съ умомъ*, cum sapientia, avec sagesse; *сего дня*, hodie, - вмѣсто, *въ сей день*, *in hoc die*.

И посему-то въ языкахъ новѣйшихъ, большая часть сихъ нарѣчій красивѣе выражается именемъ съ предлогомъ, какъ напр: на Франц: лучше сказать: *avec sagesse*, *съ благоразуміемъ*; avec prudence, съ разсудительностію; avec orgueil, съ гордостію; avec moderation, съ умеренностію; нежели, sagement, благоразумно; prudemment, разсудительно; orgueilleusement, гордо; modèrément умѣренно: напротивъ того на Латин: языкѣ обыкновенно выражается нарѣчіемъ; да нехудо было бы, естьли бъ и всѣ тому подражали; для чего дѣлать два шага, когда можно сдѣлать одинъ?

Отъ сего происходитъ, что весьма часто принимаютъ вмѣсто нарѣчія, имена; какъ напр: *instar*, *primùm*, или *primò*, *partim* и т. п. въ языкѣ Рус: и Лат: а во Франц: за нарѣчія: dessus, dessous, dedans, кои можно почесть за истинныя имена, (какъ мы уже замѣтили въ предыдущей главѣ). - Но сего о нарѣчіи довольно.

Латинское названіе, *adverbium*, происходитъ отъ того, что предлоги въ Лат. яз: обыкно-

венно поставляются при глаголахъ, и управляютъ ихъ залогами, какъ напр: *generosè pugnavit*, благоразумно сражался.

ГЛАВА 12.

О Глаголахъ, и о томъ, что собственно и существенно имъ принадлежитъ.

Доселѣ говорили мы только о словахъ, показывающихъ предметы мыслей; а теперь скажемъ о словахъ, означающихъ *образъ мыслей*, каковы суть: *глаголы*, *союзы и междометія*.

Познаніе свойствъ глагола состоитъ въ сказанномъ нами выше, т. е., что сужденія наши о вещахъ (напр: когда говоримъ: *земля кругла*) заключаютъ въ себѣ непремѣнно два слова: подлежащее, какъ то: *земля*, и сказуемое *кругла*, а связь, *есть*, подразумѣвается. Сія связь можетъ быть почтена за истинное дѣйствіе нашего ума, подтверждающее сказуемое подлежащаго.

Такимъ образомъ люди не менѣе имѣли нужды въ изобрѣтеніи словъ, означающихъ *утвержденіе* и главный образъ нашихъ мыслей.

И такъ, собственно говоря, глаголомъ называется слово, употребляемое наиболѣе къ означенію утвержденія, т. е. глаголъ показываетъ, что рѣчь, въ которой онъ употребляет-

ся, говорена человѣкомъ, не только что понимающимъ вещи, но еще судящимъ и утверждающимъ о нихъ. — Чѣмъ глаголъ и различается отъ нѣкоторыхъ именъ, означающихъ также утвержденіе; напр: *утверждающій*, (affirmans), *утвержденіе* (affirmatio); потому что сіи слова означаютъ утвержденіе только посредствомъ размышленія и ума, сдѣлавшееся предметомъ нашихъ мыслей; при томъ же сіи слова не показываютъ, что употребляющій оныя, утверждаетъ, но только что онъ имѣетъ понятіе объ утвержденіи. —

Мы сказали: *главное* употребленіе глагола состоитъ въ *утвержденіи*; ибо мы увидимъ ниже, что глаголъ служитъ еще къ означенію другихъ движеній души нашей, какъ то; *желаніи*, *прошеніи*, *приказываніи* и проч. а сіе самое и составляетъ перемѣну наклоненій и спряженій. И такъ въ главѣ сей, мы будемъ разсматривать глаголъ только въ главномъ его значеніи, т. е. въ изъявительномъ, (знаменательномъ) наклоненіи, оставляя то, о чемъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

По сему можно сказать, что глаголъ самъ по себѣ не долженъ имѣть другаго употребленія, кромѣ того, дабы показывать связь, которую въ умѣ нашемъ даемъ мы двумъ словамъ одного какого нибудь предложенія; но одинъ

только глаголЪ, *быть*, être, называемый существительнымЪ, сохранилЪ сію простоту, и можно сказать, что она осталась у него только вЪ третьемЪ лицѢ настоящаго времени, *есть*, *est*, и еще вЪ нѢкоторыхЪ случаяхЪ: потому что люди безпрестанно стараются сокращать свои изЪясненія: то они почти всегда утверждая что нибудь однимЪ словомЪ, подразумѢваютЪ вЪ ономЪ еще и другія значенія словЪ:

1. Они приложили кЪ оному какое-то сказуемое, такЪ что два слова составляютЪ предложеніе, напр: *ПетрЪ живетЪ*, Petrus vivit; ибо слово, *живетЪ*, заключаетЪ вЪ себѢ уже утвержденіе и еще сказуемое, *быть живымЪ*. И такЪ все равно, естьли скажемЪ: *ПетрЪ живетЪ*, или, *ПетрЪ есть живЪ*. ОтЪ сего происходитЪ великое различіе глаголовЪ во всякомЪ языкѢ. НапротивЪ того, естьлибЪ глаголу дали общее значеніе подтвержденія, не прибавляя кЪ тому никакого особеннаго сказуемаго, то во всѢхЪ языкахЪ былЪ бы только одинЪ глаголЪ, называемый существительнымЪ.

2. ВЪ нѢкоторыхЪ случаяхЪ присоединяютЪ кЪ нему еще подлежащее предложенія, такЪ что два слова, и даже одно слово могутЪ составить цѢлое предложеніе. *Два слова* - напр: *sum homo*; поелику, *sum*, не только что означаетЪ подтвержденіе, но еще заключаетЪ вЪ себѢ зна-

ченіе мѣстоименія, *ego*, которое есть подлежащее сего предложенія, и которое можно выразить такъ: *я есмь человѣкъ* je suis homme.— *Одно слово*, напр: *vivo*, *sedeo*; ибо сіи глаголы въ себѣ самихъ заключаютъ подтвержденіе и сказуемое, какъ мы уже сказали, а въ первомъ лицѣ еще и подлежащее. напр: *я есмь живущій*, je suis vivant; *я есмь сидящей*, je suis assis. Отъ сего-то произошло различіе *лицъ*, обыкновенно во всѣхъ глаголахъ и языкахъ находящееся.

3. Еще соединяютъ его съ отношеніемъ *времени*, о коемъ утверждаютъ, такъ что одно слово. напр: *coenasti*, означаетъ, что я подтверждаю тому, съ кѣмъ говорю, дѣйствіе ужина, не въ настоящемъ, но въ прошедшемъ времени. А отсюда произошло различіе временъ, общее также всѣмъ языкамъ и всѣмъ глаголамъ.

Таковое различіе значеній, въ одномъ словѣ соединенныхъ, было не малымъ препятствіемъ къ тому, что многіе впрочемъ весьма умные люди не могли хорошо узнать свойства глагола; ибо они разсматривали въ глаголѣ не то, что ему существенно, т. е. *подтвержденіе*, но однѣ только случайныя отношенія, свойственныя ему какъ глаголу.

Такимъ образомъ Аристотель остановившись на третьемъ изъ присоединенныхъ необходимыхъ значеній глаголу, опредѣлилъ его такъ:

vox significans cum tempore, слово, означающее со *временемъ*.

Другіе—какъ-то; Буксторфъ, основываясь на второмъ, опредѣляютъ: *vox flexilis cum tempore et persona*, слово, имѣющее различныя наклоненія съ временами и лицами.

Нѣкоторые, остановясь при первомъ изъ сихъ прилагаемыхъ значеній къ сказуемому, и примѣтивъ, что многія сказуемыя, соединяемыя людьми для утвержденія въ одномъ и томъ же словѣ, обыкновенно бываютъ дѣйствія и страданія; то они и подумали, что сущность глагола состоитъ, въ *означеніи*, *дѣйствіи*, или *страданіи*.

Наконецъ Юлій Кесарь Скалигеръ думалъ, что онъ открылъ великую тайну, въ книгѣ своей о начал: Лат: яз: основаніяхъ сказавъ: что раздѣленіе вещей на *непроходящія* (permanentes) *и проходящія* (fluentes), было истиннымъ началомъ къ раздѣленію именъ и глаголовъ, и что имена означаютъ, *непроходящіе*, а глаголы *проходящія вещи*.

Но легко видѣть можно, что всѣ сіи опредѣленія ложны, и ни мало не объяснятъ точнаго свойства глагола. —

Образецъ двухъ первыхъ примѣчаній сіе ясно показываетъ. Ибо въ опытъ не сказано,

что означаетъ глаголъ, но только съ чѣмъ означаетъ, т. е. со *временемъ*, *съ лицемъ* (cum tempore, cum persona).

Послѣдніе два еще хуже; ибо они заключаютъ въ себѣ два порока опредѣленія, т. е. что они несовмѣстны ни всему опредѣленному, ни одному опредѣляемому, (neque omni, neque soli). Ибо есть глаголы, кои не означаютъ ни дѣйствія, ни страданія, ни того, что проходитъ, напр: *existit*, *quiescit*, *friget*, *alget*, *tepet*, *calet*, *albet*, *viret*, *claret*, и проч. о чемъ будетъ сказано еще въ другомъ мѣстѣ.

Находятся слова кромѣ глаголовъ, означающія дѣйствія и страданія и даже вещи проходящія, (по опредѣленію Скалигера): ибо причастія, безъ сомнѣнія суть истинныя имена, изъ коихъ, принадлежащія глаголамъ дѣйствительнымъ, столько же означаютъ дѣйствіе; а принадлежащія страдательнымъ, столько же означаютъ страданіе, какъ и самые глаголы, отъ коихъ онѣ происходятъ; и даже нѣтъ никакой причины думать, чтобы слово, *fluens*, менѣе означало проходящую вещь, какъ и слово, *fluit*.

Можно сказать противу двухъ первыхъ опредѣленій глагола, что причастія также означаютъ со *временемъ*; ибо онѣ имѣютъ настоящее, прошедшее и будущее, а особливо въ Гре-

ческомъ яз. И тѣ, кои не безъ причины думаютъ, что звательный падежъ есть дѣйствительное второе лице, особливо когда имѣетъ окончаніе, различное съ именительнымъ, согласятся, что съ сей стороны между глаголомъ и причастіемъ ненаходилось бы большей или меньшей разницы.

И такъ существенная причина почему причастіе не можетъ назваться глаголомъ, есть та, что первое не означаетъ утвержденія, а по сему оно и не можетъ составить предложенія такъ какъ глаголъ, естьли же присоединимъ къ нему глагола, т: е: естьли не приложимъ къ нему опять того, что было отъ него отнято при перемѣненіи глагола въ причастіе (*). Ибо, для чего, *Petrus vivit*, Петръ живетъ, считается за предложеніе; а *Petrus vivens*, не можетъ почесться онымъ, ежели не прибавимъ глагола, *est*: Petrus est vivens? Изъ чего видно, что подтвержденіе, находящееся, или не находящееся въ словѣ производитъ то, что глаголъ бываетъ, или небываетъ глаголомъ.

Здѣсь мимоходомъ также замѣтить должно, что неопредѣленное, занимающее часто мѣсто имени (какъ мы о томъ скажемъ) напр: когда говорятъ, *пить*, *ѣсть*, различается тогда отъ

(*) По сему весьма неправильно Петербургское нарѣчіе: *онъ уѣхавшій*, *невставшій*, или, также неправиленъ сей стихъ Держав: Пустынная взоръ *насупя* свой и т. п.

причастія тѣмъ, что причастія суть имена прилагательныя; а неопредѣленное есть имя существительное, дѣлающееся чрезъ отвлеченіе сего прилагательнаго; также какъ: изъ слова, *candidus*, *бѣлый* дѣлается candor, бѣлизна изъ *blanc-blancheur*.

Такимъ образомъ глаголъ, *rubet*, означаетъ, есть красенъ, *est rouge*, заключаетъ вмѣстѣ утвержденіе и сказуемое; причастіе *rubens*, означаетъ просто, *красный*, *rouge*, безъ подтвержденія, а *rubere*, взятое вмѣсто имени, означаетъ *rougeur*, *красность*.

И такъ здѣсь должно остановиться и разсмотрѣть хорошенько то, что глаголъ имѣетъ существеннаго. Единственное и истинное его опредѣленіе есть слѣдующее: *vox significans affirmationem*, слово означающее подтвержденіе.—Поелику многіе сочинители грамматикъ кромѣ глагола, не могли найти ни одного слова, которое бы означало подтвержденіе; и ни одного глагола, которой бы не означалъ утвержденія, по крайней мѣрѣ въ изъявительномъ наклоненіи. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что естьли бы изобрѣли другое слово, каково, *est*, которое бы всегда показывало утвержденіе, не различая ни лицъ, ни временъ, такъ что различіе лицъ означалося бы только именами и мѣстоименіями, а различіе временъ нарѣчіями: тогда не было бы нужды въ дѣйствительномъ глаголѣ какъ. Напр: въ предложеніяхъ, названныхъ философами не-

преложно истинными. *Богъ безпредѣленъ*, Dieu est infini; *всякое тѣло дѣлится на части*, tout corps est divisible; *цѣлое больше частей своихъ*, le tout est plus grand, que sa partie; въ сихъ предл: *есть*, подразумѣвается.

Здѣсь слово, *est*, означаетъ простое подтвержденіе, безъ всякаго отношенія ко времени, потому что это истина, непреложная во всѣ времена.

И такъ глаголъ по сущности своей, есть слово, *означающее подтвержденіе*. Но ежели угодно къ опредѣленію глагола прибавить его случайности, то можно опредѣлить его такъ: *глаголъ есть слово, показывающее подтвержденіе, съ означеніемъ лица, числа и времени*, (Wox significans affirmationem cum designatione personae, numeri et temporis); что собственно принадлежитъ глаголу существительному.

Чтожъ касается до другихъ глаголовъ, различающихся посредствомъ соединенія, изобрѣтеннаго людьми для подтвержденія нѣкоторыхъ сказуемыхъ, то можно опредѣлить такъ: *глаголъ есть слово, означающее подтвержденіе какого нибудь сказуемаго, съ означеніемъ лица, числа и времени*; (Uox significans affirmationem alicuius attributi cum designatione personae, numeri et temporis).

Здѣсь мимоходомъ замѣтить можно, что подтвержденіе, такъ какъ извѣстное, можетъ также быть сказуемымъ глагола, какъ-то въ глаголѣ, *affirmo*; глаголъ сей означаетъ два подтвержденія, изъ коихъ одно указываетъ на лице, которое говоритъ: а другое на лице, о которомъ говорится, хотя бы то было на самаго себя, хотя бы на другаго. Ибо когда говорю: *Petrus affirmat*, Петръ утверждаетъ; afirmat, здѣсь тоже, что *est affirmans*; здѣсь *est*, означаетъ мое подтвержденіе или сужденіе, которое дѣлаю относительно къ Петру, и *affirmans*, есть утвержденіе, кое я понимаю и приписываю Петру. —

Напротивъ того, глаголъ *nego*, содержитъ въ себѣ и подтвержденіе и отрицаніе по той же самой причинѣ.—Надобно еще замѣтишь, что хотябы всѣ наши сужденія были не подтвердительныя, но отрицательныя; то не смотря на то глаголы сами собою означаютъ подтвержденіе; отрицанія же означаются частицами, *нѣтъ*, *не*, или именами, ихъ въ себѣ заключающими. напр; *никто*, *никакій*, *nullus*, *nemo*, кои будучи присоединенные къ глаголамъ, перемѣняютъ его подтвержденіе, на отрицаніе, напр. *Человѣкъ не не безсмертенъ*, nul homme n' est immortel; ни какое тѣло не есть нераздѣлимо; nullum corpus est indivisibile.

Объяснивъ сущность глагола, и замѣтивъ въ коротких словахъ случайности общія, нуж-

но разсмотрѣть сіи самыя случайности въ частности, и начать съ тѣхъ, кои общи всѣмъ глаголамъ, и составляютъ различіе лицъ, числъ и временъ.

ГЛАВА 13.

О различіи лицъ и числъ въ глаголахъ.

Мы уже сказали, что различіе лицъ и чиселъ въ глаголахъ происходитъ отъ того, что люди для сокращенія рѣчи прибавили къ подтвержденію, которое свойственно только глаголу, подлежащее предложенія, естьли не во всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Ибо когда человѣкъ говоритъ о себѣ самомъ; то подлежащимъ предложенія бываетъ мѣстоименіе перваго лица: *я*, *ego*, *moi*; *je*; когда же говоритъ о томъ, къ кому относитъ рѣчь, то подлежащимъ предложенія бываетъ мѣстоименіе втораго лица, *ты*, *вы*, *tu*, *toi*, *vous*.

Но что бы не употреблять всегда сихъ мѣстоименій, вздумали дать слову подтвержденіе означающему, такое окончаніе, которое бы означало себя самаго, или того, кто говоритъ; и сіе — то окончаніе называютъ первымъ лицемъ глагола. Напр: *вижу*, video, je vois (*). Тоже самое сдѣлали и въ разсужденіи того, къ кому относится рѣчь, и назвали вто-

(*) Въ Латинскомъ и Рускомъ, языкахъ могутъ стоять первое и второе лица глагола, безъ мѣстоименія, а

рымъ лицемъ глагола: *видишь*, *vides*, *tu vois*. Но поелику сіи мѣстоименія имѣютъ свое множественное, когда говорятъ о самихъ себѣ, соединяяся съ другими, *мы*, *nos*, *nous*; или о томъ къ кому говорятъ, соединяя его также съ другими: *вы*, *vos*, *vous*; и такимъ образомъ сдѣлали два различныя окончанія во множественномъ: *видимъ*, *videmus*, *nous voyons*; *видите*, *videtis*, *vous voyez*.

Но какъ часто случается, что подлежащее предложенія не можетъ существовать ни тогда, когда говорятъ сами о себѣ, ни тогда, когда говорятъ о другихъ; то необходимость заставила для сохраненія сихъ двухъ окончаній въ обоихъ родахъ лицъ изобрѣсть третіе, которое можно присоединять ко всѣмъ другимъ подлежащимъ предложенія. И сіе окончаніе называютъ *третьимъ лицемъ*, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ. Хотя слово-*лице*, приличествуетъ только существамъ разумнымъ т. е. только двумъ первымъ лицамъ; не смотря на то, первое, второе и третіе лица существуютъ не только для лицъ, но и для всѣхъ родовъ вещей и не разумныхъ существъ.

и ты; а во Французскомъ всегда должно присовокуплять *je* и *tu*, для точнаго означенія лицъ; надобно сказать: *je chante*, *je vois*, *tu vois*, пою, вижу, видишь; *video*, *vides*. И такъ мы видимъ, что во Франц: находится недостатокъ въ окончаніяхъ глагола.

Таковое различіе окончаній въ двухъ первыхъ иногда и въ третьемъ лицахъ показываетъ, что древніе языки и нашъ Россійской, близко по свойству своему къ нимъ подходящій, имѣютъ довольно основательную причину не присоединять всегда личныхъ мѣстоименій къ глаголамъ, а присоединять ихъ только изрѣдка, и то для показанія частности и другихъ отношеніи перваго, втораго и третьяго лица. Довольно сказать, *вижу*, *видишь*, *видѣлъ*, *vidеo*, *vides*; *видимъ*, *видите*, videmus, videtis; *пою*, *поешь*; *cano*, *canis*, сей родъ рѣчи короче и красивѣе, напр: *Пою отъ варваровъ Россію свобожденну*, или. *Cano bella et hominem qui* etc. Виргил. Здѣсь мы избѣгаемъ частаго повторенія мѣстоименій. Для сего то и изобрѣтены различныя окончанія въ лицахъ.

Не смотря на то нѣкоторые языки, а особливо яз. Французскій, всегда прибавляютъ мѣстоименія. Напр: *je vois*, *tu vois*, *nous voyons*; *vous voyez* — Да и должно присовокуплять ихъ; ибо у Франц: очень многіе изъ глаголовъ не имѣютъ различнаго окончанія въ 1мъ и во 2мъ лицахъ, а по звуку иногда и во всѣхъ трехъ. Какъ напр: вовсѣхъ глаголахъ на *er*; въ *aimer*, первое и третіе лица между собою сходны; одно мѣстоименіе ихъ различаетъ; въ другихъ первое и второе, напр: *je lis*, *tu lis*; а въ нѣкоторыхъ по звуку и всѣ три лица сходны, напр:

je bâtis, tu bâtis il bâtit. Строю, *строишь*, *строитъ*. И такъ здѣсь нужны мѣстоименія; иначе, естьли нѣкоторые изъ сихъ глаголовъ не будутъ стоять съ личными мѣстоименіями; то могутъ быть почтены за повелительное, какъ. *vois*, *aime*,*lis* и проч.

Примѣчаніе. въ Италіанскомъ яз: болѣе находится различія въ окончаніяхъ лицъ, нежели въ яз: Франц. напр: io ámo, tu ámi, egli áma, люблю, любишь, любитъ. Но въ грам: Порроялѣ сдѣлано замѣчаніе совсѣмъ противное.

Многіе языки за нужное почли сдѣлать различіе въ окончаніяхъ, относящееся къ полу мужескому, или женскому. По сему-то очень часто одному и тому же лицу глагола даютъ два, или три различныя окончанія, чтобы означить ими два, или три рода для избѣжанія двусмыслія въ рѣчи. напр. Въ Россійскомъ яз. въ нѣкоторыхъ глаголахъ, третіе лице имѣетъ три рода; напр: *писалъ*, *писала*, *писало*.

ГЛАВА 14.
О Различныхъ временахъ глагола.

Мы сказали, что еще нѣчто соединяется съ утвержденіемъ глагола, т. е. знаменованіе времени; ибо подтвержденіе можетъ быть различно, смотря по временамъ. Можно утверждать, что такая-то вещь есть, была или будетъ. Сіе заставило дать другія измѣненія гла-

голамъ для означенія сихъ различныхъ временъ. Простыхъ временъ три:

Настоящее: *люблю*, amo, *j'aime*.

Прошедшее: *любилъ* amavi, *j'aimai*.

Будущее, *полюблю*, amabo; *j'aimerai*.

Но поелику въ прошедшемъ можно означить, что вещь только что начата, но некончена опредѣленно; для сего почти во всѣхъ нынѣшнихъ языкахъ два рода находится прошедшаго. Одно, означаетъ вещь, совершенно оконченную, и потому названо *прошедшимъ совершеннымъ*, *defini*, какъ: *я написалъ* j' ai écrit; *я сказалъ* j' ai dit. *j'ai fait*, *j'ai dîné* и проч. а другое означаетъ вещь не совершенно оконченную: *я писалъ* j' ecrivis; я дѣлалъ, je fis, *je dînai* и проч. т. е. когда говорится о времени, коему еще и дня не прошло, или о предметѣ, которой дѣланъ, но можетъ быть, еще не сдѣланъ. Фр: яз: во временахъ точнѣе другихъ языковъ.

Будущее подвержено тѣмъ же различіямъ. Ибо мы иногда хотимъ означить вещь, долженствующую случиться вскорѣ. Такъ мы: видимъ, что Греки имѣютъ у себя, pavlo-post-futurum, *μετρὲλιγεν μέλλων* показывающее, что дѣло скоро случится, или, что его должно щитать почти за случившееся-какъ напр: *πεποιήσομαι*, я скоро сдѣлаю; можно также просто означить, что вещь сдѣлается, такъ напр: *ποιήσω*, я сдѣлаю; *amabo*, полюблю J'aimerai.

Вотъ все, что относится до временъ, разсматривая просто свойство настоящаго, прошедшаго и будущаго.

Но поколику хотѣли означить однимъ словомъ каждое изъ сихъ временъ въ отношеніи къ другому, для сего изобрѣли еще измѣненія въ глаголахъ, кои можно назвать *временами составленными* въ смыслѣ des *temps composés dans le sens*; оныхъ также есть три рода:

Первое означаетъ прошедшее въ отношеніи къ настоящему, и называется *прошедшимъ несовершеннымъ*, (неопредѣленнымъ) потому что означаетъ вещь хотя дѣланную, но не совершенно оконченную, и какъ бы настоящую въ отношеніи къ совершенно оконченной. И такъ когда я говорю: cum intravit *caenabat*, когда онъ вошелъ, *я ужиналъ*, дѣйствіе - *ужиналъ*, показываетъ хотя прошедшее относительно ко времени, въ которое говорю, но еще продолжающееся и не конченное, совершенно.

Второе составленное время, показывающее вещь двукратно или, много разъ прошедшую, а по сему и называется, *давно прошедшимъ, многократнымъ*, plusquam perfectum. какъ напр: *caenoverat*, ужинывалъ. У насъ есть еще *однократное*, которое означаетъ что либо одинъ разъ произведенное; напр: *взглянулъ, двинулъ, лукнулъ, шагнулъ*.

Третіе составленное, (composé) время, означаетъ будущее относительно къ прошедшему и называется: *будущимъ совершеннымъ*, опредѣленнымъ, perfectum futurum, какъ напр: отъужинаю; coenavero; взгляну. Симъ означаю дѣйствіе моего ужина *будущимъ* въ себѣ самомъ *и совершеннымъ*, потому что сіе непремѣнно исполню.

У насъ есть еще будущее *неопредѣленное* и *однократное*; первое, показываетъ продолженіе или учащеніе, а второе, одинъ разъ, совершиться имѣющее дѣйствіе или страданіе. Но довольно; - раздѣленіе временъ можно видѣть въ грамматикахъ каждаго языка.

Вотъ все, что нужно было сказать о изобрѣтеніи различныхъ измѣненій глаголовъ, для означенія различныхъ временъ; при семъ должно замѣтить, что во многихъ языкахъ находится два только времени, прошедшее и будущее безъ всякихъ различій несовершенныхъ, давно прошедшихъ, однократныхъ и проч. оіе бываетъ причиною, что въ языкахъ сихъ часто случаются двоезначенія, коихъ въ нашихъ не бываетъ.

ГЛАВА 15.

О различныхъ наклоненіяхъ, или образцахъ глаголовъ.

Мы уже сказали, что глаголы суть слова, означающія образъ нашихъ мыслей, образъ, состоящій въ утвержденіи; замѣтили также, что глаголы по различію лицъ и временъ, получаютъ различныя и измѣненія. Но люди примѣтили, что нужно изобрѣсть еще другія измѣненія, раздѣльнѣе означающія наши мысли; ибо во первыхъ они видѣли, что кромѣ простыхъ утвержденій, какъ напр: *онъ любитъ*, il aime; *онъ любилъ*, il aimoit; находятся въ мысляхъ нашихъ договорныя и перемѣнныя. напр: *хотя бы онъ любилъ*, quoiqu' il aimât; и *когда бы онъ любилъ*, quand il aimeroit. И дабы лучше различать сіи утвержденія, нѣкоторые удвоили измѣненія тѣхъ же самыхъ временъ и употребляя однѣ съ простыми утвержденіями, напр: *любитъ*, *любилъ*; а другія съ утвержденіями перемѣняемыми, напр: *что онъ бы любилъ*, aimeroit: но какъ не всегда наблюдаютъ сіи правила, то и употребляютъ иногда простыя измѣненія для означенія перемѣняемыхъ утвержденій: напр: употребляютъ: *Etsi vereor*, вмѣсто *Etsi verear*; и изъ сихъ-то послѣднихъ родовъ измѣненій сочинители

грамматикѣ сдѣлали *сослагательное наклоненіе*, *Conjunctivus*, *Subjonctif*.

Сверьхѣ того, изключая утвержденіе, самое дѣйствіе нашей воли можно почесть за образѣ нашихѣ мыслей. И людямѣ нужно было означить ихѣ желанія столько же, какѣ и ихѣ мысли. Но какѣ можемѣ мы желать чего либо различнымѣ образомѣ, то и можно замѣтить что находится три главныхѣ наклоненія.

1. Мы желаемѣ иногда чего либо такого, что не отѣ насѣ зависитѣ; таковое желаніе можно назвать *простымѣ*; вѣ Латинскомѣ оно изражается частицею *utinam*; у насѣ, о *когда бы*! на Франц: *plût à Dieu*. Вѣ нѣкоторыхѣ языкахѣ, какѣ напр: вѣ Греческомѣ, для означенія сего, находятся особенныя измѣненія, *желательными наклоненіями* отѣ грамматиковѣ названныя. Во Франц: Испанс: и Италіанс: языкахѣ есть подобныя оному; ибо у нихѣ нѣкоторыя времена бываютѣ тройныя. Но вѣ Латинскомѣ язык. тѣже самыя измѣненія служатѣ какѣ для сослагательнаго, такѣ и для желательнаго, а у насѣ нѣтѣ совсѣмѣ даже и сослагательнаго, да и кѣ чему оно, когда одна частица можетѣ изобразить желаніе, условіе и сомнѣніе наше? Латинцы хорошо сдѣлали что выкинули желательное наклоненіе изѣ ихѣ спряженій; ибо разныя измѣненія должны соста-

влять наклоненія, а не разные образы означать свои мысли, кои весьма многочисленны.

2. Еще мы желаемъ со всѣмъ другимъ образомъ, когда соглашаемся только на что нибудь, не показывая точнаго на то желанія; напр: fuerint cupidi, fuerint irati, fuerint pertinaces; пусть желаютъ, пусть гнѣваются, пусть рвутся. Или, какъ сказалъ Теренцій: profundat, perdat, pereat; qu'il dépense, qu'il perde, qu'il périsse; пусть расточаетъ, пусть проигрываетъ, пусть пропадетъ и проч. Кажется, можно бы изобрѣсть наклоненіе, означающее сію страсть души, такъ какъ изобрѣли въ Греческомъ наклоненіе, для означенія простаго желанія; но поелику сего не сдѣлано, то вмѣсто онаго Латинцы и употребляютъ сослагательное; на Францз: яз. оно выражается частицею, *que*, qu'il dépense; на Рускомъ, *да*, *пусть*. Пусть расточаетъ, да погибнетъ и проч. нѣкоторые же изъ грамматиковъ сіе наклоненіе назвали, *modus potentialis*, или, *modus concessivus*, наклоненіемъ возможнымъ, или уступительнымъ.

3. Третій родъ желанія. Когда желаемая вещь зависитъ отъ особы, отъ коей мы получить ее надѣемся; то мы обьявляемъ ей свое желаніе, повелѣвая или прося ее, чтобъ она для насъ еіе сдѣлала, для чего и изобрѣли еще наклоненіе *повелительнымъ* названное. Оно не имѣетъ перваго лица, особливо въ единствен-

номъ: ибо въ собственномъ смыслѣ, себѣ самимъ ничего не повелѣваемъ: а во многихъ языкахъ не имѣетъ третьяго, потому что въ собственномъ смыслѣ мы только тѣмъ повелѣваемъ, къ коимъ обращаемъ рѣчь. Но какъ приказанія или прозбы, нами дѣлаемыя, всегда относятся къ будущему, то берутъ повелительное за будущее, особливо въ Еврейскомъ яз. напр: non occides, не убьешь, вмѣсто, не уби. Что самое и подало случай нѣкоторымъ сочинителямъ грамматикъ повелительное включить въ число будущихъ.

Изъ всѣхъ сихъ нами показанныхъ наклоненій, нѣкоторые языки имѣютъ только одно повелительное. Новые же яз. напротивъ того, не имѣютъ особеннаго измѣненія, или паденія для повелительнаго. напр: во Франц: настоящее, *j'aime*, люблю, и повелительное, aime, люби bâtis, строй, je bâtis, строю. и проч. т. е. во Франц: употребляютъ второе и даже первое лице безъ предстоящихъ личныхъ мѣстоименій. Но нашъ языкъ, какъ видно изъ вышшихъ примѣровъ, въ повелительномъ имѣетъ особенное наклоненіе или паденіе: *трудися, потѣй, повинуйся, люби, почитай, и нежалуйся!*

ГЛАВА 16.

О неопредѣленномъ.

Есть еще другое измѣненіе въ глаголѣ, не имѣющее ни числа, ни лицъ, а потому и называется *неопредѣленнымъ*, *неоконъчательнымъ наклоненіемъ* (*) (infinitif) напр: Esse, быть; amare, любить; но должно замѣтить, что иногда неопредѣленное удерживаетъ подтвержденіе, напр: въ семъ предложеніи: *scio malum esse fugiendum*, *знаю, что зла убѣгать должно*; иногда теряя оное замѣняетъ имена, особливо въ Греческомъ, и въ нынѣшнихъ язык: напр: *le boir*, *le manger*, *пить*, *ѣсть*; и также, *je veux boir*, *je veux manger*, *хочу пить*, *хочу ѣсть*, т. е. *volo potum*, *или potionem*; *я желаю питія* (**).

Предположивши сіе, спрашивается, что же неопредѣленному наклоненію свойственно, когда оно не имя, но удерживаетъ силу утвержденія? (Какъ въ вышшемъ примѣрѣ *scio malum esse fugiendum.*) Я не знаю, замѣчаетъ ли кто нибудь, что я хочу сказать теперь: т. е. мнѣ кажется, что неопредѣленное между другими родами глагола, есть тоже, что возноситель-

(*) Я не знаю, почему у насъ называютъ его неокончательнымъ? кажется, оно имѣетъ окончаніе на *ть*.

(**) Здѣсь неопредѣленное выражаетъ понятіе подлежащаго, напр: *обманывать есть грѣхъ*; errare humanum est.

ное между другими мѣстоименіями. Ибо, какъ уже сказано, что возносительное мѣстоименіе имѣетъ большую предъ другими мѣстоименіями силу, и что предложеніе, въ которое оно входитъ, соединяетъ съ другимъ предложеніемъ; также я думаю, что и неопредѣленное сверхъ утвержденія глагола имѣетъ такую же силу соединять предложеніе, въ коемъ оно находится, съ другимъ. Ибо слово, *scio*, само по себѣ означаетъ предложеніе, а ежели присоединить *malum est fugiendum*; то будетъ два отдѣльныя предложенія; но естьли поставить, *esse* на мѣсто, *est*, тогда послѣднее предложеніе будетъ только частію перваго, что мы изъяснили въ главѣ о мѣстоименіи возносительномъ.

А по сему самому мы почти всегда, такое неопредѣленное (infinita locutio) выражаемъ изъявительнымъ и частицею — *что*; а во Франц: яз: частицею же, *que*: *знаю, что зла убѣгать должно*, *je sais, que le mal est à fuir*. Иногда, какъ мы уже замѣтили, *que*, означаетъ только соединеніе одного предложенія съ другимъ, которое соединеніе въ Латинскомъ, иногда и во Франц: яз: заключается въ неопредѣленномъ, да и въ Руском по крайней мѣрѣ, Славянскомъ нарѣчіи изражается также неопредѣленнымъ, напр: *putat se scire omnia, il croit savoir toutes choses*, мнитъ быти знающимъ во всемъ.

Предложенія соединяются неопредѣленнымъ наклоненіемъ, или частицею, *quod*, *что*, *q.e*, въ особенности тогда, когда пересказываютъ рѣчи другимъ. Такъ напр: Ежели бы я хотѣлъ пересказать другому, что мнѣ сказалъ начальникъ; *я вамъ дамъ чинъ*; обыкновенно я не стану пересказывать такъ: начальникъ мнѣ сказалъ, я дамъ вамъ чинъ, поставя два отдѣльныя предложенія, одно мое, а другое начальника: но соединю ихъ вмѣстѣ частицею, *что*; начальникъ мнѣ сказалъ, что онъ дастъ мнѣ чинъ. И тогда какъ уже предложеніе сдѣлалось моимъ, *первое лице*, *я дамъ*, перемѣняю на *третіе*, *онъ дастъ*; а мѣстоименіе *вамъ*, означающее говорящагó начальника на мѣстоименіе — *мнѣ*, которое теперь означаетъ уже меня говорящаго. —

Сіе соединеніе предложеній дѣлается еще на Латинскомъ частицею, *an*, на Россійскомъ, *ли*, а на Франц: яз: *si*, когда рѣчь, которую пересказываютъ, бываетъ вопросительная. напр: естьли бы меня спросили: можете ли вы сіе сдѣлать? pouvez-vous faire cela? пересказывая другимъ скажу такъ: меня спросили, могу ли я сіе сдѣлать? On m'a demandé si je pouvois faire cela? А иногда безъ всякой частицы, перемѣнивъ только одно лице, какъ напр: онъ меня спросилъ: кто вы таковы? Jl m'a demandé: qui êtes-vous? или; il m'a demandé, qui j'etois? Онъ меня спросилъ, кто я таковъ?

Но надобно замѣтить, что Евреи даже и тогда, когда они говорятъ на другомъ языкѣ, (какъ напр: Евангелисты) рѣдко употребляютъ такое соединеніе предложеній; они пересказываютъ рѣчи почти всегда такъ, какъ онѣ поставлены въ подлинникѣ; такимъ образомъ у нихъ ὅτι, *quod*, (которое они иногда ставятъ,) часто ни къ чему не служитъ, и не связываетъ предложеній, какъ то бываетъ у другихъ сочинителей. Вотъ сему примѣръ въ первой главѣ Евангелиста Іоанна: *miserunt Judaei ab Hierosolymis Sacerdotes et Levitas ad Joannem ut interrogarent eum: Tu qui es? et confessus est et non negavit, et confessus est: quia* (ὅτι) *non sum ego Christus. Et interrogaverunt eum: Quid ergo? Elias es tu? Et dixit: non sum. Propheta es tu? Et respondit, non.* — На Славянскомъ сіе мѣсто, кажется, переведено такъ: Егда послаша Жидове отъ Іерусалима Іереи и Левиты, да вопросятъ его: Ты кто еси? И исповѣда, и не отвержеся, и исповѣда, яко несмь азъ Христосъ. И вопросиша его: что убо: Илія ли еси ты? И глагола несмь; Пророкъ ли еси? и отвѣща: ни.

Сей слогъ перешелъ даже къ свѣтскимъ писателямъ, которые безъ сомнѣнія отъ Евреевъ его заняли. И отъ сего-то происходитъ, что ὅτι, какъ мы уже выше въ главѣ 3 замѣтили, часто имѣетъ только одну силу мѣсто-

имения, лишившагося своего употребления связи даже и тогда, когда рѣчь не въ точности пересказывается.

ГЛАВА 17.

О глаголахъ, кои можно назвать прилагательными; о ихъ различныхъ видахъ дѣйствительныхъ, страдательныхъ и среднихъ.

Мы уже сказали, что люди присоединя, во многихъ случаяхъ, нѣкоторое постороннее сказуемое къ подтвержденiю, произвели симъ великое множество глаголовъ, различныхъ отъ существительнаго: сiи глалолы находятся во всѣхъ языкахъ; ихъ можно бы назвать *прилагательными*, дабы показать, что значенiе, приличное каждому, присоединяется къ значенiю, свойственному всѣмъ глаголамъ, т. е. значенiе подтвержденiя. Но вообще ошибаются тѣ, кои думаютъ, что всѣ сiи глаголы означаютъ дѣйствiе, или страданiе: ибо нѣтъ ничего такаго, чего бы глаголъ не могъ имѣть своимъ сказуемымъ, естьли угодно соединять подтвержденiе съ симъ сказуемымъ. Мы видимъ даже, что существительный глаголъ, *sum*, *есмь*, бываетъ часто прилагательнымъ; ибо вмѣсто того, чтобы принимать его какъ глаголъ, просто означающiй

подтвержденіе, присоединяютъ къ нему сказуемое — *бытія*, существа, *l'être*; напр: когда я говорю, *cogito ergo sum*; *sum*, *есть*, означаетъ здѣсь, *sum ens*, я есмь существо, вещь: *existo*, означаетъ также, *sum existens*, я есмь, я существую.

Впрочемъ сіе не препятствуетъ общему раздѣленію глаголовъ, на дѣйствительные, страдательные и средніе.

Дѣйствительными называютъ глаголы означающіе дѣйствіе; дѣйствію противоположено страданіе, напр: *бить*, *быть биту*; *любить*, *быть любиму*; хотя бы сіи дѣйствія ограничивались подлежащимъ (предметомъ), что называютъ существеннымъ дѣйствіемъ, напр: *бить*, *разорвать*, *убить*, *овернуть*, и проч. Хотя бы они ограничивались только намѣреніемъ, (что называютъ вознамѣреннымъ дѣйствіемъ) какъ: *любить*, *знать*, *видѣть*.

Отъ сего произошло, что во многихъ языкахъ, употребляли одно и то же слово, давая ему разныя окончанія, дабы означить и то и другое, называя тотъ глаголъ дѣйствительнымъ, который имѣетъ окончаніе или силу ознаменовывающую дѣйствіе; а тотъ страдательнымъ, который имѣетъ окончаніе, ознаменовывающее страданіе; *amo*, *amor*; *verbero*, *verberor*. Сіе то было въ употребленіи во всѣхъ древнихъ языкахъ: Латинскомъ, Греческомъ и въ дру-

гихъ; но часто, нѣкоторые языки одному и тому же глаголу, даютъ три дѣйствительныхъ, и къ каждому изъ нихъ присовокупляютъ страдательный, и одинъ возвратный, который происходитъ отъ того и отъ другаго, какъ напр: глаголъ, *любиться*, означаетъ дѣйствіе глагола на то же подлежащее глагола. Но общенародные, Европейскіе языки не имѣютъ страдательнаго, но употребляютъ вмѣсто его причастіе, сдѣланное изъ дѣйствительнаго глагола, которое берется въ смыслѣ страдательномъ, съ глаголомъ существительнымъ, *есмь*, sum. Какъ *je suis aimé*, я любимъ; *je suis battu*, etc.

Симъ опредѣлено, что есть глаголъ дѣйствительный и страдательный.

Средніе называемые нѣкоторыми грамматистами, *verba intransitiva*, (глаголы непереходящіе), бываютъ двухъ родовъ:

Одни не означаютъ никакого дѣйствія, но или, *качество*, какъ: *albet*, бѣлѣетъ; viret, зеленѣетъ; friget, зябнетъ; alget, холодѣетъ; tepet, теплѣетъ; calet, воспламеняется и проч. или, нѣкоторое *положеніе*, sedet, сидитъ; stat, стоитъ; jacet, лежитъ и проч. или, нѣкоторое *отношеніе къ мѣсту*, adest, находится, присутствуетъ: abest, не находится и проч. или, какое нибудь другое *состояніе*, *или сказуемое*, какъ: quiescit, покоится; excellit, превосходитъ;

praeest, преимуществуетъ; regnat, царствуетъ и проч.

Другіе средніе глаголы, означаютъ дѣйствія, но не преходятъ на подлежащее, различествующее отъ того, которое дѣйствуетъ; какъ: обѣдать, ужинать, ходить, говорить. —

Однакоже сіи послѣдніе роды среднихъ глаголовъ дѣлаются иногда *переходящими*, когда даютъ имъ подлежащее, какъ, *ambulare viam*; гдѣ, *дорога*, *via*, взята за подлежащее сего дѣйствія. Часто также въ Греческомъ, а иногда и въ Латинскомъ даютъ имъ въ подлежащее имя, составленное изъ глагола; какъ *pugnare pugnam*; *servire servitutem*, *vivere vitam* etc. Странный образъ рѣчи!

Но я думаю, что сіи послѣдніе образцы разговора произошли отъ того, что ими хотѣли означить что нибудь особенное, которое бы не совсѣмъ было заключено въ глаголѣ; напр: когда бы захотѣли сказать, что человѣкъ велъ благополучную жизнь, чтобъ не заключить сего въ словѣ *vivere*; сказалибъ vivere vitam beatam; также *servire duram servitutem*, и тому подобное. И такъ когда говорятъ: *vivere vitam*; то сіе безъ сумнѣнія есть Плеоназмъ, которой произошелъ отъ сихъ образцовъ разговора. Для сего то во всѣхъ новыхъ языкахъ избѣгаютъ сей погрѣшности, и къ глаголу не присоединяютъ того

имени, которое произошло отъ него; не говорятъ напр: *combattre un grand combat*, поразить великую рать, или ратовать съ великою ратію.

Симъ можно рѣшить вопросъ: всякой ли не страдательный глаголъ управляетъ всегда винительнымъ, по крайней мѣрѣ предположительно. Такъ думаютъ нѣкоторые весьма искусные грамматисты; но мы съ ними въ томъ не согласны. Ибо 1. Глаголы, неозначающіе никакого дѣйствія, но только какое нибудь состояніе, какъ *quiescit*, *existit*, или какое нибудь качество, какъ: *albet*, *calet*, не имѣютъ винительнаго, коимъ бы они управлять могли; чтожъ касается до другихъ, то надобно смотрѣть, дѣйствіе, которое они означаютъ, имѣетъ ли подлежащее, или предметъ, различный отъ предмета дѣйствующаго; или все равно, можно ли при глаголѣ сдѣлать вопросъ, *кого? что?* Ибо тогда глаголъ управляетъ подлежащимъ, или предметомъ въ падежѣ винительномъ, естьли не присовокупятся къ тому другія части рѣчи, требующія другаго падежа какова, напр: у насъ отрицательная частица, *не*; *не порть языка.* Здѣсь, не, требуетъ уже падежа родительнаго. Но во многихъ сочиненіяхъ и Рускихъ переводахъ забываютъ сіе правило Ломоносова. Но когда дѣйствіе, означаемое глаголомъ, не имѣетъ подлежащаго или предмета, отъ себя различествующаго, которымъ

бы оно управлять могло, напр: *обѣдать*, prandere; *ужинать*, caenare, и проч. тогда не должно, кажется, почитать что сіи глаголы управляютъ винительнымъ, хотя Грамматисты думали, что тутъ подразумѣвается неопредѣленное глагола, какъ имя, составленное изъ глагола; они хотѣли напр: чтобъ *curro*, означало *curro cursum*, или *curro currere*: однакоже сіе повидимому не совсѣмъ основательно; ибо глаголъ означаетъ все то, что означаетъ неопредѣленное, принятое какъ имя, а наипаче подтвержденіе и означеніе лица и времени, такъ какъ и прилагательное *candidus*, *бѣлый*, означаетъ существительное, сдѣланное изъ прилагательнаго, *candor*, *бѣлизна*.

ГЛАВА 18.

О Глаголахъ Безличныхъ.

Неопредѣленное, истолкованное нами въ предшествующей главѣ, надлежало бы назвать *глаголомъ безличнымъ*; по тому что оно означаетъ подтвержденіе, свойственное глаголу, и означаетъ его неопредѣленно, безъ числа и безъ лица, а сіе то и значитъ собственно быть *безличнымъ*.

Однакоже грамматисты обыкновенно называютъ, *безличными* нѣкоторые недостаточ-

ные глаголы, имѣющіе почти только одно третіе лице.

Сіи глаголы суть двухъ родовъ: одни имѣютъ видъ глаголовъ среднихъ, какъ poenitet, pudet, piget, licet, lubet, и проч: другіе дѣлаются изъ глаголовъ страдательныхъ и удерживаютъ ихъ форму, какъ, statur, curritur, amatur, vivitur, и пр. Но сіи глаголы имѣютъ иногда болѣе лицъ, нежели грамматисты думаютъ, какъ то можно видѣть въ методѣ Лат: яз: *въ примѣчаніяхъ на глаголы.* глав. V. Но здѣсь можно замѣтить то, отъ чего не многіе, можетъ быть, предостерегли себя, и какъ кажется, назвали глаголы сіи *безличными* потому, что заключая въ ихъ значеніи подлежащее, свойственное только третьему лицу не находили надобности изображать сего подлежащаго; ибо оно довольно обозначено самимъ глаголомъ такъ, что одно подлежащее, совокупляетъ подтвержденіе и сказуемое въ одномъ словѣ, какъ *pudet me*; т. е. *pudor tenet* или, *est tenens me. Poenitet me, poena habet me*; libet mihi, libido est mihi. Гдѣ надобно замѣтить, что глаголъ, *est*, не просто поставленъ за существительный, но означаетъ также существованіе; ибо еіе такъ разумѣть можно; *libido existit mihi*, или *est existens mihi*: и даже въ другихъ безличныхъ опредѣляемыхъ, чрезъ *est*; какъ, *licet mihi*, вмѣсто, *licitum*

est mihi. Oportet orare, вмѣсто, *opus est orare*, и проч.

Что касается до безличныхъ страдательныхъ, *statur*, *curritur*, *vivitur* и проч. ихъ также можно изъяснить глаголомъ *est*, или *fit*, или *existit*, и глагольнымъ именемъ, взятымъ отъ нихъ же самихъ; какъ; *statur*, т. е. *statio fit* или *est facta* или *existit*. *Curritur*, *cursus fit*; *concurritur*, *concursus fit*. Vivitur, vita est, или лучше, vita agitur: Si sic vivitur, si vita est talis; естьли жизнь такова. Miserè vivitur, cum medicè vivitur: бѣдная жизнь, когда слишкомъ подчинена правиламъ медицины! И тогда *est* дѣлается существительнымъ, по причинѣ приложенія miserè, которое составляетъ сказуемое предложенія.

Dum servitur libidini, т. е. dum servitus exhibetur libidini, когда дѣлаются рабами страстей своихъ.

Изъ сего заключить можно, что Франц: языкъ собственно говоря не имѣетъ безличныхъ; ибо Франц: говорятъ, *il faut*, *il est permis*, *il me plaît*; сей *il* какъ кажется поставляется здѣсь за мѣстоименіе возносительное, которое всегда удерживаетъ именительный глагола, кой обыкновенно послѣ дѣлается управляющимъ; напр: естьли говорю, il me plaît de faire cela, т. е. *il de faire*, вмѣсто l'action, или le mouvement de faire cela me plaît, или est mon plaisir. И такъ, сіе *il*, которое не многіе поняли,

мнѣ кажется, есть не что другое, какъ родъ мѣстоименія, взятаго вмѣсто, *id*, *cie*, которое стоитъ на мѣстѣ подразумѣваемаго именительнаго, или заключено въ смыслѣ, и его представляетъ, такъ что оно собственно говоря взято отъ Италіанскаго члена *il*, вмѣсто коего Французы употребляютъ *le*; или отъ Латинскаго мѣстоименія, *ille*; откуда Французы берутъ также мѣстоименіе третьяго лица *il*, *il arme*, *il parle*, *il court*, и проч.

Чтожъ касается до безличныхъ страдательныхъ, какъ, *amatur*, *curritur*, что изображаютъ Французы чрезъ *on aime*, любятъ, on court бѣгутъ, то извѣстно, что сіи образы разговора въ франц: яз: еще менѣе могутъ назваться безличными, хотя и неопредѣленны; ибо Г. де Вогеласъ уже замѣтилъ, что сей *on* поставляется у нихъ вмѣсто *homme*, и посему занимаетъ мѣсто именительнаго глагола. О чемъ можно читать въ новомъ Латинскомъ методѣ глав. 5. о глаголахъ безличныхъ.

И еще можно замѣтить, что глаголы, означающіе дѣйствіе природы, какъ, pluit, ningit, grandinat, могутъ быть истолкованы симъ самымъ правиломъ, въ томъ и въ другомъ языкѣ: какъ, *pluit* въ самомъ дѣлѣ есть только одно слово, въ коемъ сокращенно заключается подлежащее, подтвержденіе и сказуемое, вмѣсто

pluvia fit, или *cadit*. *Pluit*, *ningit*, *grandinat* у насъ выражается съ лицемъ или съ именительнымъ, какъ то: *дождь*, *снѣгъ*, *градъ идетъ* и т. п. а когда Франц: говорятъ, *il pleut*, *il neige*, *il grêle* и проч. то *il* полагается у нихъ за именительный, т. е. *pluie*, *neige*, *grêle* и проч. заключая въ себѣ глаголъ существительный *est* или *fait*, какъ будто бы сказано было, *il pluie est*, *il neige se fait*, вмѣсто *id quod dicitur pluvia*, *est*; *id quod vocatur nix fit*, и проч.

Сіе примѣтнѣе въ тѣхъ образцахъ разговора, въ коихъ Французы соединяютъ глаголъ съ *il*, какъ говорятъ, *il fait chaud*, *il est tard*, *il est six heures*, *il est jour*, и проч. Ибо можно было бы сказать по Италіански, *il caldo fà*, но обыкновенно говорятъ просто, *fà caldo*; *oestus*, или *calor est*, или *fit*, или *existit*; к слѣдовательно *il ait chaud*, т. е. *il chaud* (*il caldo*) или *le chaud se fait*, вмѣсто того, чтобы сказать *existit*, *est*; также говорятъ еще, *il se fait tard*, *si fà tarde*, т. е. *il tarde* (le tard ou le soir) *se fait*; или, какъ говорятъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, *il s'en va tard*, вмѣсто *il tarde*, *le tard s'en va venir*, т. е. *la nuit approche*: и такъ же, *il est jour* т. е. *il jour* (ou le jour) *est*. *il est six heures*, т. е. *il temps*, *six heures*, *est*; *le tems*, ou la partie du jour appelée six heures, est; и тому подобныя.

ГЛАВА 19.

О Причастіяхъ. (a)

Причастія суть истинныя имена прилагательныя, и мы бы совсѣмъ здѣсь не стали говорить о нихъ, естьлибъ они не имѣли столь тѣсной связи съ глаголами.

Сія связь состоитъ, какъ мы сказали, въ томъ, что они означаютъ то же самое, что глаголъ кромѣ подтвержденія, которое отъ него отнято, и означенія трехъ различныхъ лицъ, которые слѣдуютъ за подтвержденіемъ. По сему-то причастіе производитъ то же что и глаголъ; какъ *amatus sum* есть тоже что *amor*; и *sum amans*, то же что *amo*: и сей образъ объясняться причастіемъ, обыкновеннѣе въ Греческомъ и Еврейскомъ, нежели въ яз. Латинскомъ, хотя Цицеронъ иногда и употреблялъ оной.

И такъ то, что причастіе удерживаетъ отъ глагола, есть сказуемое, а особенно означеніе времени; ибо есть причастія настоящаго, преходящаго и будущаго времени, а особливо въ яз: Греческомъ; но сіе самое не всегда сохраняется. Одно и тоже причастіе соединяется часто со всѣми родами временъ

(a) Причастіями они, какъ кажется, названы потому, что онѣ участвуютъ, или причаствуютъ въ глаголѣ.

напр: причастіе страдальное, *amatus*, почитающееся у большей части грамматистовъ за прошедшее (время) берется часто за настоящее и будущее, какъ напр: *amatus sum*, *amatus ero*: и напротивъ, изъ настоящаго *amans*, довольно часто дѣлается прошедшее. Apri inter se dimicant, indurantes attritu arborum costas. Плин: т. е. Postquam induravere, и тому подобныя. Смотрите въ Нов: Метод. Лат. примѣчанія о причастіяхъ.

Есть причастія дѣйствительныя, а другія страдательныя: дѣйствительныя въ Латинскомъ оканчиваются на *ans* и *ens* въ Русской націи. *Amans*, *docens*; страдательныя на *us*, *amatus*; *doctus*, хотя и находятся нѣкоторыя изъ сихъ дѣйствительныя, а имянно причастія глаголовъ отложительныхъ, каковы: *locutus*. Но есть еще изъ нихъ и такія, кои также присоединяютъ къ страдательному значенію; напр: *что сіе должно быть, надобно чтобы сіе было*; que cela doit être, qu'il faut que cela soit; кои суть причастія на *dus*, *amandus*; qui doit être aimé: хотя иногда сіе послѣднее значеніе почти совсѣмъ теряется.

Особенное свойство причастія глаголовъ дѣйствительныхъ есть то, что оно означаетъ дѣйствіе глагола, каково оно есть въ глаголѣ, т. е. въ теченіи самаго дѣйствія; вмѣсто того глагольныя имяна, кои также означаютъ

дѣйствія, означаютъ ихъ болѣе въ употребленіи, нежели въ дѣйствіи. Отъ сего происходитъ, что причастія имѣютъ тоже управленіе, каковое и глаголы, *amans Deum*, *любящій Бога*, в. п. глагольныя же имяна, управляютъ только имянами, *amator Dei.* И самое причастіе входитъ въ сіе послѣднее управленіе имянъ, когда оно означаетъ болѣе употребленіе, нежели дѣйствіе глагола, потому что тогда оно имѣетъ видъ простаго глагольнаго имени, какъ, *amans virtutis*; а у насъ говорятъ *любящій добродѣтель* въ в. падежѣ.

ГЛАВА 20.

О Герундіяхъ и Сулинахъ.

Мы видѣли, что когда отнимается подтверждение отъ глаголовъ, то дѣлаются причастія дѣйствительныя и страдательныя, кои суть имяна прилагательныя, и удерживаютъ управленіе глагола, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительномъ. —

Но изъ причастія въ Лат: яз: дѣлается два именъ существительныхъ, одно на *dum*, называемое *Герундіею*, которая имѣетъ различные падежи, *dum*, *di*, *do*, *amandum*, *amandi*, *amando*; но она имѣетъ одинъ только родъ, и одно число; чѣмъ различествуетъ отъ причастія, на *dus*, *amandus*, *amanda*, *amandum*: а другое кончится на *um*, и называется *сулиною*, которая

также имѣетъ два окончанія, падежа, *um*, *u*, *amatum*, *amatu*, и не имѣетъ ни какого различія ни въ родѣ, ни въ числѣ, чѣмъ различается отъ причастія, кончащагося на *tus*, *amatus*, *amata*, *amatum*.

Извѣстно, что грамматики весьма затрудняются въ истолкованіи свойства Герундіи, и самые искусные почитали ее за страдательное прилагательное, имѣющее существительнымъ неопредѣленное глагола, и такъ они думаютъ, что напр: сіе выраженіе: *tempus est legendi libros* или *librorum* (ибо и такъ и иначе говорится) содержитъ въ себѣ слѣдующій смыслъ: tempus est legendi, τȣ̃ legere, libros vel librorum, какъ будто бы тутъ подразумѣвается двѣ рѣчи; т. е. tempus legendi, τȣ̃ legere, что состоитъ изъ прилагательнаго и существительнаго, какъ будтобы было сказано, *legendae lectionis*; и legere libros, которое сдѣлано изъ глагольнаго имени и управляетъ падежемъ своего глагола, или кое, какъ существительное, управляетъ родительнымъ, когда говорятъ *librorum*, вмѣсто *libros*. Но разсмотрѣвъ все, кажется, что сей оборотъ былъ нуженъ.

Ибо 1. Какъ они говорятъ о *legere*, что оно есть имя глагольное существительное, которое, будучи таковымъ можетъ управлять, или родительнымъ, или даже винительнымъ, такъ какъ древніе говорили, curatio hanc rem: Quid

tibi hanc tactio est? Плавт. тоже можно сказать о *Legendum*, что оно есть имя глагольное существительное, точно также какъ legere, а посему самому оно можетъ дѣлать все то, что они приписываютъ *legere*.

2. Совсѣмъ не основательно утверждаютъ, что то слово, которое никогда не бываетъ выражаемо, подразумѣвается, и что его нельзя даже выразить не показывая нелѣпости: однакожъ никогда не видывали неопредѣленное присоединеннымъ къ своей Герундіи, и когда бы сказали, *legendum est legere*, то бы сіе показалось очевидною нелѣпостію: слѣд. и проч.

3. Естьли бы Герундія *legendum* была прилагательное страдательное, то она не была бы различна отъ причастія *legendus*. Для чего же древніе, совершенно знающіе свой языкъ, отличили Герундію отъ причастій?

И такъ мы думаемъ, что Герундія есть имя существительное, всегда дѣйствительное, и различествуетъ отъ неопредѣленнаго, принимаемаго за имя только тѣмъ, что она присоединяетъ къ значенію дѣйствія глагола, другое значеніе нужды или долга, какъ будто бы кто сказалъ, *дѣйствіе, которое должно выполнить*, l'action qui se doit faire. Сіе-то самое кажется, хотѣли означить симъ словомъ, *Герундія* взятымъ отъ *gerere*, дѣлать. Отъ чего происходитъ, что *pugnandum est*, есть тоже, что

pugnare oportet; но нашЪ и Франц: языки, не имѣющіе сей Герундіи, выражаютЪ ее неопредѣленнымЪ и словомЪ, означающимЪ должность, *должно сражаться*, *il faut combattre*.

Но какЪ слова не сохраняютЪ всегда той силы, для коей онѣ изобрѣтены, то сія Герундія на *dum* часто не означаетЪ *должно*, *oportet*, а означаетЪ только дѣйствіе глагола. *Quis talia fando temperet à lacbrymis*? т. е. *in fando* или *in fari talia*.

Что касается до супины, то мы согласны сЪ тѣми грамматистами, кои говорятЪ, что она есть имя существительное страдательное, но Герундія, по нашему мнѣнію, есть всегда дѣйствительное. Все, что было здѣсь сказано, можно видѣть вЪ новомЪ Методѣ Латинскаго языка.

ГЛАВА 21.

О вспомогательныхЪ глаголахЪ.

Прежде, нежели кончимЪ о глаголахЪ, нужно кажется сказать нѣчто о глаголахЪ вспомогательныхЪ, свойственныхЪ всѣмЪ нынѣшнимЪ языкамЪ ЕвропейскимЪ. Относительно языка Россійскаго довольно было бы одного примѣчанія о сихЪ глаголахЪ; ибо у насЪ вЪ составленіи оныхЪ почти никакой не находится трудно-

сти. Но такъ какъ во многихъ языкахъ сіи вспомогательные участвуютъ почти во всѣхъ временахъ и во всѣхъ глаголахъ, то какъ во всеобщей грамматикѣ и должно говорить о нихъ гораздо обширнѣе. —

Сіи введенные въ употребленіе глаголы называютъ *вспомогательными*, потому что они помогаютъ другимъ въ образованіи различныхъ временъ, съ прошедшимъ причастіемъ каждаго глагола. Вспомогательныхъ глаголовъ находится два, кои общи всѣмъ почти языкамъ: *быть*, être, ſein, esse; и *имѣть*, avoir, haben, avere. Нашъ языкъ имѣетъ только одинъ вспомогательный глаголъ, *быть*. Ибо глаголъ, *стану* употребляется вмѣсто, *буду*. Но нѣкоторые языки имѣютъ еще и другіе, какъ напр: въ Нѣмец: яз: werden или wollen, коихъ настоящее будучи присоединено къ неопредѣленному всякаго глагола, дѣлаетъ будущее. Мы скажемъ нѣчто только о двухъ вспомогательныхъ глаголахъ: *быть*, être, ſeyn, esse; и *avoir*, haben, avere, *имѣть*. Сей послѣдній у насъ не почитается за вспомогательный.

Etre.

Сей глаголъ, какъ мы уже сказали, образуетъ всѣ страдательные съ причастіемъ дѣйствительнаго глагола, и тогда берется страдательно, напр: *je suis aimé*, *j'etois aimé*, и проч.

чему очень легко дать причину; ибо мы уже сказали, что всѣ глаголы, кромѣ существительнаго означают подтвержденіе съ нѣкоторымъ подтверждаемымъ сказуемымъ. Изъ чего слѣдуетъ, что страдательный глаголъ, напр: *amor*, означаетъ подтвержденіе страдательной любви. И слѣдовательно *aimé*, означая сію страдательную любовь, съ присоединеніемъ извѣстнаго существительнаго глагола, означающаго утвержденіе, *je suis aimé*, *vous êtes aimé* долженствуетъ означать тоже самое, какъ въ Латине: *amor*, *amaris*; да и самые Латинники также употребляютъ глаголъ, *sum*, какъ глаголъ вспомогательный во всѣхъ прошедшихъ страдательныхъ и во всѣхъ тѣхъ временахъ, кои отъ прошедшаго зависятъ, какъ напр: *amatus sum*, *amatus eram* и проч.

Впрочемъ сей глаголъ *être* часто бываетъ вспомогательнымъ для другихъ почти совсѣмъ неправильнымъ образомъ; о чемъ мы скажемъ объяснивши глаголъ *avoir*.

Avoir.

Другой вспомогательный глаголъ, *avoir*. Онъ гораздо еще страннѣе, и довольно труденъ для объясненія.

Мы уже сказали, что всѣ глаголы, во всѣхъ нынѣшнихъ языкахъ имѣютъ два прошедшія, одно несовершенное, которое называется *aoriste* (прошедше простое), а другое совершенное

Первое въ Фр. яз: дѣлается такъ какъ и у насъ изъ неопредѣл: напр: j'aimai, je sentis, je vis; я любилъ, чувствовалъ, видѣлъ т. е. *er* перемѣняется на *ar*; а *ть* на *лъ*, и проч.

Другое дѣлается изъ причастія прошедшаго, aimé, senti, vû, и глагола *avoir*, напр: j'ai aimé, j'ai senti, j'ai vû, *полюбилъ*, *почувствовалъ*, *увидѣлъ*.

Но не только сіе прошедшее, да и всѣ прочія времена, кои на Латинскомъ произходятъ отъ прошедшаго, какъ напр: отъ *amavi*, amaveram, amaverim, amavissem, amavero, amavisse; j'ai aimé, j'avois aimé, j'aurois aimé, j'eusse aimé, j'aurai aimé, avoir aimé.

Самой же глаголъ *avoir*, такъ какъ вспомогательный всѣ времена свои производитъ отъ самаго себя, даже и самое причастіе *eu* напр: *j'ai eu*, *j'avois eu*, *j'eusse eu*, *j'aurois eu*. Но прошедшее *j'avois eu*, и будущее *j'aurois eu* не бываютъ вспомогательными другихъ глаголовъ; ибо говорятъ: si-tôt que j'ai eu diné, quand j'eusse eu, или j'aurois eu diné; но не говорятъ, j'avois eu diné, ниже j'aurai eu diné, но только j'avois diné, j'aurai diné и проч.

Даже глаголъ *être*, сіи самыя времена производитъ отъ *avoir*, и отъ своего причастія eté; j'ai eté, j'avois eté и проч.

Въ чемъ яз. франц. различествуетъ отъ другихъ, какъ то, Нѣмецкаго, Италіан. и Испан-

екаго, въ коихъ глаголъ *être* въ сихъ временахъ бываетъ самъ себѣ вспомогателнымъ; ибо они говорятъ sono stato, je suis eté: чему подражаютъ и Валонцы, кои худо говорятъ по Французски.

Но, какимъ образомъ времена глагола *avoir*, служатъ къ образованію другихъ временъ въ прочихъ глаголахъ, сіе покажемъ въ слѣдующей таблицѣ: —

Времена глагола *avoir*. Avoir, ayant, eu.		Времена, кои они образуютъ въ другихъ глаголахъ будучи вспомогательными.	
Настоящее.	j'ai j'aie	прошед: совершенное.	1. j'ai diné. 2. Quoique j'aie diné.
Несовершенное.	j'avois j'eusse j'aurois		1. j'avois diné. 2. si j'eusse diné. 3. quand j'aurois diné. 4. quand j'eus diné, несовершенное (indefini).
Прошед: простое время.	j'eus		
Прошед. совершенное, простое.	j'ai eu	Давно прошедшее	5. quand j'ai eu diné, совершенное (défini) 6. quand j'eusse, или j'aurois eu diné, условное (conditionnel).
Прошедшее условное.	j'eusse eu j'aurois eu		
Будущее.	j'aurai	будущее прошедшее, сослагател.	quand j'aurai diné.

неопред. настоящ.	avoir	неопредѣл. прошед.	après avoir dîné,
причастіе настоящ.	ayant	причастіе прошед.	ayant dîné.

Но естьли сей образецъ рѣчи, общій всѣмъ обыкновеннымъ языкамъ, повидимому произшедшій отъ Нѣмцовъ, довольно кажется самъ по себѣ страненъ; то также не менѣе страненъ онъ и въ сочиненіи съ именами, присоединяющимися къ тѣмъ прошедшимъ, кои составляются изъ сихъ вспомогательныхъ глаголовъ и причастія.

Ибо 1) именительный глагола ни какой не производитъ перемѣны въ причастіи, а посему весьма правильно поставляютъ его во множественномъ также какъ и единственномъ, и въ мужескомъ также какъ и въ женскомъ напр: il a aimé, ils ont aimé, elle a aimé, elles ont aimées. А у насъ именительный един. и множест: и роды, измѣняютъ причастіе напр: переведемъ вышшіе Франц: примѣры. Онъ любимъ, они, онѣ любимы, она любима, оно любимо, и проч. —

2) Винительный, коимъ управляетъ сіе прошедшее не дѣлаетъ также ни малой перемѣны въ причастіи, когда онъ за нимъ слѣдуетъ. - И для сего должно говорить: онъ любилъ, или любящій

Бога, il a aimé Dieu; онъ любилъ церьковь, книги, науки, il a aimé l'eglise, il a aimé les livres, il a aimé les sciences, а не il a aimée l' eglise, или aimés les livres, или aimés les sciences.

3) Но когда сей винительный стоитъ напереди вспомогательнаго глагола, что почти только случается въ прозѣ при винительномъ возносительнаго, или мѣстоименія), или даже когда онъ стоитъ послѣ вспомогательнаго глагола, но прежде причастія, (что почти только случается въ стихахъ); тогда причастіе должно согласоваться въ родѣ и въ числѣ съ симъ винительнымъ. Такъ напр: надлежитъ говорить: *письмо, мною посланное*; *книги, мною читанныя*; *науки, мною изученныя*; *люди, мною любимые*: *la lettre que j'ai ecrite*, *les livres que j'ai lûs*, *les sciences que j'ai apprises*; ибо *que*, въ первомъ примѣрѣ поставлено вмѣсто la quelle, во второмъ вмѣсто lesquels, а въ третьемъ вмѣсто les quelles. Также: j'ai ecrit la lettre, et je l'ai envoyée, и проч: j'ai acheté des livres, et je les ai lûs. Говорятъ также въ стихахъ: Dieu dont nul de nos maux n'a les graces bornées; а не *borné*, потому что винительный, *graces* стоитъ напереди причастія, хотя оно и слѣдуетъ за глаголомъ вспомогательнымъ.

При всемъ томъ, по свидѣтельству Г-на де-Вогеласа, правило сіе не безъ изключенія,

т. е., что причастіе, когда оно стоитъ напереди именительнаго, остается несклоняемымъ, хотя бы оно находилось послѣ глагола вспомогательнаго и своего винительнаго. Какъ напр: la peine, que m'a donné cette affaire, les soins que m'a donné ce procès, и сему подобное. Сверхъ сего о семъ должно смотрѣть примѣч: Портъ-Рояля въ 22 гл:

ГЛАВА 22.

О Союзахъ и Междометіяхъ.

Еще не говорили мы о словахъ, также означающихъ образъ, но не предметъ нашихъ мыслей. Сіи слова называются *Союзами*; потому что онѣ связываютъ въ рѣчи предложенія. Союзы во всѣхъ язы: бываютъ различны и означаютъ различныя отношенія. напр: *quia*, *enim*, *quoniam*, ибо, поелику, потому что; *ut*, *sicut*, *quemadmodum*, какъ, такъ, такимъ образомъ; *e'si*, *quamquam*, хотя, пусть; *si*, *nisi*, ежели, развѣ; *at*, *sed*, *verum*, но, же; *ut*, *ita*, такъ, что; *qvum*, *postquam*, когда, какъ только; *qui*, *qualis*, *talis*, *it*, *quo*, *eo*, кто, чѣмъ болѣе и проч: *et*, *neque*, *non solum*, *sed etiam*, и, не только, но и; aut, vel, или, развѣ; *primum*, *tum*, *deinde*, *postea*, *denique*, *во первыхъ*, *потомъ*, *послѣ*, *наконецъ*, и имъ отвѣтствовательныя, и многіе другіе, кои здѣсь неозначены.

Сіи части рѣчи съ другими входя въ предложенія и связывая ихъ между собою, образуютъ различныя смыслы или рѣчи, называемыя, *періодами*, кои отъ сихъ самыхъ союзовъ получаютъ различныя наименованія. Какъ-то: Причинный или виносл овный, уподобительный или сравнительный, противоположенный, уступительный, условный, изъяснительный, послѣдовательный, относительный, раздѣлительный, соединительный, постепенный (*) и проч.

Для показанія различныхъ видовъ и отношеній, каковыя союзы имѣютъ въ рѣчахъ нашихъ, я приведу на всѣ сіи періоды примѣры только на Россійск. языкѣ; ибо обороты сего рода во всѣхъ яз: одинаковы. Періоды: —

Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно; я въ томъ увѣренъ: рука, сѣкущая мечемъ утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли и громы умолкнутъ. *Ибо* въ угодность вкуса опущено. Виносл овный.

Какъ твердая и крѣмнистая скала, подъемля главу свою изъ водъ Океана, стоитъ незыблемо среди волненія: *такъ* истинный Герой презираетъ всѣ угрозы, укрощаетъ страсти и бываетъ неколебимъ въ своихъ предпріятіяхъ. или, Уподобительный.

Какъ въ море льются быстры воды:
Такъ въ вѣчность льются дни и годы. Сравнительный.

(*) *Periodus causalis, comparativa, adversativa, concessiva, conditionalis, explanativa, consecutiva, relativa, disjunctiva, copulativa, ordinatia et caet.*

Противоположительный. Переходъ отъ нещастія къ щастію легокъ и пріятенъ; *но* стезя отъ великолѣпія и роскоши, къ послѣдней степени убожества крута и мучительна.

Уступительный, или позволительный. *Хотя* не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, ненадѣюсь сказать тебѣ ничего новаго: *но* любовь имѣетъ особливую силу, и всякой даръ любви, и всякое слово дружбы производитъ благое дѣйствіе. Здѣсь *но*, употреблено вмѣсто, *однако*. *Или*.

Хотябъ кто Богомъ былъ бы злобнымъ:
Быть не хочу ему подобнымъ. Держ.

Условный. *Естьли* сердце мое превратится въ камень; естьли огнь чувства угаснетъ въ груди моей; естьли забывъ святую истинну паду ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденіи: *тогда* вы (т. е. безчувственные) будете друзьями моими; тогда перо мое посвятится вашему удовольствію; теперь мы чужды другъ друга, и горесть моя не можетъ васъ тронуть. Карамзинъ.

Изъяснительный. Уста истиннаго витіи, есть органъ премудрости, вѣщающій къ смертнымъ; *такъ*, *что* каждое слово, излетающее изъ устъ его, есть острѣйшая стрѣла, проницающая самое нечувствительное сердце.

Сколько времени я не могу ни о чемъ думать, не могу ничего дѣлать, ничѣмъ зани-

маться: *столько* я занятъ дѣлами друзей и всѣмъ тѣмъ, что мило для моего сердца.

Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей; когда желаніе видѣть природу въ великолѣпномъ ея разнообразіи — видѣть тѣхъ великихъ мужей, коихъ творенія сильно дѣйствовали на мои чувствія, превратилось въ совершенную страсть; когда удовлетворяя сему желанію, рѣшился я оставить на время отечество и друзей моихъ: *тогда* онъ (другъ) пожертвовалъ на минуту своею твердостію, и слезы покатились изъ глазъ его. Послѣдовательный.

Тобой Религія святая!
Кто искренно одушевленъ:
Тотъ смерть безъ страха ожидая,
Всегда спокоенъ и блаженъ.
Въ тебѣ вседневно утверждаюсь,
Не риторствомъ жрецовъ плѣняюсь:
Но истиннымъ твоимъ добромъ. Или,

Относительный.

Соединительный.

Нетолько милліоны погибаютъ; нетолько города и села горятъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны въ горестныя пустыни превращаются: *но* сего не довольно; я предвижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Вы доведены до постыдной и сожалѣнія достойной крайности, *или* должны оставить мятежъ безъ наказанія и дать ему усилиться; Раздѣлительный.

или безжалостно умерщвлять народъ, приведенной Вами въ отчаяніе, отнимая у него налогами для несправедливой войны хлѣбъ, собираемый имъ въ потѣ лица своего. Такъ говорилъ нѣкогда Фенелонъ Лудовику XIV.

Постепенный.

Сперва мы страшимся даже худыхъ наклонностей, какъ злоковарныхъ враговъ, и стараемся убѣгать ихъ, какъ ненавистниковъ нашего щастія; *но вскорѣ* по какому-то пріятному и глупому ослѣпленію, мы не винимъ худыхъ своихъ поступковъ, и съ удовольствіемъ предаемся влеченію порока; сей сладкій и вмѣстѣ пагубный ядъ дѣйствуя надъ нашимъ сердцемъ, *мало по малу* отравляетъ всѣ удовольствія, тирански владычествуетъ надъ нами, *и наконецъ* доводитъ насъ до послѣдней степени отчаянія и преждевременной смерти! (*)

(*) Боясь увеличить сію книгу, я не предписываю правилъ для составленія періодовъ. Сіи правила можно извлечь изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ. Кто же не захочетъ принять сего труда; тотъ пусть прочитаетъ ихъ въ Риторикѣ Рижскаго и другихъ. Впрочемъ всѣ наставленія въ сей части суть безполезныя издержки; тоже самое можно сказать и о правилахъ, относящихся къ членамъ періода. Извѣстно, что періоды не будутъ имѣть прочности, есть ли слишкомъ коротки; не будутъ имѣть движенія и силы, есть ли весьма растянуты. Надобно, чтобъ паденіе каждаго члена сопровождалося какою нибудь пріятностію, а паденіе послѣдняго наиболѣе должно имѣть оной. Наконецъ, посторонніи предложенія и мысли

Изъ всѣхъ сихъ періодовъ видно, что сущность союзовъ состоитъ въ томъ, что они соединяютъ два, или многія между собою предложенія и дѣлаютъ рѣчь нашу *періодическою*, или *текущею*. Періодической слогъ имѣетъ слѣдующія преимущества предъ отрывистымъ: 1) Онъ имѣетъ болѣе согласія (гармоніи) 2) и держитъ разумъ въ ожиданіи. Когда періодъ начинается, нашъ разумъ предается вниманію и принужденъ бываетъ слѣдовать до самаго окончанія. Ожиданіе весьма пріятно для души каждаго; оно доставляетъ пищу для вниманія и не даетъ времени ослабѣвать оному. И въ семъ-то слогѣ союзы наиболѣе употребительны. Логическіе Силлогизмы также великую нужду имѣютъ въ союзахъ. Софистъ не можетъ ступить безъ оныхъ. На противъ того Ораторъ можетъ безъ нихъ говорить сильно: напр:

ЕКАТЕРИНА на тронѣ!!! уже на безсмертномъ мраморѣ Исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи; удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе .... Красота въ образѣ величественной Паллады!...Вокругъ блестящіе ряды героевъ; пламя усердія въ груди ихъ! предъ Нею священный ужасъ и Геній Россіи! ... Опираясь на мужество, Богиня ше-

---

не должно вставливать безъ нужды; но чтобъ каждой періодъ, каждое предложеніе и мысль слѣдовали другъ за другомъ самымъ естественнымъ порядкомъ.

ствуетъ. Слава гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый! *Карамз:*

По сему - то такая рѣчь не называется періодическою или текущею, но отрывистою. Отрывистый слогъ имѣетъ болѣе живости; они оба попеременно употребляются, собразуясь съ матеріею рѣчи. Разнообразіе, во всѣхъ вещахъ нужное, бываетъ для рѣчей еще болѣе необходимо.

Кажется, не нужно болѣе распространяться о союзахъ. — Цѣль и нужда, для которой они изобрѣтены, уже показана. Но къ стати въ сей главѣ сдѣлаемъ примѣчаніе о *законахъ препинанія*, употребляемыхъ во всѣхъ языкахъ. Ибо они не обходимо нужны для остановокъ, для раздѣленія подлежащихъ, предложеній, изъ нихъ составляющихся періодовъ и проч.

Сихъ знаковъ, во всѣхъ намъ извѣстныхъ языкахъ главныхъ считается семь: запятая, (,) точка съ запятою (;) двоеточіе, (:) точка, (.) знакъ вопросительный, (?) удивительный (!) и амѣстительный ( ).

Всѣ сіи знаки мы постараемся вмѣстить въ одномъ примѣрѣ. — Вотъ онъ:

„Ахъ! вотъ и три бьетъ! О желанная минута, которой ждала я съ радостію невѣсты, или лучше сказать, съ трепетомъ преступника, помышляющаго о скоромъ рѣшеніи судьбы, своей погибели! Отъ чего бы это было, что

орлиныя крылья времени перемѣнили полетъ свой, и едва, едва передвигаются? Мнѣ кажется, что каждая минута, каждая секунда медлитъ, останавливается. (Какъ бы въ забвеніи).-О! не старѣйся такъ скоро любезный міръ; не превращай своего быстраго, юношескаго теченія въ тихую походку дряхлаго, столѣтняго старика! или нѣтъ у тебя уже силъ? Такъ займи у меня скорости. Боже мой! уже двѣ минуты! двѣ съ половиною! три! Такъ, повелитель заставляетъ дожидаться себя, не сдѣлавшись еще и женихомъ.,, Такъ говорила нѣкогда добродѣтельная и нетерпѣливая Біанка.

Правила знаковъ препинанія находятся въ частныхъ грамматикахъ. Здѣсь не мѣсто приводить оныя. Сверьхъ сего онѣ не во всѣхъ языкахъ одинаковы. напр: предъ мѣстоименіемъ *который*, предъ *что*, предъ *причастіемъ* и проч у насъ всегда поставляется запятая; но у Французовъ никогда оной тутъ не ставятъ; впрочемъ сіе почти есть единственное изключеніе.

Относительно сей главы довольно много и хорошо говорено въ новоизданной Россійской грамматикѣ, Главнымъ Правленіемъ училищъ.

О Междометіяхъ.

Теперь мы дошли до послѣдней части рѣчи, которая по своему началу, должна быть пер-

вою, т. е. до *междометія*. Оно одолжено своимъ произхожденіемъ болѣе природѣ, нежели искуству. Первой голосъ человѣка, вышедшаго на свѣтъ, первое движеніе души его было *междометіе*. Каковы: *ай*, *увы*, *о*, *ахъ*, *а*, и прочія восклицанія, производимыя въ насъ различными страстями, а посему-то сіи частицы всегда стоятъ съ восклицаніемъ (!). —

ГЛАВА 23.

О Синтаксисѣ, или Словосочиненіи.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ о *Синтаксисѣ*, или *Словосочиненіи*.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ различныхъ языкахъ находятся различныя обороты въ выраженіяхъ, особенное словорасположеніе, особенныя отношенія подлежащихъ къ ихъ глаголамъ, сказуемымъ; находятся безконечныя оттѣнки понятій, такъ что одна и таже мысль въ различныхъ языкахъ, различнымъ образомъ изображается, и значеніе словъ одного языка совсѣмъ не можетъ иногда соотвѣтствовать значеніямъ словъ языка другаго. Мы сіе можемъ повѣрить опытнымъ изученіемъ особыхъ языковъ.

И такъ всеобщая Грамматика не можетъ и не должна разсуждать о всѣхъ особенныхъ правилахъ словосочиненія. — Довольно, естьли

оная дастъ объ нихъ нѣкоторыя понятія. Слѣдуя предположеннымъ началамъ, мы предпишемъ только *общее*.

Словосочиненіе раздѣляется вообще на два рода: Словосочиненіе *сходственности*, т. е. какъ слова должны между собою согласоваться; и словосочиненіе *управленія*, когда одно изъ двухъ словъ производитъ перемѣну въ другомъ.

Первое, большею частію одинаково во всѣхъ языкахъ; потому что естественное соглашеніе словъ вездѣ слѣдуетъ природѣ, непремѣнной въ своихъ правилахъ.

Такимъ образомъ различіе родовъ и чиселъ требуетъ, чтобы мы существительное съ прилагательнымъ всегда согласовали въ *числѣ*, *родѣ*; т. е., когда существительное положено въ единственномъ, или множественномъ числѣ; то и прилагательное въ томъ же положить должно. Когда прилагательное съ существительнымъ соглашается въ *родѣ*, то должно разумѣть также и родъ *средній*, естьли онъ только въ какихъ языкахъ находится. напр: *homo doctus*, ученый человѣкъ; *mulier docta*, *ученая женщина*; *arma docta*, *ученое оружіе*, *homines docti*, ученые люди; *mulieres doctae*, ученыя женщины и проч.

Глаголы также должно согласовать съ именами и мѣстоименіями въ числахъ, а въ нѣкоторыхъ языкахъ въ лицахъ и родахъ. —

Впрочемъ, естьли гдѣ случается видѣть противное симъ правиламъ; то сіе бываетъ въ фигурахъ, т. е. когда подразумѣвается какое нибудь слово, или когда мысли наши о какомъ либо предметѣ бываютъ обширнѣе самыхъ словъ; о чемъ скажемъ ниже.

Напротивъ того, словосочиненіе *управленія* почти совершенно бываетъ произвольно, а посему-то весьма затруднительно во всѣхъ языкахъ; ибо въ нѣкоторыхъ языкахъ управляютъ падежи, въ другихъ вмѣсто падежей частицы, означающія только нѣкоторыя изъ сихъ падежей; какъ напр: во Франц. Испанскомъ, находятся только, *de* и *à*, изъ коихъ первая, означаетъ родительный, а вторая дательный. Другіе же падежи не имѣютъ частицъ, но только простой членъ, которой также не всегда при нихъ бываетъ.

Впрочемъ не худо замѣтить здѣсь нѣкоторыя весьма общія правила, входящія во всѣ языки. 1) Никогда недолжно поставлять именительнаго, не относя его къ какому либо выраженному, или подразумѣваемому глаголу; потому что мы говоря не только означаемъ то, что понимаемъ, но изражаемъ и то, что думаемъ о понятомъ нами; а сіе самое означается глаголомъ

2) Не должно также поставлять и глагола безъ своего существительнаго, или выраженнаго или только подразумѣваемаго; ибо такъ какъ сущность глагола состоитъ въ утвержденіи, то нужно, чтобы находилась и утверждаемая имъ вещь, или то, что составляетъ подлежащее, или именительный падежъ глагола, которой часто послѣ неопредѣленнаго стоитъ въ винительномъ. напр: *scio Petrum esse doctum.*

3) Всякое прилагательное непремѣнно должно относиться къ существительному, по тому что прилагательное означаетъ смѣшанно существительное, которое бываетъ подлежащимъ формы, означаемой раздѣльно прилагательнымъ: *doctus*, *ученый*, имѣетъ отношеніе къ какому нибудь подлежащему.

4) Родительный падежъ въ рѣчи непремѣнно долженъ быть управляемъ другимъ именемъ; потому что сей падежъ означая какъ бы владѣтеля, или отца предмета или вещи, долженъ самъ быть управляемъ владѣемымъ или отъ него произшедшимъ. По сему-то ни въ Греческомъ ни въ Латинскомъ яз: нѣтъ ни одного глагола, собственно управляющаго родительнымъ падежемъ, какъ сіе можно видѣть въ новомъ методѣ сихъ языковъ. Сіе правило съ великимъ трудомъ можетъ быть приспособлено къ нынѣшнимъ языкамъ; потому что напр: во Франц:

частица, *de*, означающая родительной падежъ, часто полагается вмѣсто, предлога, *ex*, *изъ*. Да и нашъ языкъ имѣетъ здѣсь не большое затрудненіе. Ибо у насъ говорится: *вѣнецъ изъ золота*, а не *вѣнецъ золота*. и проч:

5) Чтобы глаголы управляли сообразуясь съ различными отношеніями именъ слѣдуя различному употребленію языковъ.

Такимъ образомъ Латинцы говорятъ: *juvare aliquem*, и *opitulari alicui*, (помогать, способствовать кому) въ различныхъ падежахъ, хотя оба сіи глаголы означаютъ вспоможеніе. Ибо они смотрятъ всегда на управленіе перваго глагола, какъ на слово, въ коемъ происходитъ его дѣйствіе, а на управленіе втораго, какъ на падежъ присвоенія, къ коему дѣйствіе глагола относится. —

Такимъ образомъ Французы говорятъ: *servir quelq'un*, et *servir à quelque chose*. И у насъ говорятъ: *служить кому*, *служить для чего*, или *къ чему*. Между тѣмъ замѣтить должно, что глаголы дѣйствительные въ нашемъ языкѣ по большой части требуютъ падежа винительнаго; въ Ишпанскомъ же большая часть оныхъ безъ разбора управляютъ, то дательнымъ, то винительнымъ.

Но часто одинъ и тотъ же глаголъ можетъ принимать различныя управленія, особливо когда къ глаголамъ присовокупляются

предлоги; напр: *praestare alicui*, или *aliquem*, *превосходить кого*, *имѣть преимущество предъ кѣмъ*. Также говорятъ: *eripere cui aliquem*, и *eripere quem alicui* напр:

Eripuit coelum fulmen sceptrumque Tyrannis.
Исторгъ у неба громъ и скипетръ у тиранна.
или, *eripere morti aliquem*, или *mortem alicui* или *aliquem à morte*, и сему под: —

Иногда даже сіи различныя управленія перемѣняютъ и самой смыслъ выраженія. напр: въ Латинскомъ, *cavere alicui* предостерегать кого; *cavere quem*, бояться кого; *caveo à te*, опасаюся тебя. Изъ сего видно, что въ подобныхъ случаяхъ должно совѣтоваться съ употребленіемъ всякаго языка.

О фигурахъ Словосочиненія.

Что выше сказали мы о Словосочиненіи, какъ кажется, можетъ быть достаточно для естественнаго порядка словъ; т. е. когда всѣ части нашего разговора изражаются такъ, что нѣтъ въ нихъ ни одного слова ни опущеннаго, ни излишняго, и когда всѣ онѣ сообразны съ естественнымъ выраженіемъ нашихъ мыслей.

Но не рѣдко случается, что люди слѣдуя болѣе своимъ мыслямъ, нежели словамъ, употребляютъ, то для выраженія мыслей, то для сокращенія, то для красоты и въ угодность

вкуса, слова, кажущіяся излишними; или часто опускаютЪ, слова нужныя для грамматическаго смысла, а иногда совсѣмЪ переиначиваютЪ естественное теченіе рѣчи.

Отсюда произошли четыре образца рѣчи, *фигурами* названные; они, не смотря на то, что дѣлаютЪ иногда языкЪ совершеннѣйшимЪ, сильнѣйшимЪ и красивѣйшимЪ неправильны бываютЪ вЪ грамматикахЪ.

ТотЪ образецЪ рѣчи, которой наиболѣе согласуется сЪ нашими мыслями, нежели словами, называется *Syllepse*, напр: *il est six beures*, вмѣсто *il est la sixieme beure.* Ибо судя по словамЪ, должно бы сказать, *elles sont six beures.* Сіе происходитЪ отЪ того, что симЪ не думаютЪ означить опредѣленнаго времени, т. е. шесть часовЪ; по сему мысль, на сіе устремленная, ни мало не смотря на слова, принуждаетЪ лучше сказать, *il est six beures*, нежели, *elles sont six beures*, т. е. шестой часЪ, а не шесть часовЪ.

Сія фигура заставляетЪ иногда погрѣшать противЪ родовЪ, какЪ: *ubi est scelus qui me perdidit?* противЪ числЪ, напр: *turba ruunt*; противЪ сихЪ обоихЪ вмѣстѣ, какЪ, *pars mersi tenuere ratem*, и симЪ под.

Фигура, выбрасывающая вЪ угодность вкуса слова, нужныя для грамматики, называется: *Ellypsis, опущеніе.* ВЪ сей фигурѣ глаголЪ ино-

гда только подразумѣвается, что въ великомъ употребленіи у Евреевъ; и у насъ глаголъ существительный всегда почти подразумѣвается, а часто и падежъ именительный.

Сія фигура во многихъ языкахъ не рѣдко и съ великою красотою употребляется, особливо въ стихотворствѣ. напр.

Когда смѣешся ты — Сирена,
Когда ты плачешь — Крокодилъ.

Грамматикъ сказалъ бы: когда ты смѣешся, тогда бываешъ Сиреною; когда же плачешь, тогда кажешся Крокодиломъ. Или,

Есть громы — и въ сей часъ на небѣ тишина;
Есть Боги — и земля злодѣямъ предана,
И стонутъ слабыя у сильныхъ подъ рукою! (Говоритъ Антигона.)

Тотъ образъ рѣчи, которой допускаетъ болѣе, нежели сколько нужно словъ для грамматическаго смысла, называется *Плеоназмомъ*, Изобилованіемъ: напр: *Vivere vitam, magis major.* Или у насъ въ Комедіи Княжнина: *я видѣла, видѣла моими собственными глазами, вотъ сими глазами, которыми сей часъ смотрю.* Для смысла, довольно бы сказать: *я видѣла.*

Фигура же, перемѣняющая обыкновенной Синтаксической порядокъ, называется *Гиперботъ*, Превращеніе. напр:

Живи разсудка подъ закономъ,

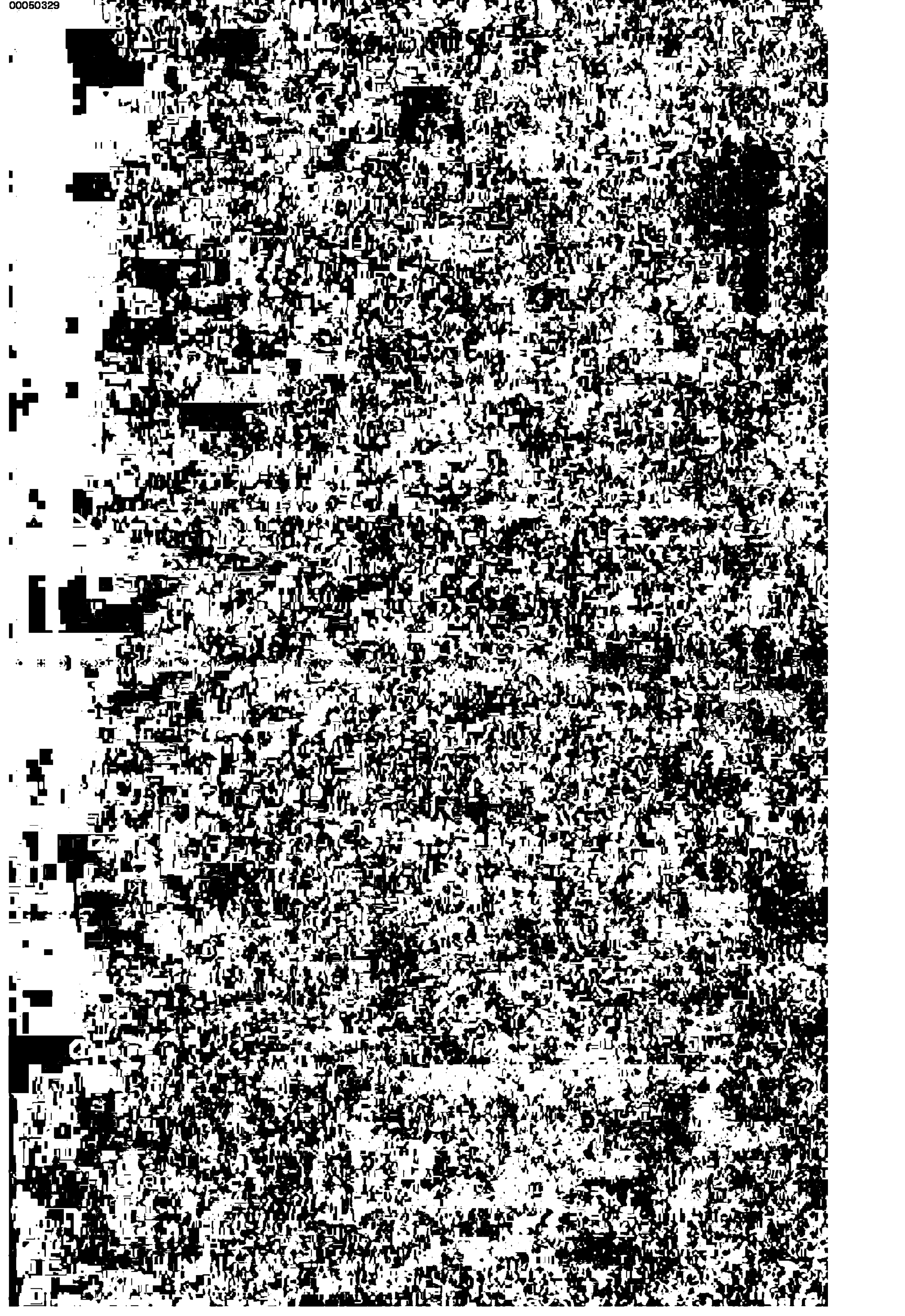
Богатыхъ не ревнуй судьбѣ и т. под:

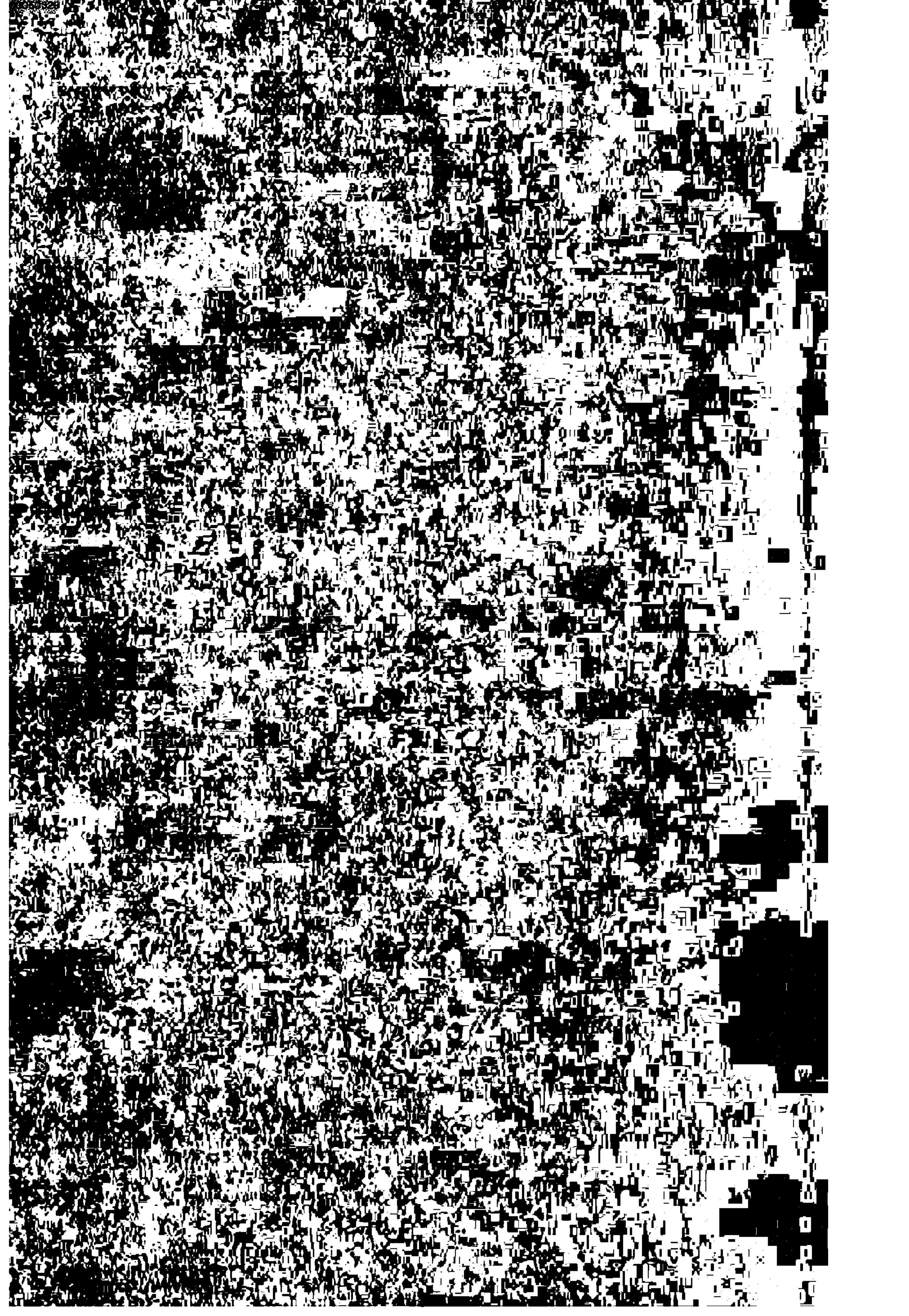
Всѣхъ сихъ фигуръ примѣры можно видѣть въ новомъ Методѣ Греческаго и Латинскаго яз. Сверьхъ того ихъ множество можно встрѣтить и въ различныхъ сочиненіяхъ, писанныхъ на различныхъ языкахъ. —

И такъ сіи четыре Фигуры, какъ видно, принадлежатъ къ грамматикѣ, а по сему въ заключеніи оной и необходимо нужно было упомянуть объ оныхъ.

КОНЕЦЪ.

N. B Каждой можетъ узнать типографскія опечатки, а посему нѣтъ надобности означать ихъ. Мои же ошибки, произшедшія, или отъ не усмотрѣнія, или отъ навыка, прошу исправить благосклонныхъ и вникательныхъ читателей. Гдѣ напечатано: *литера*, надобна вездѣ читать, *буква*. — Привыкнувъ къ иностраннымъ, во всѣхъ книгахъ встрѣчающимся словамъ и оборотамъ, признаться, весьма трудно и предостеречь себя отъ подобныхъ погрѣшностей.

ОПЫТНЫЙ СПОСОБЪ

кЪ

ФИЛОСОФИЧЕСКОМУ

ПОЗНАНІЮ

РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА,

сочиненный

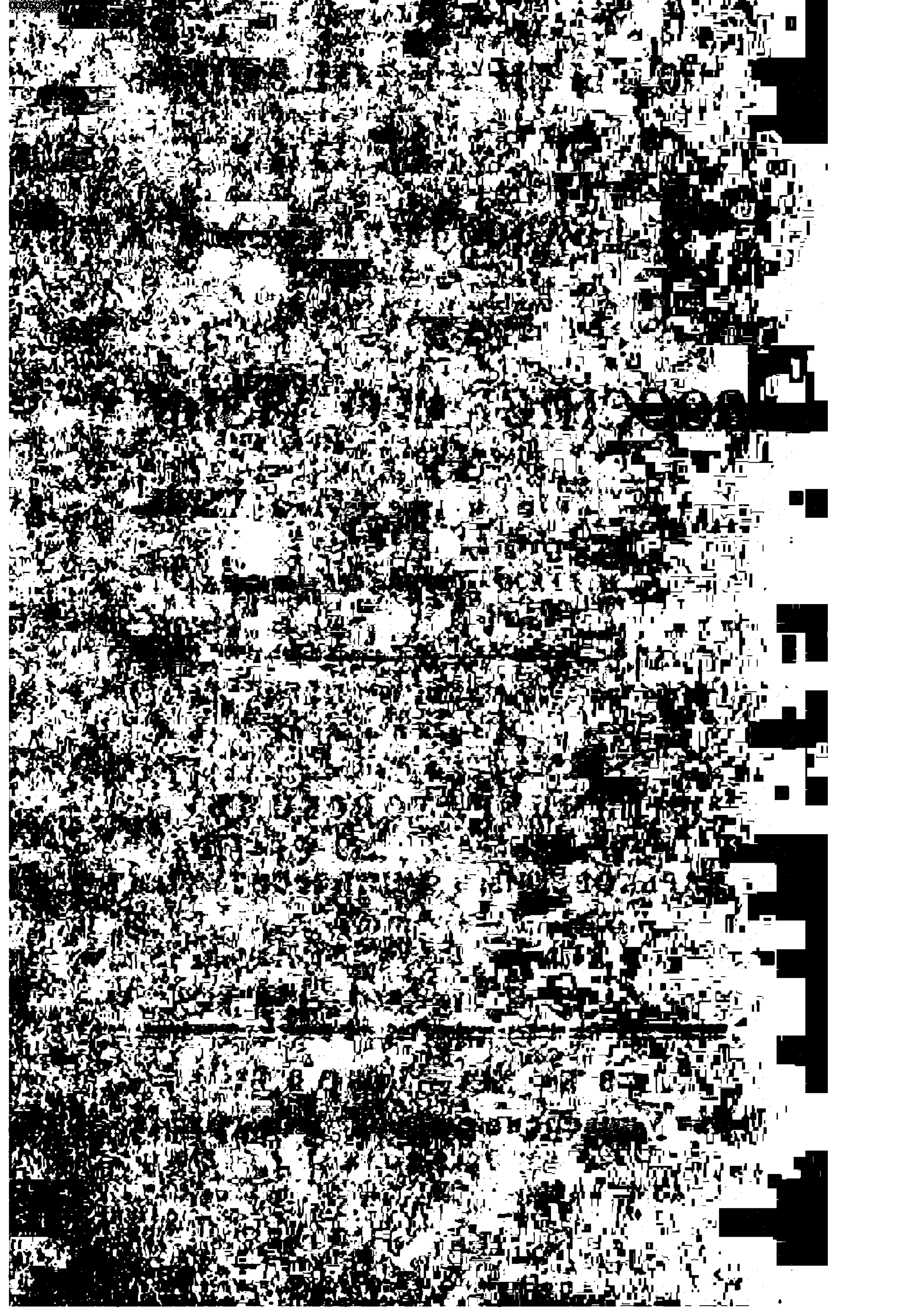
Иліею Тимковскимъ.

Изданный

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

ХАРЬКОВСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
Въ Университетской Типографіи,
1811 года.

Правила всеобщей Грамматики, изъясняя употребленіе Россійскаго слова, приводятъ къ познанію его состава, свойства и силы. Разсудительныя о семъ изслѣдованія открываютъ постепенную связь предметовъ, которая содержитъ въ себѣ:

I. Грамматическій разборъ частей рѣчи и смысла выраженій.

II. Окончанія производныхъ словъ, съ ихъ знаменованіемъ.

III. Сложеніе словъ, съ изъясненіемъ означенія сложныхъ.

IV. Произведеніе словъ, находящихся въ рѣчи для примѣра взятой, и употребленіе тѣхъ же словъ въ другихъ выраженіяхъ.

V. Связь и опредѣленіе понятій для составленія мысли.

VI. Опредѣленіе и связь мыслей.

VII. Порядокъ словъ и звуки въ выраженіяхъ.

VIII. Древности языка Славено-Россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ.

IX. Начальное руководство къ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей.

Наставленія по сему способу могутъ быть предложены по окончаніи краткой Россійской Грамматики, или совокупно съ преподаваніемъ оной, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Наставникъ, изъяснивъ опредѣленія частей рѣчи въ Грамматикѣ, съ примѣрами словъ порознь на каждую, показываетъ ихъ ученикамъ въ совокупномъ словѣ; дабы они видѣли, какъ рѣчь составляется смѣсью и измѣненіемъ частей рѣчи, и болѣе утвердилися въ познаніи оныхъ. Для сего пишетъ на доскѣ періодъ избранный, и входитъ въ разсмотрѣніе о каждомъ въ немъ словѣ: измѣняемое ли оно, или неизмѣняемое, каково въ началѣ своемъ измѣняемое, и каждое слово какая есть часть рѣчи по наименованіямъ. Нѣсколько примѣровъ такимъ образомъ разбираетъ, какъ означено въ Главѣ I. А.

2. Далѣе потомъ преподаетъ Этимологію, которая будетъ уже явственнѣе и понятнѣе учащимся. Окончивъ оную, приступаетъ къ дальнѣйшему разбору примѣровъ по порядку, означенному въ Главѣ I. Б, В, Г.

3. Изъясняетъ систематически произведеніе словъ по окончаніямъ, означенное въ Главѣ II; а за тѣмъ сложеніе простыхъ словъ съ предлогами и другими частьми рѣчи и произхожденіе разныхъ сложныхъ и отъ нихъ производныхъ словъ, какъ означено въ Главѣ III.

4. По истолкованіи означеннаго въ Главѣ II и III, подробнѣе показываетъ то же въ разборѣ сложной рѣчи, гдѣ таковыя изъясненія болѣе могутъ имѣть пріятнаго разнообразія и внушить болѣе вниманія къ изслѣдованіямъ. Для сего разсматриваетъ съ учениками въ выраженіяхъ, или періодахъ, съ начала на доскѣ написанныхъ, потомъ въ книгѣ указываемыхъ, произведеніе и сложеніе словъ, какъ представлено въ Главѣ IV. При семъ взявъ корень слова, проводитъ его иногда по всѣмъ возможнымъ, иногда по главнѣйшимъ токмо измѣненіямъ, упомяну-

тымъ въ Главѣ II и III. Для лучшаго усмотрѣнія сего родословія, надписавъ оный корень на доскѣ, пишетъ на ней слова производимыя отъ него, простыя или сложныя, въ порядкѣ ихъ. А для вѣрнѣйшаго понятія о силѣ и измѣненіяхъ словъ, содержащихся въ примѣрѣ, показываетъ употребленіе оныхъ въ другихъ выраженіяхъ, обращаясь въ нихъ болѣе на нравственные и къ знаніямъ относящіеся предметы.

5. Изъясняетъ составъ мысли и опредѣленіе понятій, употребляемыхъ въ подлежащее и сказуемое, какъ изображено въ Главѣ V.

6. Послѣ сего изъясняетъ правила Синтаксиса, которыя какъ бы изъ собственнаго свѣденія учениковъ происходить будутъ, и болѣе ощутительны для нихъ явятся. А по окончаніи Словосопряженія и Слогоударенія можетъ повторить означенное въ Главѣ V.

7. Потомъ предлагаетъ объ опредѣленіи и связи мыслей, Глава IV; о порядкѣ словъ въ выраженіяхъ и о звукѣ оныхъ, присоединяя и самое возглашеніе тому соотвѣтствующее, Глава VII; занимается

сличеніемъ другихъ языковъ съ нынѣшнимъ Славено-Россійскимъ, Глава VIII; наконецъ руководствуетъ къ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей; при чемъ разказанное отъ него, учениками повторенное и написанное изправляетъ относительно Правописанія, Этимологіи, Синтаксиса, выбора словъ и оборота выраженій, Глава IX.

8. По всѣмъ онымъ опытамъ во первыхъ самъ предлагаетъ и изъясняетъ свои примѣры, потомъ заставляетъ учениковъ повторить сіи изъясненія, и на каждое правило свои краткіе примѣры сказывать. Во всякомъ же разборѣ и во всѣхъ своихъ запросахъ всѣхъ учениковъ занимаетъ и всѣмъ въ отвѣтахъ даетъ участвовать попеременно. Замѣчая погрѣшности въ ихъ словахъ и мысляхъ, изправляетъ оныя, и причины мнѣнія своего изъясняетъ.

9. Примѣры избираетъ по благоразумію своему изъ извѣстныхъ Россійскихъ Писателей, присовокупляя и Славенскаго языка примѣры, взятые изъ книгъ Священнаго Писанія, или другихъ церковныхъ, въ такомъ числѣ, какого множество уче-

никовъ возтребуетъ, и съ такимъ содержанiемъ, чтобъ могли при томъ поселять въ учащихся свѣденiя о красотѣ и силѣ Россiйскаго слова, внушать имъ любовь къ истинѣ и отечеству, и понятiями обогащать ихъ, которыя въ слогѣ употребительны будутъ. Важнѣйшie изъ предлагаемыхъ, они записываютъ для памяти и наизусть выучиваютъ.

Сiи Изслѣдованiя дополняются Собранiемъ Примѣровъ, дабы правиламъ дать большую ясность, труды Наставника облегчить въ изысканiи иныхъ примѣровъ, и учащимся доставить полезное класcическое чтенie. Примѣры разположены по тому же порядку главѣ и всѣхъ отдѣленiй въ нихъ, какъ и самыя правила.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГРАММАТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧАСТЕЙ РѢЧИ И СМЫСЛА ВЫРАЖЕНІЙ.

А.

Показаніе начала словъ, выраженіе составляющихъ, и какія они сушь части рѣчи. При семъ:

1. Сокращенныя или усѣченныя слова приводятся въ полное состояніе свое.

2. Увеличительныя или умалительныя слова въ простое состояніе.

3. Имена, мѣстоименія и причастія поставляются въ именительномъ падежѣ единственнаго числа.

4. Имена прилагательныя, мѣстоименія таковыя же и причастія, по приведеніи въ именительный падежъ единственнаго числа, поставляются въ мужескомъ родѣ.

5. Имена прилагательныя и нарѣчія въ положительномъ степени.

6. Глаголы, причастія и дѣепричастія въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола, и изъявительнаго его наклоненія въ настоящемъ времени, числѣ единственномъ, лицѣ первомъ.

Къ сему разысканію о началѣ словъ и частяхъ рѣчи не примѣшиваются никакія подробнѣйшія показанія; но просто и единственно оное предлагается. См. прим.

Б.

Грамматическій смыслъ выраженія:

1. Дѣлается начальное изъясненіе о подлежащемъ и сказуемомъ, съ краткими примѣрами.

2. Указывается коренное въ рѣчи слово, яко подлежащее и коренный глаголъ, содержащій сказуемое.

3. Означаются слова, зависящія отъ подлежащаго и отъ глагола, и управляемыя ими, съ изъясненіемъ сихъ управленій.

4. При каждомъ таковомъ словѣ дѣлается вопросъ: довольно ли было бы для смысла; естьлибы сего слова не было въ рѣчи? См. прим.

В.

Предварительный разборъ Грамматическаго смысла облегчаетъ познаніе о свойствахъ частей рѣчи, находящихся въ выраженіи, и долженъ купно истребить недоумѣнія при словахъ, которыя изъ одинакихъ буквъ состоятъ, но разныя имѣютъ знаменованія. Таковая разность бываетъ:

a. Въ частяхъ рѣчи и значеніи, по разности ударенія. См. прим.

b. Въ падежахъ тѣхъ же самыхъ словъ, по разности ударенія. См. прим.

c. Въ частяхъ рѣчи и значеніи, при одинаковомъ удареніи. См. прим.

d. Въ падежахъ тѣхъ же самыхъ словъ, при одинаковомъ удареніи. См. прим.

Г.

Грамматическія свойства частей рѣчи, находящихся въ выраженіи. Разсматривается:

1. Въ какомъ родѣ, числѣ и падежѣ имя, мѣстоименіе и причастіе.

2. Въ какомъ степени сравненія имя прилагательное и нарѣчіе.

3. Въ какомъ залогѣ, спряженіи, наклоненіи, времени, числѣ, лицѣ и родѣ глаголъ.

4. Какія другія измѣненія могутъ быть въ сихъ частяхъ рѣчи по степенямъ, родамъ, склоненіямъ и спряженіямъ.

5. При разборѣ причастій и дѣепричастій, какія могутъ быть въ другихъ временахъ причастія и дѣепричастія тѣхъ же глаголовъ.

6. Какими падежами управляютъ слова въ рѣчи, взятой для разбора. См. прим.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОКОНЧАНІЯ ПРОИЗВОДНЫХЪ СЛОВЪ СЪ ИХЪ ЗНАМЕНОВАНІЕМЪ.

А.

Окончанія глаголовъ, съ дѣепричастіями и причастіями, на *ти*, *ть*, *у*, *ю*, *аю*, *ею*. *їю*, *ою*, *ую*, *яю*, *ѣю*, *ыю*, *юю*, — *а*, *я*, *чи*, *въ*, *дъ*, *ши*, —

щій, *шій*, *лый*, *ный*, *тый*. При семъ произведеніи замѣчаются въ глаголахъ перемѣны нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ одной на другую: *г* и *ж*; *д* и *с*; *д* и *ж*; *ж* и *з*; *к* и *ч*; *с* и *ш*. См. прим.

Б.

Окончанія простыхъ, отъ именъ и глаголовъ произведенныхъ, прилагательныхъ съ ихъ окончаніями въ степеняхъ сравненія въ уменьшительныхъ, въ родахъ, числахъ и падежахъ и съ произведеніемъ нарѣчій отъ нихъ.

a. Окончанія на *ый* и *ій* или *ой* съ предъидущею буквою слова, отъ котораго производится, или съ перемѣною оной изъ *г* въ *ж*, изъ *к* и *ц* въ *ч*, изъ *х* въ *ш*, и проч. Сіи прилагательныя суть первыя въ языкѣ, и превращаютъ слова, отъ которыхъ произведены въ простое качество тѣхъ существительныхъ, которыя опредѣляютъ собою. Особую въ нихъ отрасль составляютъ прилагательныя, кончащіяся на *евый* и *овый*, произходящія отъ именъ существительныхъ множественнаго числа родительнаго падежа, которыя предложены будутъ въ статьѣ о притяжательныхъ. См. прим.

b. Окончанія именъ на *кій* или *кой*, производныхъ отъ глагола, наклоненія изъявительнаго, времени настоящаго, или имѣющихъ съ тѣмъ сходство; на *чій*, производныхъ отъ при-

частія, настоящаго времени, просто или съ перемѣною и выключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ; на *лый*, производныхъ отъ глагола, средняго залога, наклоненія изъявительнаго. Сими именами дѣйствіе обращается въ пребывающее свойство. Производныя же на *кій* и *лый* отъ словъ, которыхъ послѣдиія буквы даютъ сіи окончанія прилагательнымъ ихъ, принадлежатъ къ вышеозначеннымъ окончаніямъ на *ый* и *ій*. А другія прилагательныя, кончащіяся на *скій* и *чій* какъ и многія на *ій* принадлежатъ къ притяжательнымъ, о которыхъ ниже сказано будетъ. См. прим.

c. Окончанія на *авый*, *ивый*, *ливый*, *атый*, *ватый*, *оватый*, *астый*, *истый*, съ нарѣчіями на *аво*, *иво* и проч., кои означаютъ казистое приближеніе къ свойству, или учащеніе и присвоеніе качества. Сіи окончанія во многихъ прилагательныхъ имѣютъ сходство съ окончаніями существительныхъ на *ость* и глаголовъ на *ивать*, *иваю*, *ивалъ*. См. прим.

d. Окончанія умалительныхъ на *енькій*, *онькій*, *ехонькій*, съ нарѣчіями отъ нихъ. См. пр.

B.

Окончанія производныхъ существительныхъ именъ, означающихъ дѣйствіе, свойство, принадлежность, съ производными отъ нихъ прилагательными, глаголами и нарѣчіями, также съ умалительными, увеличительными

и къ женскому роду опъ мужескаго произведенными.

a. Окончанія наименованій мужескаго рода на *акъ*, *якъ*, *никъ*, *чикъ*, *щикъ*, *окъ*, *ецъ*, *ачъ* *ичъ*, *арь*, *ырь*, *анъ*, *нинъ*, съ производными опъ мужескаго рода къ женскому: на *ка*, *ха*, *ица*, *иия*, *ша*, означающія произхожденіе или пребываніе въ состояніи, качествѣ или званіи, просто или съ увеличеніемъ свойства. См. прим.

b. Прилагательныя, онымъ существительнымъ подобныя, или опъ нихъ производимыя, съ окончаніемъ на *евъ*, *овъ*, *инъ*, *ичьй*, *ій*, *скій*, *ческій* и съ перемѣною буквъ послѣдняго слога *г* въ *ж*, *к* или *ц* въ *ч*, означающія принадлежность, припяжаніе или произхожденіе. Къ сему причисляются и прилагательныя того же значенія, кончащіяся на *евый* и *овый* производимыя опъ именъ множественнаго числа родительнаго падежа. См. прим.

c. Глаголы на *ичать*, сходно съ именами кончащимися на *икъ*, означающіе пребываніе въ состояніи, или свойствѣ, или наклонность къ учащенію дѣйствія. См. прим.

d. Окончаніе наименованій, производныхъ опъ неопредѣленнаго наклоненія глагола, прямо или съ сокращеніемъ, въ мужескомъ родѣ на *тель*, въ женскомъ на *тельница*, съ прилагательными *тельный*, и нарѣчіями *тельно*. Иногда сіи прилагательныя означаютъ свойство своего подлежащаго производить дѣйствіе, на пр: *питательный*, *убѣдительный*, какъ бы

убѣждающій, способный къ тому: иногда свойство предмета принимать производимое надъ нимъ дѣйствіе, на пр: *курительный*. Слова, могущія означать то и другое, получаютъ опредѣленное значеніе отъ своихъ существительныхъ, какъ то *чувствительный* человѣкъ, который чувствуетъ, *чувствительная* обида, которую чувствуютъ; но въ случаѣ двусмыслія таковыя прилагательныя неупотребительны. См. прим.

e. Окончанія наименованій, производныхъ отъ изъявит. наклон. настоящаго времени глагола, въ мужескомъ родѣ на *унъ*, въ женскомъ на *унья*; также въ мужескомъ, женскомъ и общемъ на *ага*, *яга*, *ака*, выражающія учащеніе и усиліе дѣйствія или свойства, употребляемыя больше въ простορѣчіи. Къ сему же относится и окончаніе наименованій на *уха*. См. прим.

f. Окончаніе именъ мужескаго рода, (кромѣ личныхъ о которыхъ сказано въ *a*) на *окъ*, производныхъ отъ неопредѣленнаго наклоненія глагола, и превращающихъ дѣйствіе въ вещь, надъ которою исполнено сіе дѣйствіе. Прилагательныя отъ нихъ кончащіяся на *чный*. См. прим.

g. Изобильныя окончанія, производныхъ отъ глаголовъ, именъ женскаго рода на *ка*, *ьба*, *тва*. *ота*, означающія производство и явленіе дѣйствія, или вещь, въ которой дѣйствіе является, однократно или учащательнымъ

образомъ. Сюда принадлежатъ и производныя отъ прилагательныхъ на *ота*, означающія качество. См. прим.

h. Окончанія именъ женскаго и частію мужескаго рода на *ина*, *ыня*, означающія определенное усиліе первообразнаго качества, отвлеченное или въ вещахъ являемое. См. прим.

i. Окончанія именъ женскаго рода на *ня* и *ица* и производныя отъ неопредѣл. наклон. глагола, на *льня*, означающія пребываніе въ состояніи, или опредѣленный предметъ, или вмѣстилище, въ которомъ содержится то, что первообразнымъ означается. Прилагательныя сего рода, кончащіяся на *льный* и *чный*. См. прим.

k. Окончанія именъ средняго рода, производныхъ отъ глаголовъ, на *ало*, *ило*, *ло*, означающія орудныя вещи, опредѣленныя и существующія, съ тѣмъ, чтобъ ими производилось первообразное дѣйствіе. Нѣкоторыя изъ сихъ словъ переносятся и къ лицамъ. См. прим.

l. Окончанія именъ средняго рода, производныхъ отъ глаголовъ, на *ище*, *лище*, означающія мѣсто или предметъ, въ которомъ содержится, или надъ которымъ производится дѣйствіе, первообразнымъ означаемое. Симъ окончаніемъ выражаются и увеличительныя слова.

m. Окончанія именъ средняго рода на *ніе* и *тіе*, производныхъ отъ страдательнаго причастія, прошедшаго времени, *ный*, *тый*, и частію подобно тому отъ неопредѣленнаго

наклон. глагола, означающія производство или бытіе дѣйствія, или въ переносномъ смыслѣ вещь, содержащую оное дѣйствіе. См. прим.

п. Окончанія именъ средняго рода, производныхъ отъ именъ и глаголовъ, на *ство*, *тельство* и *ствіе*, и производныхъ отъ именъ на *іе* и *ье*, означающія пребываніе въ качествѣ и состояніи первообразнаго. Отъ нихъ глаголы на *ствовать*, прилагательныя на *ственный* и нарѣчія на *ственно*. См. прим.

о. Окончанія именъ женскаго рода, производныхъ отъ прилагательныхъ, на *есть*, *исть*, *ость*, *ливость*, *тельность* и отъ причастія *мый* на *мость*, означающія пребывающее качество, способность либо производить отъ себя, либо принимать на себя дѣйствіе. Удобство словопроизведенія на *ость* и *мость* великую приноситъ пользу въ изобрѣтеніи словъ по предметамъ наукъ, искусствъ и общаго употребленія; однако служитъ нерѣдко поводомъ къ излишнему и неправильному принятію такихъ словъ, на прим. полезность, безподобность, ходячесть, которыя не только употребленіемъ запрещаются, и лучше словами другихъ окончаній, или иными оборотами рѣчи замѣняемы быть могутъ, но иныя и самому смыслу коренныхъ своихъ существительныхъ или прилагательныхъ и простыхъ или съ предлогами сложныхъ глаголовъ противны являются. И для того великой требуется осторожности въ семъ словопроизведеніи. Даже и

существующія слова съ окончаніемъ на *ость*, не употребляются въ такихъ случаяхъ, когда ихъ значеніе было бы двусмысленно. То же разумѣется и объ окончаніи на *ніе* и *тіе*. Наблюдается при томъ, что многія имена, кончащіяся на *іе*, *ство* и *ость* не всѣ могутъ быть полагаемы въ множественномъ числѣ. См. прим.

р. Окончанія именъ умалительныхъ и уничижительныхъ на *икъ*, *окъ*, *ка*, *енка*, *цо*, *чка*, *чко*, *шка*, *шко*. См. прим.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

СЛОЖЕНІЕ СЛОВЪ И ЗНАЧЕНІЕ СЛОЖНЫХЪ.

А.

Сложныя слова произходятъ:

1. Соединеніемъ предлоговъ съ словами простыми;

2. Совокупленіемъ именъ, мѣстоименій и нарѣчій съ именами и глаголами.

Предлоги, къ первообразнымъ и производнымъ именамъ и глаголамъ для сложенія прибавляемые, суть слѣдующіе:

1. Отдѣльные: *изъ*, *о*, *объ*, *отъ*, *у*, *во*, *до*, *за*, *на*, *надъ*, *по*, *подъ*, *предъ*, *при*, *про*, *со*;

2. Совокупные или слитные: *воз*, *вы*, *низ*, *пре*, или *пере*, *раз*.

Предлогъ *безъ*, къ простымъ глаголамъ не прилагается; но будучи сложенъ съ именами входитъ съ ними въ глаголы, отъ нихъ произведенные. Предлоги *ко*, *для*, *ради*, вовся не слагаются; также нѣкоторые токмо и весьма рѣдко слагаются изъ слѣдующихъ предлоговъ и нарѣчій, кои употребляются отдѣльно для означенія разныхъ положеній дѣйствія къ предмету: *между*, *среди*, *сквозь*, *внутрь*, *внѣ*, *чрезъ*, *мимо*, *прямо*, *противъ*, *прежде*, *послѣ*, *сверхъ*, *кругъ*, *около*, *окрестъ*. См. прим.

Б.

Въ сложеніи простыхъ глаголовъ съ предлогами особенное вниманіе обращается на *однократное*, *учащательное* и *неопредѣленное* ихъ *знаменованіе*.

1. Какъ въ производныхъ прилагательныхъ именахъ окончанія на *ивый* и *ливый* заключаютъ учащеніе качества (см. Гл. II, Б); сему подобно входятъ въ глаголы окончанія на *ивать* или *ывать*, *иваю*, или *ываю*, *ивалъ* или *ывалъ*. Сіи окончанія въ изъявительномъ наклоненіи прошедшемъ времени и въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола простаго означаютъ вмѣстѣ и отношеніе къ давнопрошедшему времени и учащательное состояніе или дѣйствіе; такъ глаголы: *знать*, *играть*, *знавалъ*, *игрывалъ*, *знавать*, *игрывать* и учащеніе или многократность представляютъ, такъ же и на давнопрошедшее время ссылаются. Впрочемъ

есть многіе простые глаголы, которые для показанія давнопрошедшаго времени не принимають окончанія на *ивать* или *ывать*, *ивалъ* или *ывалъ*, на прим. *хотѣть*, *желать*, *воевать*, *краснѣть*, *зеленѣть*, *цвѣсть*. Таковыя сопротивленія принятію его происходять отъ самаго знаменованія сихъ глаголовъ, по которому они довольно ясно могуть и безъ того выражать собою давнопрошедшее время, будучи опредѣляемы связью рѣчи, или состояніемъ другаго глагола, при коемъ поставляются, и особенно, когда къ прошедшему времени изъявительнаго наклоненія прибавляется *было*, *бывало*: *желалъ было*, *цвѣли*, *краснѣли бывало*. Объ употребленіи глагола *было* и *бывало* при неопредѣленномъ наклоненіи предложено будетъ въ главѣ V, А. На семъ основаніи многіе глаголы, будучи сложены съ предлогами, принимають окончанія на *ивать* или *ывать*, *иваю* или *ываю*; а другіе глаголы принимають въ семъ случаѣ другія окончанія.

2. Есть малое число глаголовъ однократныхъ, которые имѣють особые свои учащательные, и которые взаимно съ ними другъ друга дополняють, какъ-то: *быть*, *бывать*, *итти*, *ходить*, *весть*, *водить*, *несть*, *носить*. Таковые однократные имѣють одно свое неопредѣленное наклоненіе: *итти*, *несть*, а въ изъявительномъ наклоненіи одно только прошедшее время *шелъ*, *несъ* и будущее одно только неопредѣленное или сложное *буду*

итти, *несть*, а будущаго полнаго или собственнаго безъ соединенія съ предлогами не имѣютъ, кромѣ существительнаго глагола *быть*, который имѣетъ одно будущее время *буду*. Особые оные учащательные имѣютъ двоякое неопредѣленное наклоненіе *ходить*, *носить*, *хаживать* *нашивать*, а въ изъявительномъ наклоненіи два прошедшихъ времени: *ходилъ*, *носилъ*, *хаживалъ*, *нашивалъ*; будущее же время одно только неопредѣленное: *буду ходить*, *буду носить*. По прибавленіи предлога къ настоящему времени однократныхъ, они приходятъ въ будущее полное, а настоящаго своего и неопредѣленнаго будущаго не имѣютъ: *иду*, *войду*, *пойду*; *веду*, *введу*, *сведу*, и пр. По прибавленіи предлога къ настоящему времени учащательныхъ, они удерживаютъ сіе время съ тѣмъ же окончаніемъ: *хожу*, *изхожу*; *ношу*, *уношу*, сообщая оное и однократнымъ своимъ съ тѣмъ же предлогомъ сложеннымъ глаголамъ. См. прим. а.

3. Когда надобно сими учащательными сложными глаголами выразить дальнѣйшее ихъ самихъ учащеніе (что съ нѣкоторыми только предлогами сложнымъ свойственно); для сего принимаютъ они окончаніе на *иваю*, *ивалъ*, *ивать*: *ухожу*, *ухаживаю*, *ухаживалъ*, *ухаживать*; *доношу*, *донашиваю*, *донашивалъ*, *донашивать*. Сіи глаголы имѣютъ свое полное будущее такое, какъ настоящее первыхъ учащательныхъ глаголовъ, отъ которыхъ произ-

ведены; какъ изъ самаго значенія ихъ явствуетъ: настоящее *отхожу*, откуда; *доношу*, кому; *отхаживаю*, *донашиваю*, что; будущее ихъ *отхожу*, *доношу*, что. При семъ сложные съ предлогомъ *вы* въ ономъ настоящемъ времени имѣютъ удареніе надъ послѣднею своéю гласною буквою *выхожу́*, *выношу́*, а въ семъ будущемъ надъ предлогомъ *вы*: *вы́хожу*, *вы́ношу*.

4. Неопредѣленные простые глаголы служатъ равно къ выраженію однократнаго и учащательнаго знаменованія. Еслиже которыми изъ нихъ надобно выразить опредѣленное однократное; а они въ первообразномъ состояніи своемъ для сего не достаточны; на таковой конецъ составляются изъ нихъ однократные глаголы, перемѣною окончанія ихъ въ неопредѣл. наклоненіи на *нуть*: *махать*, *махнуть*; *свистать*, *свиснуть*; *стучать*, *стукъ*, *стукнуть*; *давить*, *давнуть*; *дуть*, *дунуть*; *касаться*, *коснуться*; въ повелит. на *ни*: *свисни*, *дуни*, *дунь*; въ изъявительномъ, времени будущемъ на *ну*, въ прошедшемъ на *нулъ*; въ настоящемъ же времени сіи глаголы остаются при прежнемъ окончаніи: *машу*, *свищу*, *стучу*, *давлю*, *дую*, *касаюсь*. Къ числу глаголовъ, непринимающихъ оной перемѣны, каковы: *играть*, *знать*, *бояться*, принадлежатъ и глаголы неопредѣленные, кончащіеся первообразно на *нуть*, какъ-то: *вянуть*, *глохнуть*, *гнуть*. Неопредѣленный глаголъ, будучи сло-

женъ съ предлогомъ, становится однократнымъ своего значенія, на пр. *крыть*, *крою*, *крылъ*, *закрыть*, *закрою*, *закрылъ*. А какъ, по прибавленіи предлога къ простому неопредѣленному глаголу, въ изъявительн. его наклоненіи, времени настоящемъ, онъ приходитъ въ однократное будущее время; то для произведенія изъ него новаго съ тѣмъ предлогомъ глагола перемѣняются окончанія всегда почти слѣдующимъ образомъ:

b. Окончаніе на *жу*, *чу*, *шу*, *щу*, *лю*, *ню*, перемѣняется частію въ *иваю*, *ываю*, частію въ *аю* и *яю*. Нѣкоторые же глаголы съ иными предлогами принимаютъ первое, а съ другими второе окончаніе; и въ особенности, когда принявъ *аю* возвышаются къ новому учащенію чрезъ принятіе *иваю*; каковое изобиліе часто въ общемъ употребленіи бываетъ, какъ-то: *присудить*, *присуждать*, *присуживать*, *отставить*, *отставлять*, *отставливать*. См. прим.

c. Окончаніе на *у*, съ иною предыдущею согласною буквою, перемѣняется въ *аю*. Когда предъ *у* бываетъ *н* съ другою при немъ согласною; тогда *н* выпускается. Когда же предъ *у* бываетъ другихъ двѣ согласныхъ; въ таковомъ случаѣ всегда почти ставится межъ ними гласная *и* или *ы*, для мягкаго произношенія. См. прим.

d. Кончащихся на *аю*, *їю*, *ою*, *яю*, такъ же и многихъ прежнихъ, уже принявшихъ *аю*, въ *иваю* или *ываю*, и нѣкоторыхъ въ *еваю*.

Кончащихся на *ую*, въ *овываю*.
Кончащихся на *ѣю* въ *ѣваю*.
Кончащихся на *юю* въ *свываю*. См. прим.

B.

Свойства именъ и глаголовъ, сложныхъ съ однимъ или двумя предлогами и съ другими частьми рѣчи:

a. Есть глаголы простые, а особливо изъ среднихъ, которые весьма мало предлоговъ допускаютъ, для произведенія съ ними другихъ глаголовъ; къ сему принадлежатъ такъ же производные на *ничать*, и *ствовать*, и сложные съ именами и нарѣчіями. Вообще же глаголы не со всѣми предлогами совокупляются, или потому, что при другихъ предлогахъ неимѣли бы смысла, или по неупотребленію; такъ что глаголы, чаще употребляемые въ разныхъ оборотахъ слова, больше измѣненій по предлогамъ получили. Напротивъ того есть сложные съ предлогами глаголы, которыхъ коренные не существуютъ въ употребленіи языка. См. прим.

b. Въ приложеніи предлоговъ къ именамъ и глаголамъ наблюдать слѣдуетъ: 1) какую перемѣну и разность, при какихъ предлогахъ, въ значеніи и управленіи получаютъ имена и глаголы; 2) что многіе средніе глаголы, будучи сложены съ предлогами, становятся, при своемъ залогѣ или и вовся, дѣйствительными, а съ предлогомъ *раз* общими. См. прим.

c. Много есть именъ и глаголовъ сложныхъ съ двумя предлогами. Въ семъ случаѣ крайній предлогъ относитъ силу свою болѣе къ предлогу среднему, принимая сложное съ нимъ слово за простое. См. прим.

d. Обширно приложеніе къ именамъ и глаголамъ именъ и нарѣчій для произведенія сложныхъ именъ и глаголовъ. Которое изъ слагаемыхъ словъ должно быть начальнымъ, сіе зависитъ частію отъ плавнѣйшаго выговора, а частію отъ того, что предыдущее всегда почти служитъ къ опредѣленію послѣдующаго. Примѣчать должно, что сего рода слова, скопляя знаменованія, иногда возвышаютъ и облегчаютъ понятіе, а иногда затрудняютъ его; особливо когда составныя слова многосложны; по чему кромѣ предлоговъ и отрицанія *не*, весьма рѣдко болѣе двухъ частей рѣчи складывается. Однако произволеніе въ сложеніи словъ весьма ограничено общимъ согласіемъ; и одно щасшливое употребленіе можетъ оправдывать новость сложнаго слова. Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть:

1) Сложеніе съ нарѣчіемъ *не* и мѣстоименіями;

2) Сложеніе съ именами числительными, такъ же съ именами прилагательными, и нарѣчіями, означающими сравненіе, вѣсъ, количество;

3) Приложеніе другихъ именъ прилагательныхъ и нарѣчій;

4) Приложеніе употребительнѣйшихъ реченій, какъ то: *добрю, благо, зло, дѣлать, слово,* и иныхъ къ простымъ или съ предлогами сложнымъ словамъ;

5) Сложныхъ словъ сугубое сложеніе;

6) Сложеніе двухъ или трехъ словъ иностранныхъ а паче Греческихъ, въ языкъ Россійскій по наукамъ введенныхъ. См. прим.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАЗБОРЪ СЛОЖНОЙ РѢЧИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИЗВЕДЕНІЯ И УПОТРЕБЛЕНІЯ СЛОВЪ.

А.

Предлагается произведеніе словъ отъ корня ихъ, въ рѣчахъ взятыхъ для примѣра, и показаніе другихъ отъ того же корня производныхъ и сложныхъ словъ, съ изъясненіемъ значенія оныхъ и сравненіемъ ихъ съ другими словами подобнаго или противнаго знаменованія. См. прим.

Б.

Главнѣйшихъ, въ той самой рѣчи находящихся, словъ употребленіе въ другихъ выраженіяхъ. См. прим.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СВЯЗЬ И ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПОНЯТІЙ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ МЫСЛИ.

Каждое слово даетъ собою нѣкоторое понятіе. Но когда оно сопряжено съ другими словами, сверстными съ нимъ, или управляющими, либо управляемыми онымъ; тогда его значеніе, а потому и понятіе въ рѣчи становится *опредѣленнымъ*. Происходящія изъ сего составъ и выраженіе мыслей даютъ правила Словосочиненія, какъ общія такъ и особенно Россійскому языку свойственныя.

A.

Мысль, содержа въ себѣ положеніе, или отрицаніе, требованіе, вопросъ, или возклицаніе, составляется изъ связи подлежащаго и сказуемаго.

a. Подлежащимъ можетъ быть всякая часть рѣчи, которая наименована или воззвана, ставъ предметомъ выражаемой мысли. См. прим.

b. Въ сказуемомъ долженъ быть глаголъ, изображающій бытіе, состояніе, или дѣйствіе подлежащаго, либо отрицаніе бытія, состоянія, или дѣйствія его. Глаголъ соединяетъ съ подлежащимъ и другія части рѣчи, въ сказуемомъ поставляемыя. См. прим.

c. Всякое подлежащее требуетъ сказуемаго и всякое сказуемое требуетъ подлежащаго.

Симъ соединеніемъ своимъ они для составленія смысла взаимно другъ друга опредѣляютъ. Самая простая мысль есть та, когда сказуемое выражается однимъ глаголомъ, или когда иное слово посредствомъ существительнаго глагола связуется съ подлежащимъ, для опредѣленія его бытія, свойства и наименованія. Сложнѣе суть мысли, въ которыхъ подлежащее, или сказуемое, или и то и другое состоитъ изъ нѣсколькихъ словъ сопряженныхъ. См. прим.

d. Въ отношеніи между подлежащимъ и сказуемымъ глаголъ многія косвенныя измѣненія представляетъ, какъ-то:

I. Иногда относится къ подлежащему, выпущенному и подразумѣваемому, находясь въ личномъ, или безличномъ состояніи.

II. Иногда самъ бываетъ потаеннымъ, каковъ особенно глаголъ существительный, когда выражаетъ въ изъявительномъ наклоненіи бытіе настоящаго времени.

III. Иногда приходитъ въ безличное состояніе, имѣя подлежащимъ количество, кромѣ разныхъ частей рѣчи, когда онѣ въ среднемъ родѣ поставляются, какъ въ примѣрахъ c показано.

IV. Иногда, и особливо выражая утверждение, или требованіе, поставляется въ неопредѣленномъ наклоненіи съ именительнымъ или дательнымъ падежемъ; такъ же и

безлично поставляется при другомъ глаголѣ неопредѣленнаго наклоненія.

V. Иногда въ повѣствованіи, для означенія прошедшаго времени, поставляется въ настоящемъ или будущемъ, при прошедшемъ *было*, *бывало*, или и безъ онаго.

VI. Иногда для означенія одного перваго, или вмѣстѣ перваго и втораго лица единственнаго или множественнаго числа, поставляется во второмъ лицѣ единственнаго.

VII. Иногда будущимъ временемъ изъявительнаго наклоненія означаетъ повелительное; а иногда въ повелительномъ наклоненіи поставляется вмѣсто изъявительнаго прошедшаго или будущаго времени, въ простомъ или условномъ состояніи.

VIII. Иногда въ простомъ повѣствованіи и словѣ оживляетъ дѣйствіе прошедшаго времени, или повелит. наклоненія, либо дѣепричастія, употребляясь для обоихъ чиселъ и всѣхъ лицъ въ первообразномъ состояніи усѣченно. См. прим.

e. Мысль, принимая разные обороты въ сложной рѣчи, можетъ простираться или на одно или на нѣсколько подлежащихъ. Иногда цѣлыя мысли бываютъ предметомъ подлежащимъ, о которомъ что либо предлагается сказуемымъ. См. прим.

f. Сказуемое можетъ быть или одинакое, однимъ глаголомъ выражаемое, какъ выше сказано, или совокупное, состоящее изъ при-

бавленія къ глаголу другихъ глаголовъ, или иныхъ частей рѣчи, которыми онъ опредѣляется. Бываютъ въ сказуемомъ и цѣлыя мысли, которыя имѣютъ свое вторичное подлежащее и сказуемое. См. прим.

Б.

Глаголъ, для опредѣленія подлежащаго своего, опредѣляется въ сказуемомъ:

a. Именами, полагаемыми въ именительномъ и безъ предлога винительномъ, родительномъ и дательномъ падежахъ, или другими частьми рѣчи, за имена принимаемыми. См. прим.

b. Нарѣчіями и именами въ творительномъ падежѣ, также именами и другими частьми рѣчи, поставляемыми въ разныхъ косвенныхъ падежахъ съ предлогами, для означенія качества, силы, мѣста, времени, причины, обстоятельствъ и отношеній дѣйствія глаголомъ представленнаго. Многоразличная сила опредѣленій сего рода явствуетъ изъ примѣровъ. См. прим.

c. Другими глаголами, просто или съ союзами. См. прим.

d. Дѣепричастіями явными, или потаенными, одинакими, или съ опредѣленіями ихъ, такъ какъ глагола, именами, нарѣчіями и другими дѣепричастіями, выражающими предъидущее, или современное, или послѣдующее дѣйствіе. См. прим.

B.

Имена въ подлежащемъ и сказуемомъ, или иныя части рѣчи, за имена принимаемыя, опредѣляются:

a. Именами прилагательными; въ семъ опредѣленіи имена прилагательныя

I. бываютъ одинакія, или въ нѣкоторомъ числѣ ихъ при существительномъ поставляемыя.

II. Сами бываютъ опредѣляемы именами существительными, приходящими въ косвенные падежи, простые либо съ предлогами.

III. Опредѣляются такъ же глаголами и нарѣчіями.

IV. Превращаемы бываютъ изъ существительныхъ и въ существительныя. См. прим.

b. Именами числительными. См. прим.

c. Мѣстоименіями. См. прим.

d. Причастіями, также какъ именами прилагательными. При семъ замѣчать должно:

I. Что причастія, содержа въ себѣ силу своего глагола, сами подобно ему могутъ быть опредѣляемы.

II. Что они выражаются иногда чрезъ возносительное мѣстоименіе съ глаголомъ; равно какъ возносительное съ глаголомъ выражается чрезъ причастіе. Однако въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ чувствительна бываетъ разность, что причастіе болѣе относится къ силѣ глагола, а возносительное мѣстоименіе

къ особенному назначенію опредѣляемаго имъ слова.

III. Что при глаголѣ прошедшаго времени причастіе настоящаго времени означаетъ иногда современное съ нимъ, а иногда дѣйствительно настоящее состояніе и дѣйствіе; а причастіе прошедшаго времени означаетъ иногда современное съ тѣмъ глаголомъ, иногда предшествовавшее ему, состояніе и дѣйствіе. По сему при такомъ глаголѣ причастія того или другаго времени полагаются съ разсмотрѣніемъ, которое изъ оныхъ состояній и дѣйствій выразить ими должно, дабы не смѣшать понятій.

IV. Часто бываетъ, что самое опредѣляющее опредѣлить потребно; въ такомъ случаѣ и слова, зависящія отъ причастія, могутъ быть опредѣлены другимъ тогоже залога и времени причастіемъ, или слова, отъ возносительнаго мѣстоименія зависящія, могутъ быть опредѣлены паки тѣмъ же возносительнымъ. Но поелику чрезъ сіе смыслъ можетъ сдѣлаться запутаннымъ и темнымъ; то для ясности онаго 1) употребляется лучше послѣ причастія мѣстоименіе возносительное, послѣ возносительнаго мѣстоименія причастіе; 2) или причастіе замѣняется дѣепричастіемъ тогоже времени, либо инымъ оборотомъ; 3) или прилагаемыя посредствомъ причастій и возносительныхъ выраженія отдѣляются въ самостоятельныя. См. прим.

е. Именами существительными въ простыхъ падежахъ или съ предлогами, или неопредѣленнымъ наклоненіемъ глагола. Въ опредѣленіяхъ родительный и творительный падежъ бываетъ иный производящій, дающій принадлежность, иный производимый, въ зависимости поставляющій.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И СВЯЗЬ МЫСЛЕЙ.

За изъясненіемъ опредѣленія словъ слѣдуетъ опредѣленіе мыслей въ ихъ точности, силѣ, полнотѣ и круглости. Сіе производится:

А.

Филологическимъ опредѣленіемъ видовъ. Слова въ подлежащемъ или сказуемомъ, опредѣляемыя другими словами, представляютъ родъ, а чрезъ прибавленіе сихъ опредѣляющихъ становятся видомъ, или частію онаго рода. Въ сіе опредѣленіе входятъ:

а. Качество и образованіе. Какъ свойства и дѣйствія иныя суть существенныя предмету въ естествѣ его, такъ что въ общемъ понятіи изключительно содержатся, и противное тому не имѣетъ мѣста, а иныя бываютъ ча-

стныя, прибавочныя, или случайныя; сообразно сему и всѣ опредѣленія бываютъ двоякаго рода.

I. Въ первомъ случаѣ они составляютъ только обстоятельство рѣчи, на которое исключительно обращается вниманіе, и найпаче въ прилагательныхъ съ великою осторожностію употребляются, дабы неказаться пустыми.

II. Во второмъ представляютъ опредѣляемый предметъ въ одномъ изъ многоразличныхъ и возможныхъ его состояній, назначаемомъ для точности. См. прим.

b. Степень и напряженіе. Слова опредѣляемыя и опредѣляющія, бывая въ нѣкоторомъ числѣ, изображаютъ совокупное или разное, постепенное или противное между собою бытіе, состояніе или дѣйствіе:

I. Иныя суть сверстныя, равностепенныя;

II. Иныя подчиненныя главнымъ, или вводныя, главную опредѣляющія. См. прим.

c. Оборотъ мысли, зависящій особенно:

I. Отъ свойства глагола и измѣненія его въ другой залогъ, въ причастіе или прилагательное имя. Измѣненія же глагола по наклоненіямъ, временамъ, числамъ и лицамъ означены въ Гл. V. A. d.

II. Отъ превращенія его въ имя. Въ семъ случаѣ оно принимаетъ силу, принадлежащую глаголу съ тѣмъ, что опредѣляющіе его

1) Именительный падежъ подлежащаго превращается въ родительный производящій или въ прилагательное имя.

2.) Родительный и дательный безъ предлога остаются тѣми же.

3.) Винительный существительнаго или прилагательнаго въ родительный производимый, а для избѣжанія двусмыслія, чтобы онъ не казался производящимъ то, что существительное изъ глагола составленное означаетъ, употребляются вмѣсто родительнаго и другіе падежи.

4.) Творительный производящій и производимый остаются тѣми же, или превращаются въ родительный.

5.) Падежи съ предлогами остаются всегда почти въ томъ же состояніи.

6.) Нарѣчія и тому подобныя имена въ падежѣ творительномъ или въ иныхъ съ предлогами (Гл. V, Б, b.), превращаются въ прилагательное имя. См. прим.

d. Количество или обширность. Чѣмъ болѣе опредѣлены слова, тѣмъ подробнѣйшій видъ представляютъ, тѣмъ яснѣе и понятнѣе становятся. Однако выборъ опредѣленій и пространство ихъ соразмѣряются съ потребностію и приличіемъ, кто, что, кому, когда и для чего предлагаетъ. См. прим.

Б.

Основанною на опредѣленіи видовъ точностію словъ, избираемыхъ въ своемъ родѣ, которыми выразить мысль пристойно. Для сего разсматриваются слова сходнаго или противоположнаго значенія, съ изъясненіемъ сихъ сходствъ и разностей. См. прим.

В.

Отношеніемъ выражаемыхъ мыслей, сверстныхъ, или вводныхъ главную опредѣляющихъ, сопрягаемыхъ между собою для составленія цѣлаго смысла.

a. Мысли отрывистыя и раздѣльныя имѣютъ между собою связь потаенную. Въ разсмотрѣніи примѣровъ показывается сія связь. См. прим.

b. Явно соединяются мысли и состоятъ въ зависимости посредствомъ дѣепричастія, причастія и мѣстоименія возносительнаго. См. пр.

c. Или посредствомъ именъ съ предлогами, опредѣляющихъ глаголъ, посредствомъ нарѣчій и союзовъ; хотя сіи послѣдніе иногда и выпускаются. Въ разсмотрѣніи примѣровъ сложныя мысли сверстныя или вводныя раздѣляются на простыя. См. прим.

Г.

Повтореніемъ словъ входящихъ въ составъ или союзъ мыслей. Иногда слова одни и тѣ же

повторяются или подобныя имъ присовокупляются, для большей силы и ясности опредѣляющихъ и опредѣляемыхъ.

a. Повтореніе именъ и мѣстоименій. См. пр.

b. Повтореніе глаголовъ и другихъ частей рѣчи. См. прим.

c. Употребленіе подобныхъ именъ или глаголовъ и повтореніе чрезъ отдѣленія прилагательныхъ. См. прим.

d. Разные роды повторенія въ связи. См. пр.

ГЛАВА СЕДМАЯ.

О ПОРЯДКѢ СЛОВЪ И О ЗВУКѢ ОНЫХЪ.

Слова должны быть поставляемы въ такомъ порядкѣ, чтобъ мысли ясно и точно другимъ сообщались. Звуки словъ, для того употребляемыхъ, какъ собственные ихъ, такъ и отъ порядка зависящіе, должны способствовать къ большей силѣ выраженія. Порядокъ словъ есть частію необходимый, логическій, частію произвольный, риторскій или стихотворческій.

А.

Необходимость требуетъ: 1) чтобы въ началѣ извѣстно было подлежащее, для ясно-

сти сказуемаго, потомъ состояніе или дѣйствіе подлежащаго, глаголомъ означаемое, и потомъ предметы дѣйствія; 2) чтобъ опредѣленія каждой изъ сихъ частей, находясь при своихъ опредѣляемыхъ, не слишкомъ ихъ удаляли другъ отъ друга; 3) чтобъ относительно времени и возрастающей или низходящей постепенно силы подлежащихъ или сказуемыхъ и ихъ опредѣленій соблюдаемъ былъ порядокъ послѣдственный, или членамъ пропорціи свойственный; 4) чтобъ отъ начала до конца выраженія части его были связаны между собою, и ни одна не казалась бы со стороны приставленною; а потому понятіе не прежде бы останавливалось, какъ по окончаніи цѣлаго выраженія.

a. Изъясненіе необходимаго порядка словъ въ простыхъ и сложныхъ мысляхъ, менѣе или болѣе опредѣленныхъ. См. прим.

b. Приведеніе неустроенной рѣчи въ порядокъ. См. прим.

c. Разложеніе стиховъ въ прозу. См. прим.

Б.

Произволеніе перемѣняетъ порядокъ 1) иногда безъ всякой надобности по собственному благоугожденію, 2) для стройнѣйшаго соотношенія частей и удобнѣйшаго сообщенія силы выраженій, 3) для лучшаго выговора и пристойнѣйшаго звука. Сія свобода Россійска-

го языка есть весьма важное преимущество его въ силѣ и звукахъ, и великую пользу, подобно древнимъ языкамъ, доставляетъ въ Витійствѣ и Поэзіи. Впрочемъ она по всей возможности должна сообразоваться съ порядкомъ необходимымъ. Часто въ произвольномъ порядкѣ:

a. Между существительнымъ и его прилагательнымъ или числительнымъ именемъ, также между существительнымъ и его мѣстоименіемъ или причастіемъ ставится принадлежащее къ тому или другому опредѣляющее имя либо глаголъ. См. прим.

b. Подлежащее ставится послѣ глагола и всего сказуемаго, или начинается мысль глаголомъ. См. прим.

c. Употребляются подлежащія между глаголами, или глаголы между подлежащими и опредѣляющими, или глаголъ оканчиваетъ. См. прим.

d. Глаголы, или подлежащія, или одинакія опредѣленія начинаютъ и оканчиваютъ, или оканчиваютъ и начинаютъ. См прим.

e. *И*, *не*, *ли*, измѣняютъ смыслъ смотря потому, при какомъ словѣ поставлены будутъ. См. прим.

f. Нарѣчія и другія слова опредѣляющія глаголъ относятся къ началу выраженія; и въ случаѣ многихъ разнородныхъ опредѣленій имени или глагола, оныя поставляются по объ-

нимъ сторонамъ ихъ. Вообще слова, которыя заключаютъ большую силу, въ обширныхъ выраженіяхъ поступаютъ къ срединѣ ихъ, а въ малыхъ иногда относятся къ концу, особливо когда означается стремительность, но болѣе поставляются въ началѣ ради внятности и уваженія. Въ семь участвуетъ много и риторское удареніе, располагая, какимъ словамъ болѣе должно дать возвышенія или протяженія; подобно какъ въ многосложныхъ словахъ удареніе относится больше къ срединѣ слова, а въ краткихъ чаще уклоняется отъ послѣдняго слога, что дѣлаетъ языкъ звучнымъ и величественнымъ, на прим. *óбщій*, *óбщество*, *общéственный*, *ýжасъ*, *ужáсный*, *слáва*, *слóво*, *славослóвіе*, *конéцъ*, *окóнчить*, *окончáніе*, *хвалá*, *похвáльный*, *вы́ставилъ*, *пó морю*, *рази́тъ*, *никогдá*. См. прим.

B.

Въ разсужденіи звука словъ и порядка оныхъ къ звукамъ относящагося наблюдается:

1. Языкъ изобилуетъ коренными словами, которыя голосомъ составлены изъ подражанія звукамъ прямо, или движенію и дѣйствію въ природѣ, когда ихъ качество свойствомъ звуковъ выражается; а производныя отъ сихъ словъ иногда усиливаютъ, иногда ослабляютъ оное свойство. Если надобно выразить словами какіе либо звуки или движенія въ природѣ,

или тому сообразныя свои чувствованія, и есть ли тотъ, кто говоритъ или пишетъ, живо чувствуетъ предметъ означаемый, и намѣреніе имѣетъ особенно выразить оный; то сіе по естеству словъ, для того существующихъ въ языкѣ, приходитъ само собою, и можетъ быть усугублено другими словами, однородные звуки содержащими. Напротивъ того слабое чувствованіе предмета или намѣреніе упомянуть о немъ слегка, либо въ иномъ видѣ, употребляя при томъ слова, изъ противоположныхъ звуковъ состоящія, или давъ словамъ иный порядокъ, ослабляютъ выраженіе тѣхъ звуковъ и движеній.

2. Не рѣдко звуки или буквы и слоги, по необходимости вошедшія въ выраженіе, послѣ нечувствительно и безъ нужды влекутъ за собою другія слова съ тѣми же буквами, слогами или звуками, и дотолѣ въ рѣчи повторяются, доколѣ новый предметъ не обратитъ мыслей къ другимъ понятіямъ и словамъ, а потому къ учащенію другихъ звуковъ. Такъ иногда скопляются слова съ буквами *а*, *о*, *гл*, *пр*, *ст*, *жщ*, или иными гласными и согласными, которыя больше другихъ въ тѣхъ словахъ слышны. Собственно сіе составляетъ музыку слова, располагаемую въ различныхъ оборотахъ и напряженіяхъ тоновъ; но таковое стеченіе звуковъ иногда до излишества неприятнаго доходитъ, затрудняетъ выговоръ и обременяетъ

или опускаетъ слухъ. Къ сему принадлежатъ стеченіе многихъ гласныхъ или согласныхъ буквъ, одинакія начала или окончанія многихъ словъ близкихъ, и накопленіе словъ односложныхъ или многосложныхъ.

3. Внимательное искусство для выраженія или смягченія разныхъ звуковъ и движеній въ природѣ, или чувствованій смущенія и покоя, унынія и возвышенія, мученія и веселія, ужаса и приятности, присовокупляетъ отъ себя выборъ словъ и особенный порядокъ оныхъ. Осторожный Витія при неприятномъ стеченіи одинакихъ звуковъ производитъ для отвращенія онаго, перемѣну въ порядкѣ словъ, или созвучныя слова и окончанія замѣняетъ другими. Порядокъ же въ сихъ случаяхъ измѣняется такимъ образомъ, какъ выше сказано о произвольномъ порядкѣ, употребляемомъ для отличнаго знаменованія, вящшей силы и ясности выраженій. И такъ слѣдуетъ предложить:

a. Слова, изображающія звуки и движенія или дѣйствія. См. прим.

b. Выраженія, въ которыхъ находится стеченіе одинакихъ или сродныхъ буквъ и слоговъ. См. прим.

c. Примѣры, въ коихъ посредствомъ звуковъ словесныхъ и порядка словъ выражаются звуки и движенія въ природѣ состоящія и сообразныя съ тѣмъ чувствованія. При семъ особеннаго требуется вниманія къ ударенію и

упорамъ голоса, къ выраженію и послѣдованію звуковъ. См. прим.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ДРЕВНОСТИ ЯЗЫКА СЛАВЕНО-РОССІЙСКАГО И ОТНОШЕНІЯ ЕГО КЪ ДРУГИМЪ ЯЗЫКАМЪ.

1. Языкъ есть одно изъ племенныхъ отличій всякаго народа. Въ свойствѣ и перемѣнахъ того и другаго дѣйствующія причины такъ совокупны, что Исторія народа содержитъ въ себѣ и Исторію языка его. Дѣйствія въ нихъ иныя суть внѣшнія, къ народамъ относящіяся, другія внутреннія, которыя въ образованіи состоятъ. Сіе самое обращаемъ на языкъ Славено-Россійскій.

2. Внѣшнія обстоятельства въ произхожденіи:

а. Въ глубочайшей древности языка Славенскаго обрѣтается нѣкоторое сходство его съ ученымъ, народу невѣдомымъ языкомъ въ Индіи, Самскретъ или Самскрытъ, которымъ одни Брамины говорятъ и пишутъ. Большее сходство явствуетъ съ Кельтскимъ, а потому и съ языками ближайщихъ народовъ Кельтскаго поколѣнія. Судя же по произведенію Славянъ, какъ и однородныхъ имъ Венетовъ или Вендовъ, отъ Сарматовъ или Савро-мидовъ, корнемъ языка ихъ Мидскій принимаемъ.

б. Когда Славяне при Дунаѣ, и на сѣверѣ сложились въ отдѣльные и сильные народы; въ то время и языкъ ихъ большую получилъ полноту и силу. Разсѣяніе Славянъ переселеніемъ въ дальныя страны языкъ ихъ на многія отрасли и нарѣчія раздѣлило.

3. Смѣшеніе на сѣверѣ, сосѣдство, связи и совокупленіе других народовъ по временамъ внесли въ языкъ Славенскій многія иностраныя реченія. Замѣтнѣйшія изъ сихъ отношеній суть:

а. Гоѳовъ, которые отъ моря Балтійскаго сходя по Вислѣ и Днѣпру къ Черному морю и за Дунаемъ съ Славянами въ связи были, и вмѣстѣ съ ними часто войну вели.

б. Чуди. Отъ Балтійскаго моря на востокъ по сѣверу обитающіе Ливоны, Эстоны, Финны и другіе Чудскіе народы сообщеніе имѣли съ Славянами, и подъ одну съ ними власть поступили.

в. Руссовъ. Роксолане или Россалане, обитавшіе на поляхъ между Днѣпромъ и Дономъ, уклонясь къ юговосточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, поселились между Одеромъ и Вислою, на островѣ Ругенѣ, по Курскому заливу и по рѣкѣ Неменю. Иногда подъ именемъ Гоѳовъ, по многимъ ближнимъ связямъ и совокупнымъ походамъ съ ними разумѣлись, собственно же Россянами, Ругіями и Руссами именованы.

Древніе Поруссы или Пруссы одноплеменными имъ почитаются; Литва, Жмудь и Подляхія Русью назывались. Въ произхожденіи и языкѣ своемъ Руссы отъ нѣкоторыхъ Германцамъ причитаются; другіе давнимъ Славянъ поколѣніемъ ихъ поставляютъ, и языкъ ихъ, такой же какъ Прусскій, Литовскій и Летскій, начало свое отъ Славенскаго принявшимъ находятъ. Оставшіеся признаки едва сходство въ нихъ показываютъ; но какъ Вендскій, Славянскому однородный, отъ Нѣмецкаго измѣнился, такъ и тѣмъ языкамъ близость, сосѣдство и связи, однихъ съ Чудью, другихъ съ Нѣмцами, многія иныя примѣси и самое время могли нанесть великое отъ первообразнаго сходства удаленіе. Имя Варяговъ, какъ названіе воинствующихъ, данное многимъ племенамъ Нордманскимъ, было и Руссамъ присоединяемо. Издавна въ войнахъ и связяхъ многихъ были Варяго-Руссы съ Новгородскими и по Днѣпру живущими Славянами; овладѣли Новгородомъ; совокупили Славенскія и другія области въ составъ единаго государства. Отъ нихъ съ начала на Новгородъ, а при Олегѣ на всю сію землю, коея столицею онъ Кіевъ избралъ, имя Руси, Руской земли простерлося. Нашедшіе по городамъ ея Варяго-Руссы отъ первыхъ въ нихъ населенцовъ около 200 лѣтъ отличными были; наконецъ разность ихъ совершенно изгладилась.

г. Татаръ. Отъ долговременнаго ихъ обладанія Россіею получила она нѣкоторые обычаи и многія слова Татарскія.

д. Европейскихъ народовъ. Хотя со времени Великаго Князя Ивана Васильевича начались обширныя сношенія съ Европейцами, и многіе иноземцы въ Россію приходить стали; но дѣйствія сего сообщенія въ языкѣ, а особливо въ словахъ техническихъ, принадлежатъ XVIII вѣку.

4. Внутреннее образованіе:

а. Господствующія области паче другихъ дали силу своему нарѣчію: таковыя суть Новгородская, Кіевская, и Московская. Сліяніемъ ихъ нарѣчій между собою составился очищенный писменный нашъ языкъ, который общимъ употребленіемъ при возрастѣ и перемѣнахъ гражданскаго состоянія образовался въ своихъ видахъ.

б. Сверхъ того имѣлъ онъ издревле образцемъ своимъ переводы книгъ Св. писанія и другихъ церковныхъ. Нѣкоторыя изъ сихъ книгъ переведены въ Моравіи, другія въ Кіевѣ и болѣе при Вел. Кн. Ярославѣ, иныя въ другихъ мѣстахъ Россіи. Чтеніе тѣхъ книгъ и писмоводство, бывшее въ рукахъ одного почти духовнаго состоянія, изъ вѣка въ вѣкъ первообразную чистоту языка передавали, и далече устраниться отъ нея не допустили.

в. Изъ оныхъ книгъ познаемъ избранную часть языка Славенскаго, сколько онѣ по свойству предметовъ своихъ совмѣстить могли. О другой его части, которая, не вошедши въ нихъ изъ языка народнаго, въ простоpѣчіи оставалась съ своимъ изяществомъ, точнаго свѣденія, какъ и видимыхъ памятниковъ неимѣемъ, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, позднѣе явившихся.

г. Великіе Князья Ярославъ и Владиміръ Мономахъ прилагали попеченія о духовномъ словѣ и наставленіи. Многіе въ тѣ времена, даже и изъ Князей, изучены были языкамъ Греческому, по связи съ Греками и пребыванію ихъ въ Россіи, и Латинскому, по всеобщему его употребленію. Въ новѣйшіе вѣки ученіе, возникшее со временъ Царя Ивана Васильевича, и болѣе съ учрежденія духовныхъ Академій въ Кіевѣ и въ Москвѣ, усилившееся многими въ XVIII вѣкѣ основанными учеными заведеніями, разпространило Любословіе, Словесность Россійскую новыми приобрѣтеніями обогатило и великими успѣхами украсило. Вошли между тѣмъ въ языкъ и Грамматику его безполезныя или уродливыя реченія, иностранными языками нанесенныя, изъ коихъ многія прилѣжнѣйшимъ раченіемъ изтреблены.

5. Въ Словесности Славено-Россійской пять періодовъ замѣчаемъ:

а. Къ первому относятся начальные переводы книгъ церковныхъ, и составляютъ древнѣйшіе памятники въ Словесности. Прочее, ежели что писано было, не могло такъ удобно сохраниться. Правда, первые оныхъ книгъ переводы не таковы были, какъ теперь ихъ имѣемъ, но по вѣкамъ нѣсколько перемѣнены въ словахъ, какъ то судить можемъ и по дошедшимъ до насъ стариннымъ тѣхъ книгъ рукописямъ и печатнымъ изданіямъ. Примѣтны вошедшія въ нихъ при самомъ переводѣ многія выраженія по свойству восточныхъ и Греческаго языковъ. Но сквозь все сіе усматриваемъ какъ бывшія уже тогда обиліе, краткость, силу и сладкогласіе языка образованнаго, такъ и свойства его упущенныя въ вѣкахъ позднѣйшихъ.

б. Ко второму 1) Руская правда, изданная Князьями Ярославомъ, сынами его и Владиміромъ Мономахомъ. 2) Повѣсти временныхъ лѣтъ, извѣстныя подъ именемъ Лѣтописи Кіевопечерскаго монаха Нестора, скончавшагося около 1113 года. Въ составленіи оныхъ замѣтить должно старца Яня, о которомъ Несторъ подъ 1106 годомъ упоминаетъ, и продолжателя Лѣтописи, Кіевскаго Игумна Сильвестра, скончавшагося въ 1123 году. 3) Слово о полку Игоревѣ, Игоря сына Святославля, внука Ольгова, героическая поэма, писанная въ

XII вѣкѣ. 4) Поученіе или духовная Владимира Мономаха дѣтямъ своимъ.

в. Къ третьему 1) Продолжатели Несторовой Лѣтописи, неизвѣстный жившій, какъ думаютъ въ Волыніи, Симонъ Суздальскій, Іоанъ Новгородскій и другіе, полагаемые въ XIII и трехъ слѣдующихъ вѣкахъ. 2) Договорныя и другія грамоты Князей съ XIII вѣка, въ древней Россійской Вивліоѳикѣ изданныя. 3) Судебникъ Царя Ивана Васильевича 4) Уложеніе Царя Алексія Михайловича 5) приказныя и другія сочиненія тѣхъ временъ.

г. Четвертый періодъ составляютъ послѣдняя половина XVII вѣка и начало XVIII. Сюда принадлежатъ: 1) Уставы, указы и слогъ судебныхъ дѣлъ. 2) Разныя богословскія, философскія, Риторскія и Піитическія сочиненія духовныхъ, както особенно Симеона Полоцкаго и Ѳеофана Прокоповича. 3) Сатиры и иныя сочиненія Князя Кантемира. 4) Другія къ наукамъ относящіяся сочиненія и переводы (5 Избранныя историческія и другія народныя пѣсни того времени.

д. Пятый періодъ поставляетъ Тредіаковскаго Ломоносова и Сумарокова основателями нынѣшняго чистаго слога, Филологіею и Критикою обработаннаго.

6. Разсуждая всѣ измѣненія Россійскаго языка по мѣсту и времени, видимъ, что онъ при всѣхъ превращеніяхъ и изворотахъ не

только удержалъ силу Славенскаго въ существѣ и высшемъ употребленіи своемъ; но и тѣмъ племенамъ въ семъ видѣ сообщился, которыя съ Славянами смѣшались. Однако кромѣ введенія чуждыхъ словъ и свойствъ, находимъ разности:

а. Въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ, и въ удареніи словъ.

б. Въ прибавкѣ или выпущеніи нѣкоторыхъ буквъ и слоговъ и въ Грамматическихъ перемѣнахъ словъ; въ чемъ также двойственное число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени оставлены. На прим. градъ, городъ; древа, древеса, дерева, деревья; нощію, ночью; князи князья; врази, враги; чту, читаю; предѣлъ, предѣловъ; предѣлы, предѣлами; на чадѣхъ, на чадахъ; мя, меня; ся, себя; идоста, идоша, шли; ходихомъ, мы ходили; явитимися, явиться мнѣ; краснѣе, краше; позднѣе позже.

в. Въ произведеніи, сложеніи и значеніи словъ. Многія слова прежнія оставлены, новыя отъ Славенскихъ корней произведены, новыя окончанія въ словопроизведеніи приняты, иныхъ словъ значеніе перемѣнилось.

г. Въ словосопряженіи и управленіи, на пр. солнце сіяетъ свѣтъ свой; радоватися о Господѣ; идущимъ имъ, очистишася; оже ся буду гдѣ описалъ.

д. Въ слогѣ. Рѣчь возвышенная, а наипаче писменный высокій слогъ придерживаются болѣе словъ, словопроизведенія, словоспряженія и выговора Славенскаго, неудаляясь впрочемъ къ обветшалому употребленію. Рѣчь и писмо простыя слѣдуютъ общенародному изяществу своего времени. Сія разносить слога болѣе произошла отъ сказаннаго въ п. 3.

Л.

Сличеніе Славено-Россійскаго языка съ другими въ словахъ, съ показаніемъ какія введены въ него слова иностранныя и какія изъ нихъ могутъ быть замѣнены Славено-Россійскими.

a. Славено-Россійскія слова звукомъ и значеніемъ сходныя съ иностранными по звукоподражанію и по древнѣйшему сродству. См. прим.

b. Древнія Россійскія слова, вышедшія изъ употребленія или получившія иное знаменованіе. См. прим.

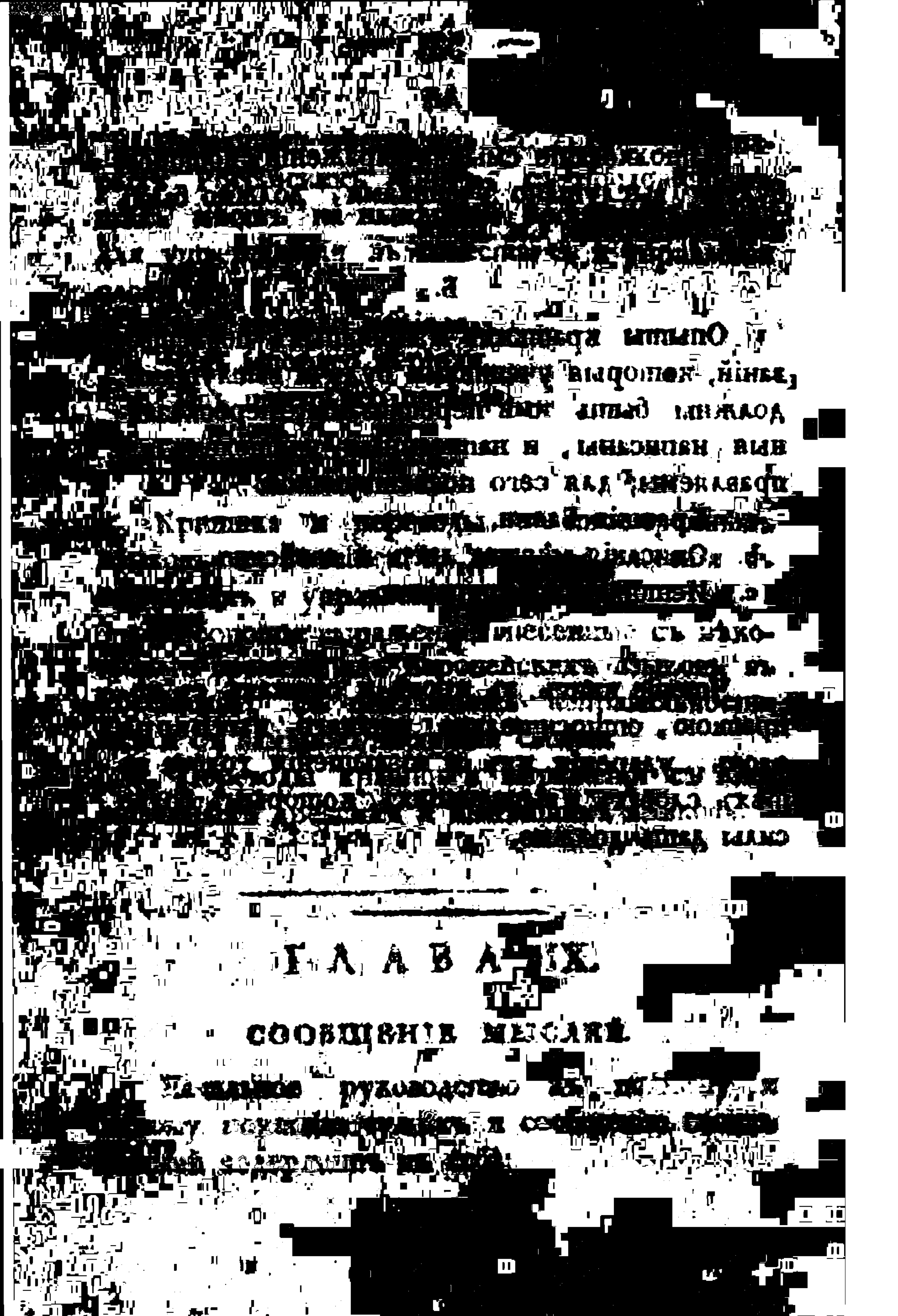
c. Слова Татарскія. См. прим.

d. Слова обыкновенныя Греческія и Латинскія. См. прим.

e. Слова взятыя изъ нынѣшнихъ Европейскихъ языковъ, какъ собственныя ихъ, такъ и переданныя ими изъ древнихъ. См. прим.

f. Слова Еврейскія и Греческія, принятыя церковію. См. прим.

g. Слова иностранныя, которыхъ употребленіе опредѣлено Правительствомъ. См. прим.

[illegible]

Опыты [illegible]

[illegible] занія, которыя [illegible]

[illegible] должны быть [illegible]

[illegible] ныя написаны, и [illegible]

[illegible] правлены, для сего [illegible]

[illegible] Кривыя [illegible]

[illegible]

[illegible] мѣсяцамъ съ нако-

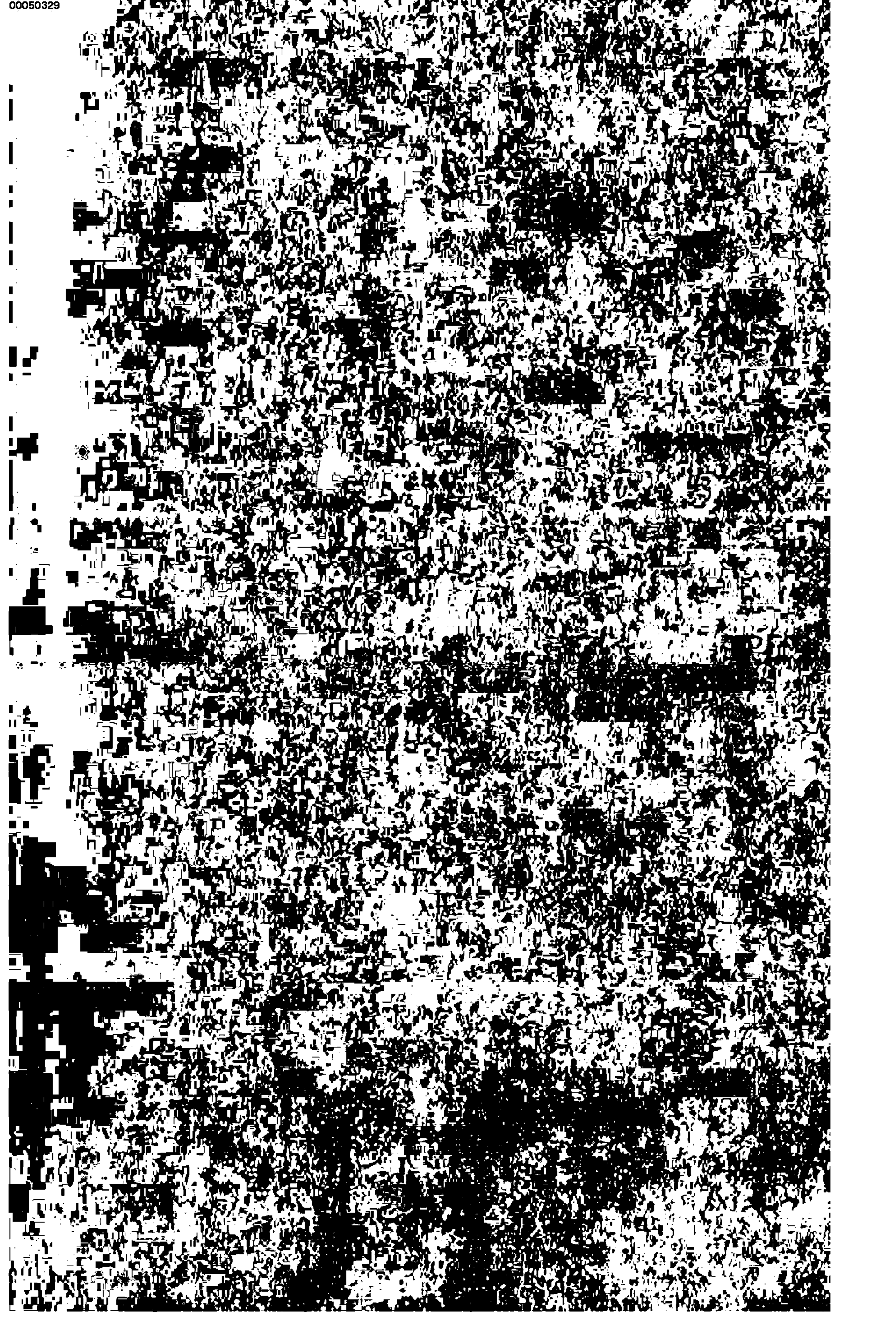
[illegible]

ГЛАВА IX.

СООБЩЕНІЕ МѢСЯЦЪ.

Начальное руководство [illegible]

[illegible]

КУРСЪ ФИЛОСОФІИ

ДЛЯ ГИМНАЗІЙ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

сочиненный

ЛУДВИГОМЪ ГЕЙНРИХОМЪ ЯКОБОМЪ,

Коллежскимъ Совѣтникомъ

и

Кавалеромъ.

изданъ

ОТЪ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ УЧИЛИЩЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

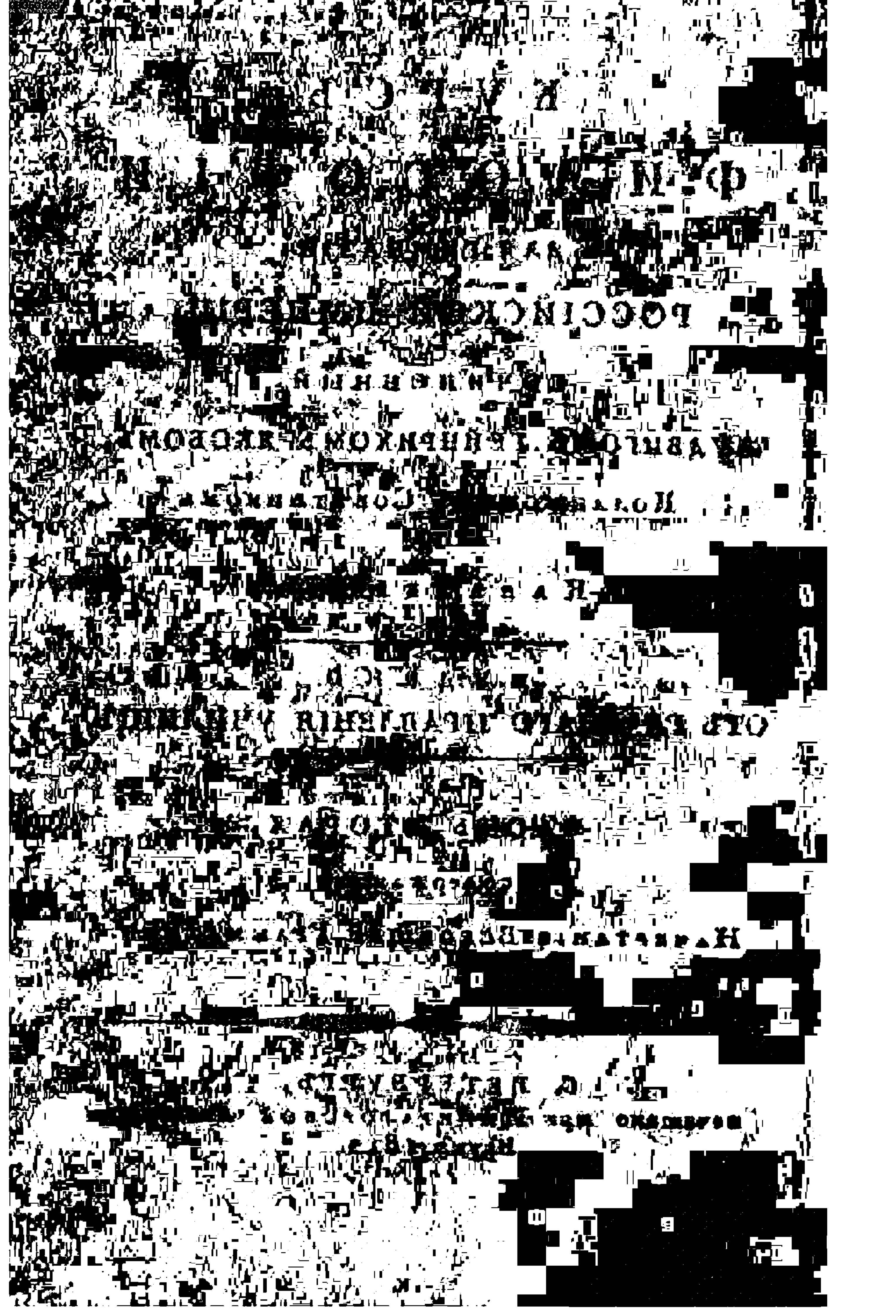
содержащая

Начертаніе Всеобщей Грамматики.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

печатано при Императорской Академіи

Наукъ 1812.

00050329

НАЧЕРТАНІЕ
ВСЕОБЩЕЙ ГРАММАТИКИ,

для Гимназій

Россійской Имперіи

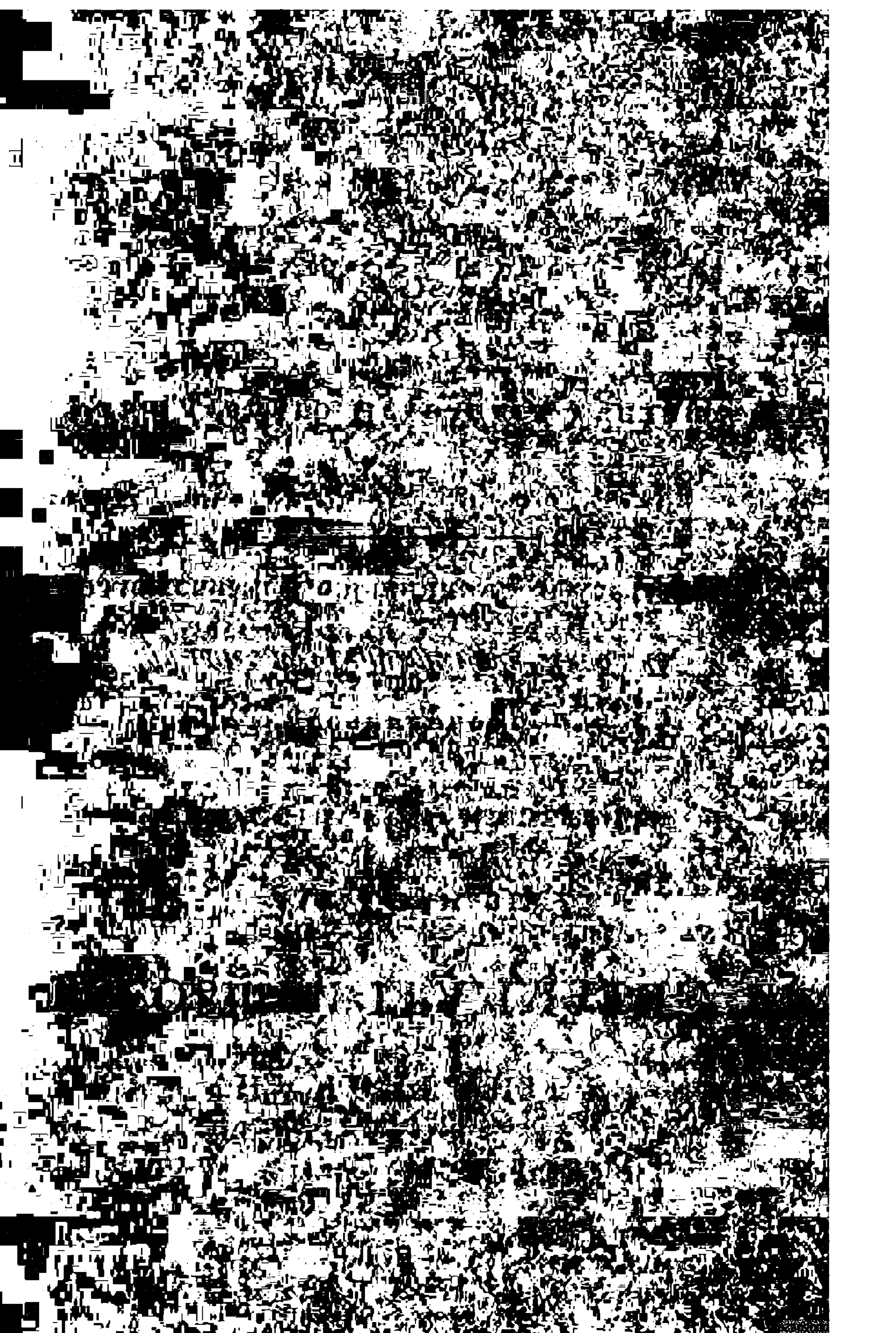
сочиненное

Лудвигомъ Гейнрихомъ Якобомъ,

Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ.

издано

Отъ Главнаго Правленія Училищъ.

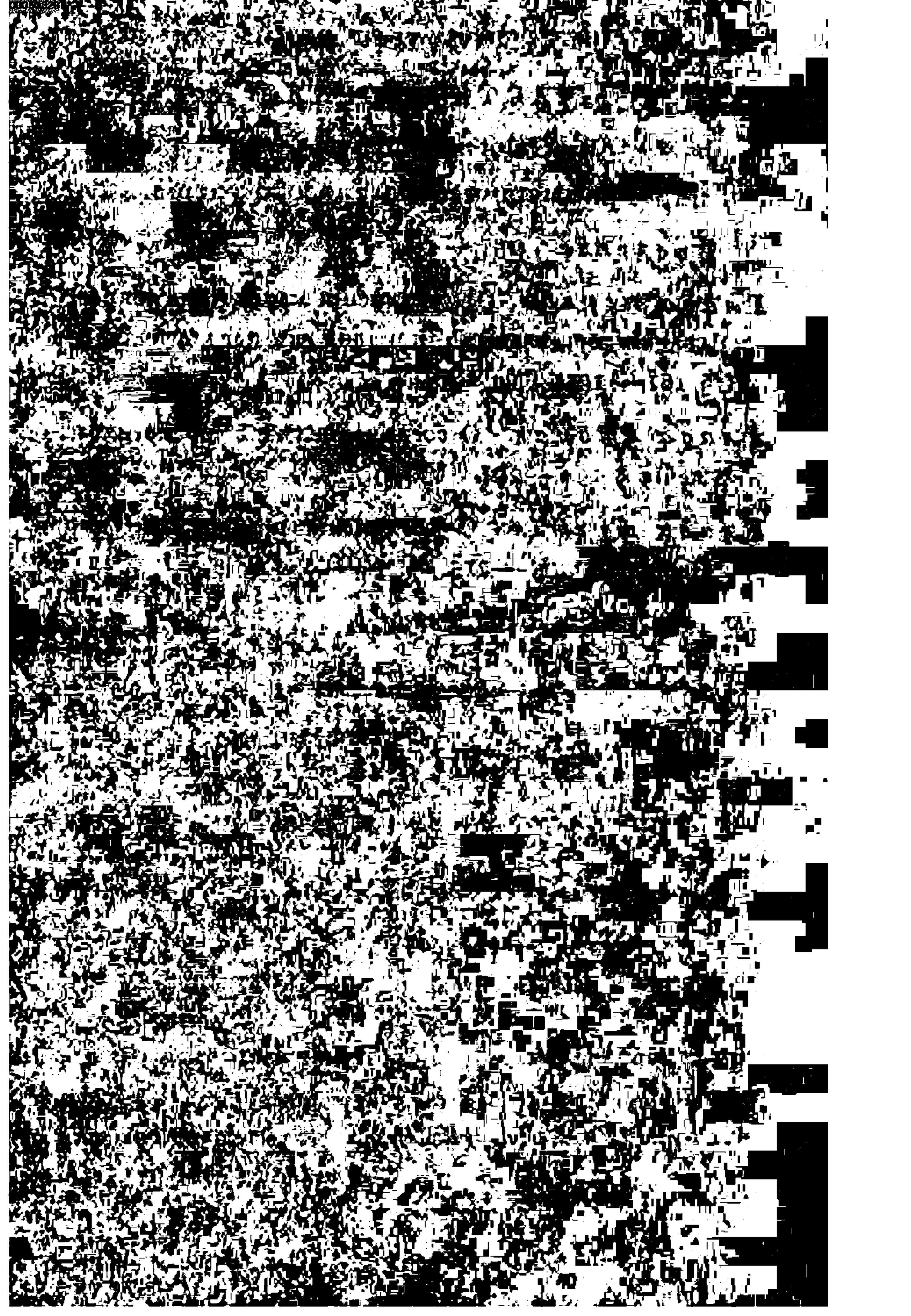
ОГЛАВЛЕНІЕ

Всеобщей Грамматики.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Синтаксисъ,

или Грамматическое способо-ученіе.

ОСНОВАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ГРАММАТИКИ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Понятіе языка.

§ 1.

Каждой чувственный предметъ, служащій средствомъ къ возбужденію другаго опредѣленнаго понятія въ душѣ нашей, и притомъ правильнымъ образомъ, называется *знакомъ*.

§ 2.

Знаки бываютъ или естественные, или искуственные, смотря потому, какъ природа, или искуство сопрягаетъ между собою два предмета столь тѣсно, что понятіе объ одномъ предметѣ возбуждаетъ понятіе о другомъ. Естественные знаки называются также *необходимыми*; а искуственные *произвольными*.

§ 3.

Искуственные знаки означаютЪ *вещи*, или только *понятія*. Примѣчательнѣйшіе знаки послѣдняго рода бываютЪ частію предметы видѣнія, частію предметы слуха. Понятія видѣнія, кЪ сему роду относящіяся, суть: 1) Искуственныя, подходящія впрочемЪ кЪ естественнымЪ, знаки внутреннихЪ душевныхЪ ощущеній, какЪ то: тѣлодвиженія, взоры. 2) Срисовка предметовЪ, изображенія вЪ собственномЪ смыслѣ. 3) Символы, не собственно такЪ называемые, иносказательныя представленія. 4) Черты, то есть, письменные знаки, неимѣющіе никакого сходства сЪ означаемымЪ предметомЪ. Понятія слуха, кЪ сему роду относящіяся, суть звуки, производимые людьми для сего намѣренія. Сіи звуки бываютЪ частію *членообразные*, частію *нечленообразные*; членообразные звуки суть особенные, одинЪ отЪ другаго различные, удобослышимые звуки, изЪ которыхЪ составить можно нѣкоторое цѣлое.

§ 4.

Членообразные звуки, смотря потому, какЪ они употребляются для произвольнаго означенія понятій, называются *словами*.

На Нѣмецкомъ языкѣ дѣлаютъ различіе между Wörter (vocabula) и Worte (verba); ибо словомъ Worte означаютъ удобослышимыя выраженія, поколику онѣ въ рѣчи составляютъ полной смыслъ; а подъ словомъ Wörter разумѣютъ слова, не имѣющія никакой связи.

§ 5.

Говорить значитъ произносить слова, какъ членообразные звуки. Совокупность словъ, для сего употребляемыхъ, называется языкомъ.

§ 6.

Цѣль языка есть *утвержденіе*, а особливо *сообщеніе* мыслей. Говорить (sprechen), выражая чрезъ то свои мысли, называется въ особенности вести рѣчь (reden). Рѣчь есть рядъ словъ, выражающихъ соединяемыя мысли.

§ 7.

Поелику и прочіе искуственные знаки (§ 3) можно употреблять какъ средства, служащія къ сообщенію нашихъ понятій, для того понятіе языка распространили, и назвали *языкомъ* каждую систему такихъ знаковъ, которые можно по произволу употреблять для сообщенія мыслей.

Впрочемъ *словесный языкъ* заслуживаетъ преимущество предъ всѣми; ибо знаки для разумнаго употребленія тѣмъ совершеннѣе: 1) чѣмъ изъ меньшаго числа началъ (Elementen) состоятъ, и чѣмъ легче изъ сихъ началъ можно составить большую разнообразность другихъ знаковъ; 2) чѣмъ легче представляются памяти и воображенію; 3) чѣмъ болѣе подлежатъ произвольному употребленію людей; 4) чѣмъ болѣе служатъ средствомъ не только для собственнаго размышленія, но и для сообщенія нашихъ мыслей; 5) чѣмъ болѣе обстоятельствѣ, въ которыхъ могутъ быть употребляемы и производимы по произволу; 6) чѣмъ менѣе они означаютъ нѣчто самостоятельное, и только почитаются знаками другихъ понятій.

§ 8.

Что слова могутъ быть представляемы буквами, или на *письмѣ*, что они такимъ образомъ получаютъ *постоянство* и бываютъ способны къ сообщенію мыслей въ отдаленнѣйшія времена и пространства, сіе обстоятельство довершаетъ всѣ тѣ выгоды, какія только могутъ имѣть знаки.

§ 9.

Поелику выборъ словъ зависитъ отъ произвола; то легко заключить можно, что всѣ не могутъ употреблять одни и тѣ же слова для означенія одинаковыхъ мыслей. Впрочемъ тѣ, кои хотятъ употреблять языкъ для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей, должны согласиться въ употребленіи одинаковыхъ словъ. По сему люди, живущіе въ общественной связи и всегда во многоразличномъ обращеніи между собою находящіеся, употребляютъ также и одинаковыя слова для означенія одинаковыхъ мыслей, то есть, имѣютъ *одинъ* языкъ. Но чѣмъ независимѣе другъ отъ друга народы возникли, и чѣмъ отдаленнѣе образовались, тѣмъ различнѣе и языкъ ихъ. Слѣдовательно есть весьма *много* языковъ, которые, судя по различному происхожденію и разсѣянію народовъ имѣютъ то болѣе, то менѣе между собою сходства.

II.

О возможности словеснаго языка вообще.

§ 10.

Органическое строеніе тѣла человѣческаго между прочимъ доставляетъ человѣку

способность произвольно располагать нѣкоторыми органами, отъ чего выходитъ то, что мы называемъ *голосомъ* (Stimme). Голосъ есть особенный звукъ, раждающійся отъ того, что воздухъ, въ извѣстныя обстоятельства, посредствомъ напряженія мускуловъ, извергается чрезъ дыхательное горлышко. Тоны сего голоса, какъ въ разсужденіи ихъ силы, такъ и въ разсужденіи высоты и глубины, ограничиваются органами и согласно со свойствомъ оихъ органовъ, описана извѣстная сфера, внутри которой находятся всѣ звуки, какіе только человѣкъ производить способенъ. И такъ хотя голоса недѣлимыхъ лицъ не сходственны между собою; однакожъ они имѣютъ въ совокупности нѣчто сходное, и сіе сходное опредѣляется сходствомъ органовъ.

§ 11.

Помощію сего голоса человѣкъ можетъ производить многоразличные звуки. Примѣчательнѣйшіе изъ оныхъ тѣ, которые употребляетъ онъ такъ, какъ *члены*, или части, соединяя ихъ разнымъ образомъ и производя новые звуки, которые мы называемъ *буквами*.

§ 12.

Сiи буквы сушь разнообразные, одинЪ на другаго не похожiе звуки, чрезЪ различное соединенiе коихЪ можно производить безчисленное множество различныхЪ звуковЪ, которые, вЪ силу сего соединенiя, называются членообразными *звуками*.

§ 13.

КакЪ родЪ, такЪ и число буквЪ ограничивается свойствомЪ язычныхЪ органовЪ, такЪ что оныхЪ ни гдѢ не можетЪ быть много, и сiе обстоятельство весьма много облегчаетЪ употребленiе языка.

§ 14.

Язычные органы сушь:

1) Гортань, мускулами коея производятся всѢ звуки голоса.
2) ЯзыкЪ.
3) Небо.
4) Челюсть.
5) Зубы.
6) Губы.
7) НосЪ.

ПосредствомЪ шести послѢднихЪ орудiй, произведенные гортанью звуки измѢняются столь многоразличнымЪ образомЪ, что отсюда происходятЪ различныя буквы.

§ 15.

Нѣкоторыя изъ сихъ буквъ составляютъ самостоятельные, совершенные, простые и опредѣленные звуки. Таковые звуки обыкновенно называются *гласными* (vocales). Мы производимъ ихъ посредствомъ большаго, или меньшаго отверстія рта и губъ, ни мало не касаясь поднимающимся или опускающимся языкомъ до какой нибудь части устнаго отверстія.

§ 16.

Такъ называемыя *согласныя* (consonantes) суть такіе звуки, которые могутъ быть производимы и отличаемы посредствомъ губъ, языка, зубовъ, носа, неба, челюсти, или также посредствомъ большей части сихъ орудій вмѣстѣ.

§ 17.

Число различныхъ начальныхъ звуковъ, которые должны быть употребляемы, какъ члены совокупныхъ звуковъ въ различныхъ языкахъ, можетъ быть различно, хотя природа органовъ всегда содержитъ оное въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ.

§ 18.

Когда одна буква, или многія вмѣстѣ взятыя выговариваются однимъ разомъ, или

однимъ голосомъ: то сіе называется *слогомъ*, ежели чрезъ то производится совершенно опредѣленный звукъ. Если же одинъ, или многіе слоги соединяются вмѣстѣ для означенія какого либо понятія, или чувствованія; то сіе называется *словомъ*; ежели посредствомъ одного, или многихъ словъ въ совокупности выражается сужденіе то сіе называется *предложеніемъ* (propositio); предложеніе, составленное изъ многихъ предложеній, посредствомъ котораго выражается какая либо соединенная мысль, называется *періодомъ*. Рѣчь (difcours) состоитъ изъ періодовъ.

§ 19.

Произволъ весьма мало перемѣнялъ въ разсужденіи изобрѣтенія слоговъ; но онъ гораздо свободнѣе дѣйствуетъ въ разсужденіи соединенія слоговъ; еще большая свобода примѣчается въ разсужденіи соединенія словъ и предложеній. На семъ основывается сходство и различіе разныхъ языковъ.

§ 20.

Можно думать, что всѣ народы согласились бы употреблять одинакія слова и одинакій языкъ. Впрочемъ сіе соединеніе произошло бы случайно и было бы дѣломъ произвольнаго согласія, точно такъ, какъ введеніе однихъ всеобщихъ письменъ.

III.
О значеніи словъ.

§ 21.

Слова опредѣлены для означенія мыслей. Вѣроятно, очень долго люди не могли перейти отъ нечленообразныхъ звуковъ къ членообразнымъ, и первые опыты сего перехода конечно были слишкомъ грубы и несовершенны. Высота и глубина звука, вѣроятно, много способствовали къ измѣненію выраженій, и начинающій языкъ, думать надобно, состоитъ изъ звуковъ не много различныхъ отъ крика, изражающаго чувствованія, пока наконецъ сіи звуки мало помалу получаютъ лучшую членообразность.

§ 22

Съ разпространеніемъ и усовершенствованіемъ искуствъ, естественнымъ образомъ начали стараться означать вещи, гдѣ можно, такими звуками, которые, хотя сколько нибудь имѣли сходства съ означаемыми предметами. Сіе всего легче можно было сдѣлать тамъ, гдѣ сами предметы отличались звукомъ. Самая природа вещей также вела къ тому, чтобы для означенія тихихъ понятій употребляемы были и звуки тихіе; для означенія грубыхъ и сильныхъ мыслей, грубые и сильные.

Впрочемъ здѣсь произволъ человѣка все еще много дѣйствовалъ; при томъ же сіе искуство въ каждомъ языкѣ долженствовало немедленно наскучить, коль скоро либо не находили болѣе никакого сходства, либо гдѣ оное открыть было очень трудно и гдѣ также изобрѣтатели языка не старались находить оное.

§ 23.

Гораздо сходственнѣе съ разумомъ, слово однажды употребленное, для означенія какого либо понятія, всегда употреблять въ томъ же смыслѣ, дабы и сіе понятіе можно было отличать въ его многоразличныхъ связяхъ съ другими понятіями, равно какъ и самыя сіи связи, при перемѣнахъ слова, при склоненіяхъ онаго и прибавленіяхъ; и такимъ образомъ смотря по перемѣнѣ понятія, перемѣнять и самое слово. Такъ поступлено во всѣхъ, хотя нѣсколько образованныхъ языкахъ; и кажется, сіе однообразное обнаруживаніе способности говорить опредѣляется природою самаго разума, который, съ удерживаніемъ одинаковыхъ понятій, удерживаетъ также и слова и когда перемѣняетъ понятія, посредствомъ измѣненій, прибавленій и т. д., то предпринимаетъ подобную же перемѣну и съ словами.

§ 24.

Ежели перемѣна состоитъ только въ уклоненіи конечныхъ слоговъ, или въ прочихъ тому же правилу подверженныхъ отмѣнахъ: то одно и тоже слово остается непремѣняемымъ и означаетъ одно и тоже понятіе, только въ различныхъ отношеніяхъ. Но и посредствомъ перемѣнъ и прибавленій, изъ опредѣленныхъ словъ могутъ быть составляемы совершенно новыя слова, выражающія различныя понятія, кои имѣютъ нѣкоторое между собою сходство. Такимъ образомъ во всѣхъ нѣсколько образованныхъ языкахъ находятся коренныя, или первоначальныя и производныя слова, и способность какого либо языка составлять великое множество производныхъ словъ изъ не многихъ первообразныхъ составляетъ большее совершенство языка.

§ 25.

Далѣе, поелику разуму свойственно, по сходству чувственныхъ качествъ, дѣйствій и отношеній, думать о качествахъ, дѣйствіяхъ и отношеніяхъ духовныхъ, т. е. умственныхъ и нравственныхъ; то и слова, означающія сіи чувственныя понятія, употребляютъ также для означенія понятій

мысленныхъ, умственныхъ или нравственныхъ, по сходству ихъ съ первыми. Отсюда происходитъ собственное и несобственное значеніе словъ.

§ 26.

Напротивъ, часто самыя сходственнѣйшія вещи означаются самыми несходственнѣйшими словами. Чтобы различать сходственное, надобно отыскать несходственное; такимъ образомъ здѣсь, при выборѣ словъ, послѣдовали разуму и означали весьма сходственнѣйшія вещи, для различія, весьма несходственными, и весьма несходственныя, поколику впрочемъ они имѣли сколько нибудь сходственнаго, подобными или сходственными именами.

§ 27.

Одну и туже вещь можно себѣ представлять по родовому понятію, по понятію вида и по понятіямъ ея свойствъ и отношеній. Всѣ понятія относятся къ одной и той же вещи и однакожъ всѣ сіи понятія различны одно отъ другаго. Равнымъ образомъ, многія различныя слова означаютъ одну и туже вещь; но сія вещь, въ тоже время, можетъ имѣть различные признаки.

Когда одни слова означаютъ одну и туже вещь: то они кажутся намъ тождезначущими; но когда они показываютъ различные признаки одной и той же вещи: то и сами бываютъ при семъ различны. Таковыя слова называются *синонимами*-сходными словами. Ежели бы первоначально означая одно и тоже понятіе многими словами, употребляли оныя за совершенно однозначущія: то было бы сіе вреднымъ *роскошествомъ* (Luxus) языка, которое можно бы было обратить въ пользу для него развѣ тѣмъ, что впредь стали бы означать сими словами различныя понятія касательно одной и той же вещи.

IV.

Необходимость языка.

§ 28.

Мышленіе состоитъ въ раздѣльномъ представленіи признаковъ вещи, или частныхъ представленій (см. Лог. § 3, 10); разумъ ни о чемъ бы не могъ мыслить, ежели бы чувства не доставляли ему матеріи. Ибо дѣйствованіе разума состоитъ только въ томъ, что онъ объемлетъ многоразличное чувствами доставленное, или понятію

даетъ форму. Но чувства всегда представляютъ нѣчто недѣлимое; а не всеобщее, или признакъ понятія *въ отвлеченности* (in abstracto). Если же таковой признакъ долженъ быть представленъ чувственно: то надобно приложить его къ другому чувственному предмету, и такимъ образомъ равномѣрно сдѣлать недѣлимымъ.

§ 29.

Таковой чувственный предметъ, служащій только средствомъ къ представленію только частныхъ понятій, или признаковъ въ отвлеченности (in abstracto) равнымъ образомъ называется знакомъ. Слѣдовательно знаки необходимо нужны къ мышленію, посляку безъ оныхъ не можно никакой мысли въ отвлеченности составить, а тѣмъ паче удержать.

§ 30.

Но хотя бы словесной языкъ былъ и нѐ совершенно необходимъ къ мышленію; однакожъ разумъ, неоспоримо, безъ онаго никогда не могъ бы достигнуть той степени совершенства, котораго онъ при помощи языка достигнуть можетъ, посляку языкъ способнѣе всѣхъ возможныхъ признаковъ, какъ къ сохраненію, такъ и сообщенію другимъ нашихъ мыслей.

§ 31.

Слѣдственно словесной языкъ необходимъ къ усовершенствованію разума. И самая даже природа, въ язычныхъ органахъ и въ естественномъ побужденіи, назначила оной къ ознаменованію и сообщенію внутреннихъ чувствованій. Коль скоро составились общества, то нудящая къ тому склонность обнаружилась въ человѣкѣ столько, что онъ вездѣ, гдѣ только находится въ соединеніи съ другими, ему подобными, изобрѣтаетъ языкъ.

V.

Познаніе языка - Грамматика. Всеобщая Грамматика.

§ 32.

Образованіе народовъ познается только по ихъ языку. Поучающійся въ различныхъ языкахъ и ихъ измѣненіяхъ научается вмѣстѣ познавать духъ и перемѣны образованности націй, говорящихъ тѣмъ языкомъ.

§ 33.

Во всякомъ языкѣ надобно обращать вниманіе на два предмета: 1) на самыя слова, составляющія матерію или содержаніе языковъ; 2) на образъ и способъ, какъ сіи слова составляются, измѣняются, или на форму.

§ 34.

Начертаніе правилъ, по которымъ въ какомъ либо языкѣ слова составляются, перемѣняются, и соединяются въ предложенія и періоды, (§ 18) т: е: начертаніе формы языка составляетъ предметъ Грамматики того языка.

§ 35.

Сравнивая различные языки, находимъ; какъ въ звукахъ ихъ словъ, такъ и въ правилахъ, по которымъ слова составляются, измѣняются и соединяются, нѣкоторыя сходства и нѣкоторыя несходства; откуда можно вывесть многія слѣдствія для Исторіи народовъ и ихъ образованія. Грамматика, опредѣляющая, посредствомъ сравненія, сходство и несходство многихъ языковъ, называется *Сравнительною Грамматикою.*

§ 36.

Но мы усматриваемъ также и нѣкоторые законы, между правилами языка заключающіеся, безъ коихъ нигдѣ и никакой языкъ состоять не можетъ; усматриваемъ еще и другіе, коимъ всякой языкъ долженъ быть подверженъ, естьли хотятъ его усовершенствовать. Сія законы выводятся изъ понятія формы языка вообще, и слѣдственно

необходимы для всякаго языка безъ различія (a priori). Наука, излагающая законы формы каждаго языка вообще, называется *Всеобщею Грамматикою*, или *Всеобщимъ Языкоученіемъ.*

§ 37.

Для того Всеобщая Грамматика показываетъ 1) существенное и необходимое во всѣхъ языкахъ, слѣдственно опредѣляетъ также всѣ тѣ предметы, о коихъ должно разсуждать въ каждой частной Грамматикѣ; 2) содержитъ начала, по которымъ должно судить, и даже содѣйствовать къ усовершенствованію каждаго языка.

VI.

Раздѣленіе Всеобщей Грамматики.

§ 38.

Языкъ служитъ къ выраженію мыслей. Такъ какъ мы при разсматриваніи мыслей различаемъ: 1) дѣйствованія разума порознь, и 2) ихъ соединеніе въ одно цѣлое; подобнымъ образомъ каждой языкъ долженъ имѣть: 1) нѣкоторыя извѣстныя начала (elementa), служащія къ означенію особенныхъ мыслей и ихъ измѣненій, и 2) образъ и способъ, какъ сіи особенныя составныя части

языка соединяются и приводятся въ одно цѣлое. Всеобщая Грамматика излагаетъ всеобщія начала, на которыхъ основывается раздѣленіе сихъ составныхъ частей, ихъ перемѣны, и соединеніе. Посему она раздѣляется на двѣ части: на Руководство къ Грамматическимъ началамъ, и Грамматическое Методоученіе. —

§ 39.

Руководство къ Грамматическимъ началамъ есть *Всеобщая Θеорія* частей рѣчи; Грамматическое Методоученіе есть *Всеобщій Синтаксисъ*.

§ 40.

Всего вѣрнѣе найти можно всѣ возможныя части рѣчи, чрезъ разсматриваніе понятій, выражаемыхъ посредствомъ рѣчи. Сіи понятія по своему содержанію суть: или мысли, или чувствованія; слѣдственно всѣ слова суть: или слова мыслей, или слова чувствованій.

§ 41.

Слова, чувствованіе выражающія (interjectiones), не означаютъ понятія о чувствованіяхъ, но самое состояніе чувствованія, и слѣдственно всѣ онѣ по своей формѣ одинаковы.

§ 42.

Ежели надобно посредствомъ языка выразить всѣ различные роды дѣйствованій мышленія: то надлежитъ также имѣть въ готовности для каждой особой формы дѣйствованія мышленія и особенную форму словъ; и потому возможныя и для совершенства языка необходимыя составныя части рѣчи наилучшимъ образомъ открываются посредствомъ систематическаго начертанія дѣйствованій мышленія.

§ 43.

Начала мыслей (elementa) основательно познаются изъ разложенія сужденія. Сужденіе состоитъ: 1, изъ подлежащаго, 2, изъ сказуемаго, 3, связи; но всѣ сіи три части могутъ быть представлены или (implicite) сокровенно, то есть, чрезъ сопряженіе всѣхъ ихъ опредѣленій въ одно дѣйствованіе мышленія; или (explicite) явственно, прибавляя въ сужденіи одно опредѣленіе къ другому. Такимъ же образомъ можно себѣ представлять понятія, или даже и цѣлыя предложенія въ ихъ особенныхъ между собою отношеніяхъ, и многоразлично сопрягать одно съ другимъ. Вотъ всѣ перемѣны, каковыя разумъ можетъ предпринимать въ кругу понятій и сужденій.

§ 44.

И такъ всѣ слова, въ какомъ бы то ни было языкѣ, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе классы:

1. На слова, означающія подлежащее (nomina substantiva et pronomina).
2. На слова, означающія сказуемое:
   a) словъ, означающихъ подлежащее (adiectiva).
   b) словъ, означающихъ сказуемое (adverbia).
3. Слова, выражающія сужденіе.
4. Слова, означающія отношеніе.
   a) слова единственныхъ понятій (praepositiones).
   b) слова предложеній (conjunctiones).
5. Слова, выражающія чувствованіе (interjectiones).

§ 45.

Чтобъ выразить съ одной стороны разныя отношенія понятій, съ другой стороны сходныя, сродственныя и между собою соединенныя понятія, всего легче и естественнѣе: 1, показать отношенія однихъ понятій къ другимъ, посредствомъ небольшихъ перемѣнъ одного и того же слова; 2, вывесть изъ первоначальнаго слова новыя

слова, и, чрезъ различныя формы сего производства, опредѣлить различность ихъ значенія; 3, чрезъ соединеніе многихъ словъ творить новыя, и тѣмъ самымъ выражать соединенныя понятія.

§ 46.

Для открытія правилъ, по которымъ слова соединяются въ предложенія, періоды и цѣлыя рѣчи, надлежитъ показать, какимъ образомъ части рѣчи могутъ быть между собою соединяемы, какъ для опредѣленія единственныхъ понятій, такъ и для составленія цѣлыхъ предложеній и періодовъ, и поелику не только: 1) форма самыхъ словъ; но также и 2) положеніе и 3) тонъ выговора словъ весьма много могутъ содѣйствовать къ облегченію уразумѣнія смысла: то Словосочиненіе (Синтаксисъ) должно будетъ предлагать о всѣхъ сихъ предметахъ.

§ 47.

Посему разсужденіе о Всеобщей Грамматикѣ раздѣлится на слѣдующія главныя отдѣленія:

I. О единственныхъ частяхъ рѣчи.

A) о различной природѣ частей рѣчи.

B) о измѣненіяхъ единственныхъ словъ.

C) о составленіи и произведеніи словъ.

D) о соединеніи словъ.

II. О словосочиненіи.

А) о соединеніи единственныхъ словъ, для опредѣленія понятій.

В) о соединеніи словъ въ предложенія и предложеній въ періоды.

С) о словосочиненіи и просодіи вообще.

§ 48.

Честь изобрѣтенія Всеобщей Грамматики принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Знаменитѣйшіе писатели по сей части слѣдующіе: Hermes, or a Philosophical inquiry concerning language and universal grammar, by J. Harris. London, 1751.

Of the origine and progrefs of language, by James Burnet, Lord of *Monboddo*, London, IV части, 1775—92.

De Brofses: traité de la formation mecanique des langues. Paris 1765. 2 Tomes.

Grammaire générale par *Beauzée*. Paris 1767.

Le Mecanisme de la parole suivi de la description d'une machine parlante, par de *Kempelen*.

Principes de Grammaire, ou Des causes de la parole, par du *Marsais*. n. ed.

Verſuch einer an der menſchlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre, entworfen von J. Meiner Leipz. 1781.

Elémens de grammaire générale par R. A. *Sicard*, à Paris 1801. Vol. II.

A. J. Sylvester de Sacy's Grundsätze der allgemeinen Sprachlehre. übers. von J. S. Vater. Halle

J. S. Vater's Versuch einer allgemeinen Sprachlehre mit einer Einleitung über den Begriff und Ursprung der Sprache u. s. w. Halle 1801.

Dessen Lehrbuch der allgemeinen Grammatik besonders für höhere Schulclassen mit Vergleichung älterer und neuerer Sprachen, Halle 1805.

Dessen Übersicht des neuesten, was für Philosophie der Sprache in Deutschland gethan worden ist. Gotha 1799.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О частяхъ рѣчи въ особенности или Руководство къ Грамматическимъ началамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О свойствѣ различныхъ частей рѣчи.

I.

О словахъ, подлежащее означающихъ (Subjectswörter).

§ 49.

Все воображаемое, т. е. всѣ понятія можно представлять себѣ подлежащими. Но ежели уже форма слова заключаетъ въ себѣ признакъ, по которому какое либо понятіе должно себѣ представлять подлежащимъ: то слово, оное выражающее, называется *словомъ подлежащаго* (выражающимъ подлежащее Subjectswort).

Форма, по которой слово подлежащаго, узнается таковымъ, можетъ состоять или въ окончаніи, или въ свойственномъ слову членѣ, или въ возможности оное склонять, или въ другомъ какомъ нибудь правилѣ. Чѣмъ опредѣленнѣе правила, по которымъ слова подлежащаго своею формою тотчасъ отличаются, тѣмъ языкъ совершеннѣе,

§ 50.

Слова подлежащаго сушь, или *имена* нѣкоторыхъ удобомыслимыхъ предметовъ, означающія вмѣстѣ качества сихъ предметовъ, или выражаютъ только подлежащія, о коихъ говорится вообще, и указываютъ только на тѣ имена. Первыя слова называются *существительными именами*, а послѣднія *мѣстоименіями*.

Поелику сперва должно назвать вещь, о которой надлежитъ разсуждать; по тому однѣ существительныя имена сообщаютъ смыслъ предложеніямъ; безъ нихъ не моглобъ состоять никакое сужденіе о различныхъ вещахъ. Для сего-то называются онѣ также *главными словами* (Hauptwörter).

A.

О существительныхъ именахъ въ особенности.

§ 51.

Подлежащія, о коихъ разсуждать можно, по своему содержанію, безчисленны; а по формѣ обѣемлютъ онѣ или недѣлимыя вещи (существа, substantia, substanzen), или только качества оныхъ вещей (случайности, accidencia, accidenzen). Тѣ подлежащія называются

именами существительными существенными (substantiva substantialia), а сіи *существительными качественными* (substantiva accidentalia).

§ 52.

Существительныя имена суть: 1) или *собственныя* имена, или *общія*, смотря потому какъ составляютъ названіе одного недѣлимаго подлежащаго, или многихъ вмѣстѣ. 2) *Собирательныя*, или *раздѣлительныя* имена, смотря по тому, какъ наименованіе принадлежитъ или только цѣлой массѣ однородныхъ частей вмѣстѣ взятыхъ, или каждой вещи порознь, составляющей сію массу.

§ 53.

Качественныя имена также суть или общія, или собственныя, смотря потому, заключаютъ ли онѣ въ себѣ виды качествъ, или не заключаютъ.

§ 54.

Посредствомъ общаго понятія можно выразить какъ *цѣлой* родъ, такъ и часть сего рода; какъ цѣлое, сложенное изъ многихъ однородныхъ составныхъ частей, такъ и часть сего цѣлаго. Сихъ различій одними только именемъ означить не льзя. Но онѣ

могутъ быть показаны или связію съ другими понятіями, или особыми склоненіями словъ, или размѣщеніемъ оныхъ, или также особенными посторонними словами.

§ 55.

Слова какого нибудь языка, служащія только къ ограниченію понятія подлежащаго, въ разсужденіи количества предмета, онымъ понятіемъ представляемаго, называются *членами* (articulus).

Членъ можетъ быть:

1) *Родовой* (articulus genericus), показывающій, что слово означаетъ понятіе вообще, во всемъ его пространствѣ, или что какой либо особенный предметъ рода должно означать родовымъ признакомъ.

2) *Раздѣлительный* (articulus partitivus), показывающій, что слово выражаетъ только часть понятіемъ означаемаго.

3) *Единственный*, показывающій, что изъ многихъ вещей, въ понятіи содержащихся, одинъ какой нибудь предметъ означается.

§ 56.

Членъ употребляется также для показанія, что слово есть имя существительное, или за оное должно быть почитаемо.

§ 57.

Членъ не составляетъ существенной части языка; ибо означаемое онымъ можно выражать и другими способами. Впрочемъ члены служатъ средствомъ къ умноженію ясности и опредѣленности языка, и слѣдовательно принадлежатъ къ совершенству онаго.

§ 58.

Хотя члены въ нѣкоторыхъ случаяхъ поставляются; но тамъ они не нужны, 1) гдѣ или количество понятія уже самимъ именемъ и вещь сама по себѣ достаточно опредѣлены, или 2) гдѣ понятія, въ разсужденіи его количества, опредѣлять не должно.

§ 69.

Самое примѣтное отличіе въ естественныхъ предметахъ есть: 1) *одушевленное* и *неодушевленное*; 2) въ одушевленномъ родѣ (полъ). И то и другое можно бы удобно означать формулою словъ и дѣйствительно нѣкоторые языки оною выражаютъ одушевленное и неодушевленное. Но всѣ намъ извѣстные образованные языки, формою словъ, означаютъ родъ.

§ 60.

Слѣдуя природѣ вещей, можно различать *мужеской* и *женской* родѣ только вѣ одушевленныхѣ и органическихѣ существахѣ, и вѣ семѣ послѣднемѣ разрядѣ вещей находится только *сходство* (analogie) рода, которое открыто уже проницательностію ума образованнаго, и которымѣ слѣдовательно не могѣ руководиться изобрѣтатель языка. Родѣ органическихѣ существѣ и даже многихѣ животныхѣ примѣченѣ вѣ позднѣйшія времена; примѣчаніе, ни чуть неспособствовавшее вѣ опредѣленію рода словѣ!

§ 61.

И такѣ, разсуждая философски, надлежало бы все вѣ природѣ, носящее на себѣ печать мужескаго рода, означать *мужескою формою* словѣ; относящееся кѣ женскому роду, *женскою формою* словѣ; а то, вѣ чемѣ никакой родѣ не примѣтенѣ, *формою словѣ, неимѣющею рода*, или подведя вещи подѣ одинѣ родѣ, означать оныя формою *вещнаго* рода. Но какѣ первые изобрѣтатели языка не дѣлали столь тонкаго и точнаго различія; то и вѣ языкахѣ не находится такой опредѣленности.

§ 62.

Впрочемъ наклонность, сколько можно, все подводить подъ одинъ родъ, кажется столь же естественною, какъ и сильною, ибо каждой нѣсколько очищенной языкъ не упускалъ сего изъ виду. Гдѣ природа не ясно показываетъ родъ, тамъ словоопредѣлители часто руководствовались одними посторонними вещами и сходствами, кои, по различію языковъ, бываютъ различны, и слѣдовательно могли подать поводъ къ различнымъ заключеніямъ; по сему слова, означающія однѣ и тѣже понятія въ разныхъ языкахъ, причислены къ разнымъ родамъ.

§ 63.

Въ семъ выборѣ изобрѣтатели словъ, кажется, наблюдали слѣдующія правила:

1) Гдѣ родъ болѣе всего былъ примѣтенъ, тамъ онъ отличался правильнѣйшимъ, точнѣйшимъ и общнѣйшимъ образомъ.

2) Часто, случайно выбравши окончаніе слова, причисляли оное къ роду словъ подобнаго окончанія.

3) Поелику необразованной человѣкъ почитаетъ за одушевлённыя и одаренныя родомъ такія вещи, кои сихъ качествъ не имѣютъ; то здѣсь много зависѣло отъ того,

изъ какой точки зрѣнія тотъ или другой народъ сперва разсматривалъ какой либо предметъ.

4) Полъ, въ которомъ прежде всего что нибудь примѣтили, часто, можетъ быть, подавалъ поводъ къ опредѣленію рода. Мужескои родъ образовался изъ того, что сперва примѣтили въ мущинѣ; женскій, что въ женщинѣ; а то назвали не имѣющимъ рода, чего не замѣтили въ обоихъ родахъ, или чего ни въ которомъ изъ нихъ не нашли.

§ 64.

Можно было означить родъ особенными сторонними словами; но способъ означенія посредствомъ перемѣны формы словъ останется завсегда совершенствомъ языка.

B.

О мѣстоименіяхъ (Pronominibus).

§ 65.

Говорящіе между собою часто поставляютъ предметомъ своего разговора самихъ себя и тѣхъ, съ коими говорятъ; но часто говорятъ они и о третьемъ предметѣ и моглибъ означать сіе: 1) особенною формою слова, сужденіе выражающаго (глагола), касалось ли бы сужденіе до говорящаго и того,

съ кѣмъ говорятъ, или до кого либо, чего либо третьяго; 2) то же самое могло случиться посредствомъ особенныхъ личныхъ окончаній именъ, подлежащее означающихъ, или 3) посредствомъ особенныхъ словъ, кои вообще указываютъ на тѣ имена, и объ нихъ напоминаютъ. Послѣдній родъ словъ называется *мѣстоименіями*.

§ 66.

Мѣстоименія напоминаютъ или объ имени самаго подлежащаго, или о нѣкоторыхъ качествахъ онаго, въ предъидущей рѣчи выраженныхъ; тѣ могутъ назваться *мѣстоименіями существительными* (sùbjectsvertreter), а сіи *мѣстоименіями прилагательными* (praedicatsvertreter).

§ 67.

Мѣстоименія существительныя указываютъ или на *лица*, или на *вещи* и ихъ *качества*. Первыя могутъ назваться *личными* мѣстоименіями, а послѣднія *вещными*.

§ 68.

Говорящее лице называется *первымъ лицемъ*; то, съ коимъ говорятъ, вторымъ; о которомъ говорится, *третьимъ*. Вещи, о которыхъ говорится, всегда составляютъ

нѣчто *третье*, отличное отъ говорящаго лица, и того, съ коимъ говорятъ. И такъ о вещахъ говорятъ всегда какъ о третьемъ лицѣ. Слѣдовательно личныя мѣстоименія заступаютъ мѣсто *перваго*, или *втораго*, или *третьяго* лица; но вещныя мѣстоименія всегда подобныя мѣстоименіямъ, заступающимъ мѣсто третьяго лица, всегда бываютъ мѣстоименіями личными и вмѣстѣ вещными; ибо по формѣ не льзя различить лице ли, или вещь составляетъ то третье, о чемъ говорится.

§ 69.

Мѣстоименія существительныя, по своему значенію, могутъ быть *чистыя*, или *смѣшенныя*, смотря потому, одно ли подлежащее означаютъ, или еще постороннія опредѣленія въ себѣ заключаютъ. Чистыя мѣстоименія суть:

1) *Возносительныя*, или *соединительныя* мѣстоименія, показывающія имѣстѣ, что предложеніе служитъ опредѣленіемъ предвидущаго въ рѣчи подлежащаго.

2) *Указательныя*, на подлежащее указывающія.

3) *Вопросительныя*, представляющія подлежащее предложенія проблемою (задачею).

4) *Опредѣлительныя*, показывающія, что опредѣленіе подлежащаго должно еще за симъ послѣдовать и т. д.

Когда чистыя мѣстоименія заступаютъ мѣсто подлежащаго, какъ *предмета* предложенія; то означаютъ онѣ подлежащее другаго, или того же предложенія. Въ послѣднемъ случаѣ назвали мѣстоименія *возвратными* (reciproca), или *уклонительными* (reflexa).

§ 70.

Мѣстоименія прилагательныя не стоятъ однѣ, но вмѣстѣ съ существительнымъ именемъ и указываютъ на опредѣленія, содержащіяся въ предъидущей или послѣдующей рѣчи Таковыя мѣстоименія во Французскомъ языкѣ: ce, quel, и т. д. Онѣ полагаются вмѣсто одной части имени, т. е. вмѣсто особенныхъ опредѣленій онаго и слѣд. прямыя мѣстоименія не могутъ быть прилагательными именами, а еще того менѣе членами.

Слова отъ мѣстоименій произведенныя напр: meus, tuus, noster, и т. д. означающія отношенія, или свойства, не составляютъ мѣстоименій, но прямыя прилагательныя имена.

§ 71.

Прилагательныя мѣстоименія также суть чистыя, или смѣшенныя, смотря потому, объ однѣхъ ли опредѣленіяхъ подлежащаго онѣ напоминаютъ, или еще о посторонних понятіяхъ.

II.

О словахъ, выражающихъ сказуемое (Prädicatswörter).

§ 72.

Подлежащее можно представлять себѣ содержащимся въ другомъ подлежащемъ такъ, что одно подлежащее представляется сказуемымъ другаго подлежащаго. И потому слова, означающія подлежащее, можно употреблять для означенія сказуемыхъ.

§ 73.

Но ежели сказуемыя выражаютъ однѣ только части, или признаки понятія: то онѣ посредствомъ особой формы словъ должны быть представляемы токмо какъ составныя части другаго понятія, которыя сами по себѣ во все не могутъ состоять; въ семъ случаѣ называются онѣ словами, означающими сказуемое (prädicatswörter), не по своему веществу, но по своей формѣ.

§ 74.

Поелику 1) подлежащее, 2) сказуемое и 3) связка (copula) посредствомъ сказуемыхъ опредѣляются точнѣе, то могутъ быть также особенныя формы для сказуемыхъ подлежащаго, сказуемаго и связки.

§ 75.

Сказуемыя подлежащихъ называются прилагательными именами; поелику онѣ прилагаются къ существительному имени для поясненія, или точнѣйшаго опредѣленія и способствуютъ къ составленію части имени.

§ 76.

Связка (copula), собственно говоря, всегда одинакова. Ближайшія опредѣленія всегда можно почитать относящимися къ подлежащему, или сказуемому. Но поелику для связки необходимо нужны подлежащее и сказуемое; то глаголы обыкновенно выражаютъ всеобщее подлежащее и вмѣстѣ определенное сказуемое. И такъ когда слово придается для ближайшаго опредѣленія глагола; то оное служитъ не столько къ ближайшему опредѣленію связки, сколько къ опредѣленію подлежащаго, или сказуемаго выра-

женнаго глаголомъ. Посему всѣ слова, присовокупляемыя къ глаголамъ, имѣютъ форму или прилагательныхъ, или словъ, означающихъ сказуемое и къ прилагательнымъ относящихся, которыя называются нарѣчіями.

Salvus heri Romam perveni. Слово *salvus* служитъ къ опредѣленію подлежащаго ego выраженнаго глаголомъ perveni и слѣдовательно оно есть сказуемое слова выражающаго подлежащее, heri служитъ къ опредѣленію сказуемаго veniens выраженнаго глаголомъ perveni. Сіе предложеніе, будучи развязано, гласило бы такъ: Ego salvus est perveniens heri Romam. Даже всѣ отрицательныя нарѣчія можно почитать принадлежащими къ именамъ прилагательнымъ.

§ 77.

И такъ всѣ слова, выражающія сказуемое, можно раздѣлять на сказуемыя подлежащихъ, или сказуемыхъ. Тѣ называются прилагательными именами, а сіи нарѣчіями.

Латинскія наименованія *adjectivum* и *adverbium*, равно какъ и переводъ оныхъ въ другихъ языкахъ мало выражаютъ существо сихъ словъ.

§ 78.

Нарѣчія не составляютъ совершенно необходимыхъ частей рѣчи; ибо ихъ понятія

можно выражать другими словами. Впрочемъ онѣ способствуютъ къ краткости и легкости выраженія и слѣдственно принадлежатъ къ совершенству языка.

§ 79.

Какъ прилагательныя, такъ и нарѣчія, по содержанію, можно раздѣлять на чистыя и смѣшенныя, смотря по тому, одно ли онѣ сказуемое сказуемаго, или еще и посторонныя опредѣленія выражаютъ. Смѣшенныя прилагательныя вмѣстѣ выражаютъ дѣйствіе, или страданіе, и въ семъ послѣднемъ отношеніи, подобно причастіямъ, принадлежатъ къ глаголамъ. Онѣ могутъ называться прилагательными дѣйствительными, страдательными, или средними. Чистыя прилагательныя суть тѣ, кои, не заключая въ себѣ ни дѣйствія, ни страданія, выражаютъ одно качество вещи. Смѣшенныя нарѣчія суть тѣ: 1) кои вмѣстѣ связываютъ рѣчь съ предыдущею рѣчью; таковы нарѣчія *возносительныя*.

2) Кои вмѣстѣ спрашиваютъ и слѣдовательно проблематически представляютъ опредѣленія и ожидаютъ онаго отъ послѣдующей рѣчи — нарѣчія *вопросительныя* (adverbia interrogandi).

III.

О словахъ, выражающихъ сужденіе (глаголахъ).
(Von den Urtheilswörtern).

§ 80.

Сужденіе состоитъ въ дѣйствіи ума, посредствомъ котораго опредѣляется отношеніе многихъ представленій къ одному предмету. Слово, выражающее сіе дѣйствіе, называется словомъ, выражающимъ сужденіе (глаголомъ).

Грамматики называютъ оное глаголомъ, или, по превосходству словомъ (*verbum*); потому что всѣ прочія слова посредствомъ сего слова получаютъ значеніе и связь.

§ 81.

Къ сужденію принадлежитъ 1) понятіе, представляющее опредѣляемый предметъ-*подлежащее*, 2) понятіе, которымъ сіе подлежащее опредѣляется — *сказуемое* и 3) дѣйствіе соединенія — *связка* (copula). Поелику сіи три вещи всегда необходимо принадлежатъ къ сужденію; то онѣ часто выражаются одимъ словомъ. Но какъ подлежащихъ безчисленное множество, и слѣдовательно онѣ могутъ до безконечности пере-

мѣняться; однако касательно ихъ всегда должно быть опредѣлено, въ первомъ *ли*, второмъ, или третьемъ лицѣ разсуждается: то оіи личныя отношенія подлежащаго весьма удобно могутъ быть вмѣстѣ выражаемы глаголами. Но поелику дѣйствіе сужденія всегда одно и тоже; то и глаголъ былъ бы только одинъ, еслибы глаголы неразличались *сказуемыми*, которыя они соединяютъ съ подлежащимъ. Такимъ образомъ языкъ раждаетъ великое разнообразіе глаголовъ тѣмъ, что посредствомъ оныхъ означаетъ вмѣстѣ и сказуемыя, которыя должны быть соединены съ подлежащимъ, или отдѣлены отъ онаго.

§ 82.

Глаголъ, выражающій одну связку (copula), или чистое дѣйствіе сужденія, можно называть *чистымъ* глаголомъ (verbum purum), а прочіе *смѣшенными* глаголами (verba mixta).

Понятіе о чистой связкѣ (est, есть) весьма отвлеченно и только умственное понятіе, и слѣдовательно, по всей вѣроятности, изобрѣтено при значущемъ образованіи. Посему слово, выражающее оное понятіе; первоначально во всѣхъ языкахъ означаетъ смѣшенное дѣйствіе сужденія, и для означенія чистой связки избрали смѣшенной гла-

голъ, означавшій сказуемое, которое было всеобщимъ признакомъ существованія, н. п. est, ist, *есть* и такъ далѣе. Сей глаголъ первоначально значитъ *онъ ѣстъ*. Другіе языки, н. п. Греческой, избрали слово первоначально означающее *итти* двигаться.

§ 83.

Сказуемое, заключающееся въ смѣшенныхъ глаголахъ, выражаетъ или независимое отъ другихъ понятій качество подлежащаго, или такое качество, которое можетъ быть опредѣлено и совершенно мыслимо только посредствомъ связи подлежащаго съ другимъ подлежащимъ. Тѣ смѣшенные глаголы можно называть глаголами *совершенными* (absoluta); а сіи *относительными* (relativa), кои послѣдніе бываютъ, или *дѣйствительные*, или *страдательные*, смотря потому, сообщаетъ ли подлежащее глагола другому подлежащему дѣйствіе, или само получаетъ оное отъ другаго подлежащаго. Глаголы, выражающіе дѣйствіе возвращающееся на подлежащее глагола, называются глаголами *возвратными*. Относительные глаголы можно называть также *переходящими* (transitiva); а совершенные *непереходящими* (intransitiva). Первое раздѣленіе глаголовъ на дѣи-

ствительные, страдательные и средніе гораздо сходнѣе съ нашимъ раздѣленіемъ.

IV.

О словахъ, означающихъ отношеніе (Von den Verhältniswörtern).

А.

О словахъ, означающихъ отношеніе между одними понятіями (о предлогахъ).

§ 84.

Подлежащее часто можетъ быть опредѣляемо отношеніями, въ которыхъ находится подлежащее, или сказуемое подлежащаго къ другимъ подлежащимъ. Ежели сіи отношенія выражаются особенными словами: то сіи слова, показывающія однѣ только отношенія, можно называть *словами выражающими отношеніе*. Слова, означающія отношеніе словъ, выражающихъ подлежащее, къ словамъ выражающимъ также подлежащее, и словъ, выражающихъ сказуемое, къ словамъ выражающимъ подлежащее, особенно названы *предлогами* (praepositiones).

1) Слово praepositio взято отъ того, что Римляне такія слова обыкновенно поставляютъ предъ существительными; обстоятельство очень случайное! Слова, выражаю-

щія отношеніе, удобно поставляются и послѣ существительныхъ.

2) Поелику сказуемое всегда должно относиться къ другому слову, а наконецъ къ подлежащему; то отношеніе возможно только между подлежащими, и слѣдовательно не возможно между чистыми сказуемыми. Ежели сказуемое определяется чрезъ свое отношеніе къ подлежащему: то самое сіе сказуемое, какъ опредѣленіе, принадлежитъ къ какому либо другому подлежащему; но соотносимымъ (das correlat), къ которому относится подлежащее, и слѣдовательно которое употребляется для опредѣленія другаго подлежащаго, или сказуемаго, никогда не можетъ быть одно слово, означающее сказуемое, а всегда должно быть слово, означающее подлежащее. Слѣдовательно предлоги стоятъ только при словахъ, означающихъ подлежащее, а не сказуемое.

§ 85.

Коль скоро слово, выражающее отношеніе, стоя подлѣ слова, выражающаго подлежащее, опредѣляетъ нѣсколько смыслъ онаго; то подлежащее всегда представляется относящимся къ другому слову, и слѣдовательно предполагаетъ другое подлежащее, или ска-

зуемое того подлежащаго, къ которому оно относится.

B.

О словахъ, выражающихъ отношеніе между предложеніями.

§ 86.

И предложенія можно себѣ представить способомъ соотношеній; и сіе бываетъ или тогда, когда рожденіе сихъ самыхъ предложеній происходитъ только подъ извѣстными отношеніями, или когда одно положеніе бываетъ мыслимо въ отношеніи къ другому положенію, или понятію; слова, выражающія сіи отношенія предложеній, не совсемъ значительно, называются *союзами* (Conjunctiones).

§ 87.

Союзы могутъ выражать или токмо отношеніе какого либо предложенія къ какому либо понятію, и предложенію; или отношеніе одного предложенія къ другому предложенію.

Перваго рода суть:

1) *Союзы соединительные*, которые, соединяя подлежащія, либо сказуемыя, или какое либо предложеніе съ какимъ нибудь понятіемъ, совокупляютъ въ одно два, или многія простыя сужденія.

2) *Виносховные*, показывающіе, что одно предложеніе составляетъ причину, или основаніе другаго предложенія.

3) *Заключительные*, представляющіе одно предложеніе слѣдствіемъ другаго.

4) *Союзы содержательные* (subsumtivae conjunctiones), представляющіе одно предложеніе содержащимся подъ другимъ.

Союзы втораго рода суть:

1) *Условные*, которыми объявляется одно предложеніе условіемъ, а другое условленнымъ.

2) *Раздѣлительные*, кои представляютъ предложенія, въ одномъ понятіи заключающіяся, предложеніями одно другое изключающими.

3) *Противительные*, показывающіе противленіе между предложеніями.

4) *Уступительные* (позволительные).

5) *Разпредѣлительные*, опредѣляющіе порядокъ, коимъ одно предложеніе должно слѣдовать за другимъ.

Союзъ соединительный *и*, кажется, иногда соединяетъ только два понятія, но во всѣхъ такихъ случаяхъ заступаетъ мѣсто сужденія, н. п. дважды два=4, гдѣ *и* для ума содержитъ проблему сложенія и значитъ тогда, какъ если бы сказано было: если

къ двумъ прибавить два, то выдетъ 4. слѣдственно здѣсь служитъ только средствомъ сокращенно выражать цѣлое предложеніе.

V.

О словахъ, выражающихъ чувствованіе (междуметіяхъ).

§ 88.

Душевныя страсти удобно исторгаютъ изъ человѣка звуки, кои, для показанія присутствія сихъ страстей, въ каждомъ языкѣ мало по малу переходятъ въ извѣстные членообразные звуки.

§ 89.

Страсти, присутствіе коихъ обыкновенно выражается подобными словами, суть слѣдующія: 1) Радость. 2) Печаль. 3) Гнѣвъ. 4) Удивленіе. 5) Отвращеніе и т. далѣе.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О перемѣнахъ словъ порознь.

I.

О перемѣнахъ словъ, означающихъ подлежащее.

§ 90.

Ежели понятіе по сущности остается однимъ и тѣмъ же, а должно только

показать перемѣнившееся количество, или какое либо иное отношеніе сего понятія къ другому; въ подобномъ случаѣ сіи измѣненія могутъ быть означенованы одною малою перемѣною *формы* слова, которымъ то понятіе означается.

§ 91.

Поелику сіи измѣненія постоянно показываютъ одно и тоже измѣненіе значенія во всѣхъ словахъ; для того онѣ и послѣдуютъ во всѣхъ словахъ нѣкоторому *единообразію*, или *правильности*. Ибо чрезъ то самое, единообразіе ихъ значенія узнается гораздо удобнѣе.

§ 92.

Вопервыхъ, подъ каждымъ понятіемъ подлежащаго, означающимъ какой либо родъ предметовъ, можно представлять себѣ оный предметъ то *простымъ*, то *многосложнымъ*. Слова, показывающія сіе различіе перемѣною буквъ, или слоговъ, имѣютъ число, (Numerus) или числительную форму (Zahlform). Числительная форма для простаго, или односложнаго числа, называется *единственною* (Singularis) или простою *числительною формою* (einfache Zahlform); числительная форма для многосложнаго числа на-

зывается *множественною* (pluralis), или *многосложною числительною формою* (vielfache Zahlform). —

Нѣкоторые языки имѣютъ особенную форму для того, что существуетъ въ природѣ попарное, означая тѣмъ вообще *двойственное число* (dualis). Но ни въ какомъ извѣстномъ языкѣ нѣтъ формъ для трехъ, или болѣе опредѣленныхъ чиселъ. Въ такомъ случаѣ помогаютъ *числительныя слова* (Zahlwörter), находящіяся во всѣхъ языкахъ, и носящія на себѣ форму, то существительныхъ, то прилагательныхъ, то нарѣчій. Обстоятельство, что многое существуетъ и дѣйствуетъ въ природѣ попарно, кажется, подало поводъ къ двойственному числу.

§ 93.

Равномѣрно и слова, означающія понятія, которыя заключаютъ въ себѣ одно только простое, либо многосложное число предметовъ, должны имѣть одну только единственную, либо множественную форму.

По сей причинѣ множественная форма не употребительна: 1) при именахъ собственныхъ, 2) при именахъ, означающихъ только особенныя свойства, повсюду одинаковыя, или множество однородныхъ, са-

мостоятельныхъ частей. Напротивъ многія имена, коими обыкновенно въ языкѣ означаютъ многіе предметы, употребительны только во множественной формѣ. —

§ 94.

Во вторыхъ, (92) понятіе, означающее подлежащее, или бываетъ мыслимо само для себя, или служитъ къ опредѣленію другаго понятія, означающаго подлежащее, либо сказуемое; а потому и представляется въ нѣкоторомъ къ сему отношеніи.

§ 95.

Сіи соотношенія можно выразить многоразличнымъ образомъ: 1) расположеніемъ словъ, 2) словами собственно для выраженія соотношеній назначенными (§ 84), 3) присоединеніемъ какихъ либо частицъ предъ или за словомъ поставляемыхъ (praefixa, suffixa), 4) перемѣною окончательныхъ слоговъ.

§ 96.

Ежели окончательными слогами правильно показываются извѣстныя опредѣляемыя отношенія: то сіи различные окончательные слоги въ словахъ называются ихъ *падежами* (casus).

§ 97.

Формъ падежей могло бы быть столь же много, сколь многоразличны соотношенія словъ, означающихъ подлежащее къ другимъ словамъ; однакожъ аналогическія соотношенія удобнѣе можно выразить одною и тою же формою падежей; а при томъ съ помощію размѣщенія словъ, членовъ, (§ 55), предлоговъ, союзовъ и проч. можно правильно означать всѣ соотношенія. По сему нѣкоторые языки совсѣмъ не имѣютъ ни какихъ формъ падежей, одни имѣютъ больше, другіе меньше, даже различныя слова одного и того же языка имѣютъ не одинаковое число формъ падежей.

§ 98.

Падежи, посредствомъ которыхъ бываютъ мыслимы подлежащія сами въ себѣ, не выражая отношенія къ другому слову, называются *прямыми*, или *неизмѣняющимися* падежами (casus recti, vel absoluti); но тѣ, кои означаютъ соотношеніе къ какому либо другому понятію, называются *косвенными*, или *относительными* падежами (casus obliqui, vel relativi). —

§ 99.

Прямые падежи представляютъ предметъ рѣчи въ первомъ, или второмъ, или

въ третьемъ лицѣ (§ 68). Рѣдко онъ бываетъ въ первомъ лицѣ, чаще во второмъ, а всего болѣе въ третьемъ.

§ 100.

Форма падежа, представляющая предметъ въ третьемъ лицѣ, о которомъ должно говорить, есть падежъ, называемый *именительнымъ* (nominativus); можетъ быть, приличнѣе было бы назвать *подлежательнымъ падежемъ*, поелику подъ онымъ наипаче разумѣется подлежащее. Падежъ, означающій предметъ вторымъ лицемъ, называется *звательнымъ* (vocativus). Для перваго лица всѣ намъ извѣстные языки не имѣютъ никакой особенной формы падежа. Глаголъ, или мѣстоименіе подлежащаго, совокупленное съ именительнымъ падежемъ, служитъ къ опредѣленію сего лица.

§ 101.

Косвенные, или *относительные* падежи могутъ выражать многоразличныя отношенія одного подлежащаго къ другому понятію. Иныя не столь удобно можно означать падежами, кромѣ такихъ, кои часто случаются и въ каждомъ понятіи означающемъ подлежащее правильно могутъ

быть представлены. Таковы суть преимущественно:

1) Отношеніе, посредствомъ коего понятіе, означающее подлежащее, можетъ быть представлено какъ сказуемое, которымъ другое подлежащее ограничивается, (casus restrictivus, vel praedicativus). Латинскіе Грамматисты называютъ падежъ сей родительнымъ (genitivus), взявъ сіе названіе отъ одного только особеннаго ограничивающаго случая.

2) Отношеніе, коимъ цѣль, или намѣреніе другаго слова опредѣляется, можно бы назвать *casus teleologicus*. Латинскіе Грамматисты называютъ его *дательнымъ*

3) Отношеніе дѣйствія. Падежъ, который своею формою объявляетъ предметъ за дѣйствіе происшествія, можно назвать *casus affectivus*, vel *obiectivus*. Латинскіе Грамматисты называютъ его *винительнымъ* (accusativus).

4) Ежели падежемъ выражается, что подлежащее принадлежитъ къ какому либо другому понятію какъ причина, (орудіе, вспомогательное средство, препятствіе), или какъ обстоятельство его существованія (мѣсто и время), а потому долгъ того подлежащаго, короче опредѣлять сіе другое

понятіе: что таковые падежи можно назвать *винословными*, *инструментальными*, *обстоятельными* (*cavsalis*, *instrumentalis*, *circumstantialis*). Сіе назначеніе имѣетъ падежъ, называемой Латинскими Грамматистами (ablativus) творительнымъ. Предложный въ Славянскихъ языкахъ отчасти имѣетъ ту же цѣль.

§ 102.

Показывать различные падежи какого либо слова по правиламъ, въ извѣстномъ языкѣ положеннымъ, значитъ склонять оное слово; а правило, по которому склоняется цѣлой классъ словъ, именуется *склоненіемъ*. Въ каждомъ языкѣ находится оныхъ больше, или меньше.

§ 103.

Различіе склоненій опредѣляется то различными окончаніями и различнымъ составомъ словъ, то различіемъ рода, то другими обстоятельствами. Посему вообще нельзя положить правила ни для какого въ особенности языка.

§ 104.

Въ нѣкоторыхъ языкахъ склоняется одинъ членъ, въ иныхъ его склоненіе слу-

житъ по крайней мѣрѣ къ опредѣленію нѣкоторыхъ падежей; въ другихъ склоняется вмѣстѣ съ словами, означающими подлежащее, и съ каждою перемѣною подлежащаго принимаетъ оную и самъ. Итакъ ясно видно, что то доказываетъ совершенство языка, ежели опредѣленныя отношенія понятій показываются также особенными къ тому назначенными склоненіями словъ, и тѣмъ лучше, чѣмъ опредѣленнѣе бываютъ означены сіи склоненія.

§ 105.

Естьли мѣстоименія заступаютъ мѣсто словъ, означающихъ подлежащее: то безъ сомнѣнія въ языкахъ, имѣющихъ склоненія и они имѣютъ падежи.

§ 106.

Естьли измѣненіе самыхъ предметовъ во многихъ предметахъ имѣетъ нѣчто однообразное: то языкъ удобно можетъ означить и таковыя однообразныя измѣненія словъ. Къ числу таковыхъ различій въ вещахъ принадлежитъ великое и малое. По сему весьма многіе языки употребляютъ одно и то же слово для означенія, малымъ измѣненіемъ, *уменьшеннаго предмета*, одного и тогоже рода, и сіи слова называютъ *умень-*

шительными (diminutiva). Нѣкоторые языки имѣютъ также собственную форму для выраженія великаго въ одномъ и томъ же родѣ, (*увеличительныя слова*, *augmentativa*); а нѣкоторые языки имѣютъ еще извѣстныя формы для прекрасно малаго и прекрасно великаго, или для отвратительно малаго и великаго.

II.

Объ измѣненіяхъ словъ означающихъ сказуемое (Prädikatswörter).

§ 107.

Во всѣхъ почти качествахъ примѣчаются различныя *степени*. Большая часть языковъ означаютъ сіи степени особенными формами одного и того же слова. Одна форма означаетъ качество безъ степени, *положительная* (positivus), другая означаетъ степень высшую, нежели какую имѣетъ другое подлежащее, *уравнительная* (comparativus), а третья самую высочайшую, *превосходная* (superlativus).

§ 108.

Всѣ слова, означающія сказуемое, могутъ принимать сіи формы, буде въ языкѣ уже введено сіе правило, какъ скоро только означаемое ими допускаетъ степени. Посему во

многихъ языкахъ, какъ прилагательныя имена, такъ и нарѣчія имѣютъ такъ называемыя *степени уравненія*. Слова, означающія сказуемое, могутъ также принимать на себя увеличительныя, или уменьшительныя формы.

§ 109.

Сказуемыя подлежащихъ совершенно зависятъ отъ словъ означающихъ подлежащее; ибо они тогда только составляютъ полную мысль, когда совокупно съ оными представляются. Однакожъ можно гораздо яснѣе узнать, къ какому подлежащему они относятся, ежели примутъ форму его числа и падежа. Посему имена прилагательныя во многихъ языкахъ, гдѣ есть склоненія, равно бываютъ склоняемы, и форму перемѣняютъ въ единственномъ и множественномъ числахъ. При всемъ томъ склоненіе прилагательныхъ именъ не есть необходимо тогда, когда уже перемѣна существительныхъ довольно означаетъ отношенія словъ, и когда сіи всѣ относятся только къ именамъ существительнымъ. Посему во многихъ языкахъ прилагательныя не склоняются.

§ 110.

Обыкновенно имѣетъ мѣсто различіе формы и касательно различныхъ родовъ

именъ существительныхъ, такъ что многія прилагательныя склоняются различно, смотря потому, соединяются ли онѣ со словами мужескаго, женскаго, или средняго рода.

§ 111.

Напротивъ, слова, означающія сказуемыя сказуемыхъ, или нарѣчія остаются непремѣняемыми относительно къ числу и падежу, потому что онѣ совсемъ не относятся къ подлежащимъ, а показываютъ только видоизмѣненія сказуемыхъ.

III.

Объ измѣненіяхъ глаголовъ.

А.

Форма лицъ, чиселъ и родовъ.

§ 112.

Подлежащимъ, о которомъ говорящій разсуждаетъ, можетъ быть или самое говорящее лице, или лице, съ которымъ онъ говоритъ, или предметъ, отъ обѣихъ различный. Посему въ рѣчи всегда надобно различать три разныя подлежащія. Поелику все равно въ отношеніи къ формѣ, будетъ ли третіе подлежащее лицемъ, или вещію, исключая двухъ первыхъ, подъ коими всегда

должны быть разумѣемы лица, ибо сіи только говорятъ: то и третіе подлежащее означили третьимъ лицемъ.

§ 113.

Естьли глаголъ различными формами показываетъ, о которомъ изъ возможныхъ подлежащихъ разсуждается: тогда имѣетъ онъ формы для лицъ, и мы говоримъ, что онъ имѣетъ первое, второе и третіе лице.

§ 114.

Почему сіи слова, означающія лица, вездѣ бываютъ единообразны; можно вывесть изъ единообразія ихъ значенія, и чѣмъ единообразнѣе сія форма въ различныхъ глаголахъ, тѣмъ легче дѣлается употребленіе сихъ словъ.

§ 115.

Въ сужденіи можетъ быть одно, или многія подлежащія, и естьли сіе различіе показывается формою глаголовъ, то послѣдніе имѣютъ числа, или числительныя формы.

§ 116.

Какъ числа, такъ и лица можно бы было означать особенными словами; тѣ мѣстоименіями, а сіи нѣкоторыми числительными словами; но то и другое было бы затрудни-

тельнѣе, нежели означеніе посредствомъ одной перемѣны слоговъ слова.

§ 117.

Можно также показать одною перемѣною формы глагола, какого рода подлежащее, о которомъ говорится.

В.

Форма временъ (tempora).

§ 118.

Все, о чемъ разумъ человѣческій мыслитъ, долженъ онъ представлять себѣ во времени. Самое понятіе *безвременнаго* онъ неиначе можетъ вообразить, какъ представляя себѣ оное во *всякое* время *непремѣннымъ*. Ибо какъ время состоитъ въ перемѣнѣ вещей, то совершенно непремѣняемое не зависитъ отъ времени, т. е. всевременное.

§ 119.

Итакъ ежели разумъ судитъ, что сказуемое должно приличествовать подлежащему подъ какою либо точкою времени, и естьли сіе время, въ которомъ сказуемое съ подлежащимъ представляется согласнымъ, или противорѣчащимъ, показывается вмѣстѣ формою глагола: то оныя перемѣны глаголовъ называются формами временъ (tempora).

§ 120.

Мы различаемъ во времени *настоящее, прошедшее* и *будущее*. Собственно говоря, во времени находится только или прошедшее, или будущее; настоящее не есть время, но только точка, раздѣляющая время на прошедшее и будущее. Мы называемъ настоящимъ то, что трогаетъ чувствованіе говорящаго, или что нашему чувствованію представляется современнымъ. Посему представляемъ себѣ настоящимъ 1) то, что не подлежитъ никакому условію, т. е. что во всякое время непремѣнно; 2) что происходитъ въ ту минуту, когда мыслимъ; 3) что находится въ томъ отдѣленіи времени, котораго минута, когда мыслимъ, составляетъ часть, поколику сіе отдѣленіе времени представляемъ себѣ какъ единство, которое намъ какъ цѣлое современно.

§ 121.

Но если настоящее представляемъ себѣ такимъ пространствомъ времени, которое дѣлаемъ настоящимъ только въ нашемъ воображеніи, или въ нашемъ разумѣ: то опять можемъ различать въ немъ прошедшее и будущее, воображая время, или предыдущимъ, или послѣдующимъ за нѣкоторою извѣстною точкою въ сей епохѣ.

§ 122.

Итакъ въ нашихъ сужденіяхъ должны мы различать три времени: *настоящее* (praesens), *прошедшее* (praeteritum) и *будущее* (futurum). Поелику настоящее представляется нашему чувствованію современнымъ; для того нельзя вообразить болѣе одного настоящаго времени. Форма глаголовъ для сего времени называется настоящею (praesens); прошедшею же (praeteritum) именуется тогда когда время находится предъ настоящимъ; а будущею (futurum), естьли оно за нимъ послѣдуетъ. Но прошедшихъ и будущихъ временъ можно представить себѣ множество; а по сему могутъ быть и многоразличныя формулы словъ, для выраженія сихъ различныхъ временъ.

§ 123.

И имянно прошедшія и будущія времена можно себѣ представить:

1) Совершенными (absoluta) какъ времена прошедшія, или будущія сами въ себѣ, безъ отношенія къ другимъ прошедшимъ, или будущимъ временамъ; или относительными въ отношеніи къ другимъ будущимъ, либо прошедшимъ временамъ.

2) Простыми. какъ только прошедтія, или только будущія времена; или *сложными*

т. е. какъ будущія времена, кои представляются прошедшими, или прошедшія, кои представляются будущими.

Во всѣхъ сихъ временахъ можно еще различить различныя посторонні опредѣленія времени, какъ то: представляется ли время не давно прошедшимъ, или давно прошедшимъ, скоро или не скоро послѣдующимъ.

§ 124.

И потому всѣ формы временъ, выражаемыя въ глаголахъ какого либо языка, могутъ быть раздѣлены: 1) на времена совершенныя и относительныя (absoluta et relativa), и 2) на времена простыя и сложныя (tempora simplicia et composita).

§ 125.

Совершенныя времена суть:

1) Настоящее. Ибо настоящее всегда бываетъ совершенно опредѣлено, потому что одно только настоящее находится (§ 123).

2) Совершенно прошедшее, т. е. форма, коею выражается совершенно прошедшее время безъ отношенія къ какому либо другому прошедшему времени. Однакожъ могутъ быть еще особенныя формы сего времени, коими опредѣляется:

a) Прошло ли время недавно,

b) Или же давно.

3) Будущее совершенное, т. е. форма, которая выражаетъ, что время опредѣляющее отношеніе сказуемаго къ подлежащему прямо есть будущее время. И здѣсь также можно посредствомъ особенныхъ формъ опредѣлить:

a) Близка ли будущность, или
b) Еще отдаленна.

§ 126.

Настоящее всегда остается простою формою времени (tempus simplex): поелику настоящее какъ современное чувствованію говорящаго не можетъ быть мыслимо ни какъ прошедшее ни какъ будущее. Но о прошедшемъ и будущемъ можно представлять себѣ времена простыя и времена сложныя; по сему могутъ быть:

1) Прошедшее простое (perfectum simplex), коимъ представляется прошедшее время только лишь какъ прошедшее.

2) Прошедшее сложное (perfectum compositum), посредствомъ коего будущее время представляется прошедшимъ. Равнымъ образомъ будущее время можно себѣ представить:

1) Будущимъ простымъ, представляющимъ будущее время однимъ будущимъ.

2) Будущимъ сложнымъ, представляющимъ прошедшее время будущимъ.

Прошедшее сложное и сложное будущее принадлежатъ ко временамъ относительнымъ.

§ 127.

Относительныя времена относятся къ другимъ временамъ и притомъ:

1) Или къ какому либо пространству времени, въ коемъ они сами находятся, или

2) Къ какому либо другому прошедшему времени, либо будущему.

§ 128.

Посему въ языкѣ можетъ быть въ первомъ отношеніи (§ 127):

1) Форма глагола, выражающая a) прошедшее время въ *настоящемъ*, b) выражающая оное въ *прошедшемъ* времени.

2) Форма, выражающая a) будущее время въ *настоящемъ*, b) въ будущемъ времени.

§ 129.

Въ другомъ отношеніи можно себѣ представить (§ 127) прошедшее время a) совершенно современнымъ другому прошедшему, b) входящимъ въ другое, т. е. отчасти современнымъ, или c) послѣдующимъ за нимъ. Такимъ же образомъ можно себѣ представить и будущее время a) другому буду-

щему совершенно современнымѣ, или b) отѣ части ему современнымѣ, отѣ части за нимѣ послѣдующимѣ, c) либо кѣ нему примыкающимся, или послѣдующимѣ.

§ 130.

Прошедшее время, представляемое другому прошедшему современнымѣ, или еще не совсемѣ прошедшимѣ, тогда какѣ началось другое время, должно быть представляемо *продолжающимся.* Оно еще не совершилось, какѣ началось другое прошедшее. По сей причинѣ и назвали сію форму времяни не совершенно прошедшимѣ (praeteritum imperfectum). Но время, которое уже прошло совершенно, тогда какѣ наступило другое, не только совсемѣ прошло, но на его мѣсто уже поступило другое. Сей способѣ представленія, кажется, подалѣ поводѣ назвать его давнопрошедшимѣ (plusquamperfectum).

Форму словѣ для будущаго времени представляемаго еще продолжающимся, тогда какѣ другое будущее наступаетѣ, можно бы назвать будущею несовершенною (futurum imperfectum). Будущее же время, представляемое уже совершенно прошедшимѣ, тогда какѣ другое будущее наступаетѣ, можно бы назвать будущимѣ совершеннымѣ (futurum perfectum). Оно называется также кѣ стати

будущимъ окончательнымъ (futurum exactum). Давнопрошедшее или токмо представляетъ время прошедшимъ, или прошедшее будущимъ. Въ первомъ случаѣ оно бываетъ простымъ временемъ, во второмъ сложнымъ. Будущее окончательное есть также сложное время, естьли оно прошедшее время представляетъ будущимъ.

§ 131.

Слѣдственно Система всѣхъ возможныхъ формъ временъ въ какомъ либо языкѣ будетъ слѣдующая:

I. Самостоятельныя времена (tempora absoluta) (начинающіяся, продолжающіяся, неопредѣленныя, inchoativa, continuativa, indeterminata).

1. Настоящее (praesens).

2. Совершенно прошедшее (perfectum absolutum).

a) Недавно (proximum)

b) Давнопрошедшее (remotum).

3. Совершеннобудущее (futurum absolutum).

a) Приближенно (proximum).

b) Отдаленно будущее (remotum).

II. Формы временъ другъ къ другу относящихся (tempora relativa).

1. Не совершенно прошедшее (praeteritum imperfectum).

a) Относительно къ какому либо другому дѣйствію въ какомъ либо другомъ времени.

b) Относительно къ какому либо другому настоящему, или прошедшему времени.

2. Совершенно прошедшее (praeteritum perfectum).

a) Простое

b) Сложное — будущее время въ видѣ прошедшаго (futuro-praeteritum).

c) Относительно къ какому либо другому дѣйствію прошедшее.

d) Относительно къ какому либо другому времени прошедшее.

3. Несовершенно будущее (futurum imperfectum).

4. Совершенно будущее:

a) Простое,

b) Сложное — прошедшее въ видѣ будущаго (praeterito-futurum).

§ 132.

Времена въ сужденіяхъ можно выражать то особенными словами, то расположеніемъ глаголовъ, то одною перемѣною формы оныхъ. Но чѣмъ опредѣленнѣе, посредствомъ формы самыхъ глаголовъ, можно показать различныя видоизмѣненія времени, тѣмъ

болѣе языкъ приближается къ совершенству. Часто однѣ и тѣже формы употребляются, то для опредѣленія совершеннаго, то относительнаго времяни, и прибавочныя слова, или связь открываютъ истинный смыслъ.

C.

О различныхъ родахъ положеній, или наклоненіяхъ (modi).

§ 133.

Всѣ наши сужденія суть или *умозрительнаго*, или *практическаго* содержанія. Первыя служатъ къ опредѣленію, объясненію, или распространенію понятій; послѣднія къ опредѣленію свободныхъ дѣйствій. И такъ первыя сужденія для разума, а послѣднія для воли.

§ 134.

Умозрительныя сужденія представляютъ сказуемое, или въ отношеніи къ какому либо опредѣленному лицу, или какъ возможный признакъ какого либо подлежащаго, не опредѣляя онаго. Тѣ можно назвать *личнымъ*, а сіи *безличнымъ* способомъ сужденія.

§ 135.

Ежели сказуемое приписывается какому либо подлежащему, или отрицается: то сіе

происходитъ 1) или *безусловно*, или *условно*. Въ первомъ случаѣ бываютъ *безусловныя*, во второмъ *условныя* положенія. 2) Подлежащее, либо сказуемое представляется или извѣстнымъ, или проблематическимъ. Положенія, выражаемыя проблематическимъ образомъ, называются *вопросами*.

§ 136.

Что касается до практическихъ положеній, онѣ бываютъ или *требовательныя*, или *желательныя*. Первыя предполагаютъ волю довольною причиною дѣйствія, и назначены приводить оную въ движеніе; послѣднія представляютъ предметъ воли только пріятнымъ для подлежащаго, и выражаютъ стремленіе къ полученію онаго.

§ 137.

Формы глаголовъ, коими показываются сіи различныя измѣненія, или способъ сужденія, называются *наклоненіями* глаголовъ.

§ 138.

Чѣмъ удовлетворительнѣе наклоненія въ какомъ либо языкѣ выражаютъ всѣ вышеозначенныя различія сужденій, тѣмъ таковой языкъ совершеннѣе.

§ 139.

Итакъ полная система всѣхъ наклоненій будетъ слѣдующая:

I. Личныя наклоненія (verbum finitum).

A. Личныя наклоненія *умозрительныя*:

1) безусловное (modus absolutus, indicativus).

2) условное (modus conditionalis, conjunctivus).

3) проблематическое (interrogativus).

B. Практическія личныя наклоненія:

1) требовательное, или повелительное (imperativus).

2) желательное (optativus).

II. Безличныя наклоненія:

1) которое представляетъ дѣйствіе сужденія подлежащимъ (infinitivus, modus substantivus).

2) которое представляетъ дѣйствіе сужденія сказуемымъ (participialis, modus adjectivus).

Разберемъ свойство сихъ наклоненій.

§ 140.

Умозрительныя наклоненія могутъ имѣть всѣ лица, и всѣ времена; потому что о каждомъ лицѣ и во всякое время безусловно, или условно можно утвердить сказуемое, или выставить проблемою.

§ 141.

Что касается до практическихъ наклоненій, желательное равномѣрно можетъ имѣть всѣ формы лицъ и временъ; потому что желаніе можетъ имѣть мѣсто въ разсужденіи всякаго подлежащаго, и во всякое время. Что же касается до повелительнаго, хотя оно и должно всякой разъ поставлять дѣйствіе въ будущемъ времени, потому что требуетъ владѣнія вещи, и въ семъ отношеніи каждое повелительное означаетъ будущее время; однакожъ дѣйствіе повелѣнія есть настоящее: и какъ повелѣніе, къ самому себѣ обращенное, есть нѣчто противорѣчущее; то оно не можетъ имѣть перваго лица. Ему только можетъ приличествовать второе и третіе лице. Что же касается до вызова къ выполненію, онъ 1) можетъ быть выраженъ слабымъ, или сильнымъ, условнымъ, или безусловнымъ образомъ; 2) можно повелѣть начать, ускорить и окончить дѣйствіе и все сіе выразить особенными формами глаголовъ.

§ 142.

Что касается до безличныхъ наклоненій, какъ неопредѣленное наклоненіе, такъ и причастія могутъ имѣть *форму временъ и падежей*, потому что онѣ съ одной

стороны представляютъ дѣйствіе сужденія, а съ другой подлежащее и сказуемое. —

Измѣненія, называемыя въ Грамматикахъ *Gerundia* и *Supina*, суть ничто иное какъ особенныя падежныя формы именъ существительныхъ, производимыхъ отъ *опредѣленныхъ* глаголовъ, или отъ причастій.

D.

О такъ называемыхъ залогахъ.

§ 143.

Переходящіе глаголы (§ 82) т: е: такіе глаголы, коихъ сказуемое означаетъ дѣйствіе, или показываютъ, что подлежащее принимаетъ дѣйствіе, или что сіе принимается подлежащимъ. Они выражаютъ или *дѣйствіе*, или *страданіе*. Форма глагола, выражающая сказуемое *дѣйствующимъ*, называется *дѣйствительнымъ залогомъ*, или глаголомъ (vox activa, или verbum activum); форма, выражающая сказуемое *принимающимъ дѣйствіе*, называется *залогомъ*, или *глаголомъ страдательнымъ* (vox paſſiva, aut verbum paſsivum). Если глаголомъ дѣйствительнымъ опредѣляется, что подлежащее глагола есть въ тоже время и предмѣтъ дѣйствія: то называется онъ залогомъ, или глаголомъ возвратнымъ

(vox reciproca, media, verbum reciprocum, medium); *отложительные глаголы* (verba deponentia) имѣютъ форму страдательныхъ, но значеніе дѣйствительныхъ глаголовъ; *средне-страдательные глаголы* (neutropafsiva verba) имѣютъ форму дѣйствительныхъ, но значеніе страдательныхъ глаголовъ. Сіи глаголы суть изъ числа странностей нѣкоторыхъ языковъ, во всеобщую Грамматику не принадлежащихъ.

§ 144.

Представить глаголъ во всѣхъ его измѣненіяхъ чрезъ всѣ времена, наклоненія, и залоги, значитъ *спрягать* оный; а правила, по которымъ цѣлой классъ такихъ словъ измѣняется, называются *спряженіемъ*. Сколько такихъ правилъ въ какомъ либо языкѣ, столько и спряженій.

IV.

О словахъ неизмѣняющихся.

§ 145.

Слова, выражающія только постороннія опредѣленія, или отношенія другихъ понятій и предложеній, и сіе показывающія своею формою, не перемѣняютъ своего значенія, и отношенія къ другимъ словамъ, а для того и по своей формѣ непремѣнны.

§ 146.

Такого рода суть 1) нарѣчія, кои однакожъ свойства, ими показываемыя отчасти выражаютъ различными степенями. Посему онѣ имѣютъ многоразличныя формы для степеней (§ 108), 2) предлоги, 3) союзы, и 4) междометія. —

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Объ изобрѣшеніи и произведеніи словъ.

§ 147.

Трудно изъяснить, какимъ образомъ первыя слова образовались въ языкѣ, и почему такъ, а не иначе образовались. Но то служитъ къ совершенству языка, ежели разныя части рѣчи бываютъ отличены наружными признаками, находятся ли сіи признаки въ образованіи самаго слова, или въ его склоненіи, членѣ, формѣ родовъ и лицъ.

§ 148.

Языки тѣмъ болѣе приближаются къ совершенству, чѣмъ болѣе отличаютъ особенными формами:

1. Не только подлежащія какъ подлежащія, но и неодушевленное отъ одушевленнаго, женскій родъ отъ мужескаго, а тотъ

и другой отъ безроднаго, слова существительныя существенныя отъ качественныхъ и т. д.

2. Сказуемыя подлежащихъ и сказуемыхъ, сказуемыя дѣйствительныя, страдательныя и среднія и т. д.

3. Глаголы преходящіе и не преходящіе, дѣйствительные, страдательные и средніе, глаголы существительные и прилагательные, лица, времена, наклоненія и залоги и т. д.

4. Предлоги, союзы и междометія и т. д. И дѣйствительно во всѣхъ образованныхъ языкахъ примѣтно стремленіе означить сіи отличія даже одною формою, или расположеніемъ словъ и одинъ языкъ успѣлъ въ семъ болѣе, другой менѣе.

§ 149.

Но когда нѣкоторыя понятія однажды на всегда выражены нѣкоторыми словами, то весьма естественно тѣ понятія, кои суть однѣ видоизмѣненія первыхъ, или отъ нихъ токмо произведены, выражать словами произведенными отъ словъ первыхъ понятій.

§ 150.

По сему, такъ какъ есть нѣкоторыя коренныя понятія, отъ коихъ производится множество другихъ понятій, тоесть въ каж-

домѣ языкѣ, и нѣкоторыя *коренныя слова*, отъ коихъ множество словъ производится и сіе словопроизводство слѣдуетъ въ каждомъ языкѣ особеннымъ правиламъ. Всеобщая Грамматика можетъ упомянуть только о всеобщихъ началахъ сего словопроизводства.

§ 151.

Всѣ роды главныхъ частей рѣчи могутъ быть коренными словами, и отъ каждаго изъ сихъ можно производить слова выражающія тоже понятіе, но другую часть рѣчи. Такимъ образомъ отъ подлежащаго могутъ производиться сказуемыя, глаголы, союзы и предлоги, а отъ каждаго другіе роды словъ, ежели только свойство понятій сіе позволяетъ, или требуетъ и ежели первые изобрѣтатели языка умѣли доставить сіе совершенство своему языку. Подобнымъ образомъ изъ каждаго слова можно образовать слова, принадлежащія къ тому же разряду, для выраженія иногда другаго свойства, или отношенія.

§ 152.

Такимъ образомъ, н. п. 1. отъ подлежащаго можно производить другія подлежащія; а) для означенія малаго, или великаго, прекраснаго, либо отвратительнаго, или дру-

гихъ побочныхъ опредѣленій таковаго подлежащаго, b) для выраженія сущности подлежащаго въ отвлеченномъ смыслѣ, c) для показанія дѣлателя, или виновника тогоже подлежащаго, d) для показанія рода и т. д.

2. Отъ сихъ те словъ можно производить *сказуемыя*, выражающія понятіе подлежащаго, сказуемое одно, или съ нѣкоторыми посторонними опредѣленіями и именно: когда подлежащему что нибудь принадлежитъ, или сіе подлежащее часто богато, либо совсемъ не снабжено сими свойствами. Отъ подлежащихъ производятся такъ же *глаголы*, посредствомъ коихъ показывается бытіе, произхождсніе, погибель, дѣланіе сего подлежащаго и т. д.

3. Отъ *сказуемыхъ* можно производить *подлежащія*, представляющія качества въ видѣ подлежащихъ, *сказуемыя* для показанія степени, или другихъ видоизмѣненій тогоже сказуемаго, *глаголы* для показанія бытія. дѣйствія, или рожденія сихъ сказуемыхъ.

4. Отъ *словъ*, *означающихъ суждение*, можно производить другія такія же слова для показанія нѣкоторыхъ соприкосновенныхъ опредѣленій понятія, какъ то: дѣланія, или произведенія въ дѣйство сказуемаго, заключающагося въ глаголѣ, повторенія, начала

продолженія, или довершенія, однократности, или многократности, усиленія, или ослабленія дѣйствія; можно производить подлежащія для показанія, что понятіе глагола есть подлежащее онаго, или произшествіе, дѣйствіе, страданіе и т. д; сказуемыя, какъ то: дѣйствительныя, страдательныя, среднія.

5. Слова, означающія отношеніе, могутъ перемѣняться въ подлежащія, или сказуемыя и сію перемѣну можно выразить формою словъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.
О составленіи словъ.

§ 153.

Составленіе одного слова изъ двухъ, или многихъ словъ, такъ же служитъ средствомъ къ изобрѣтенію новыхъ словъ для выраженія другихъ понятій, составлено ли самое понятіе изъ понятій, означаемыхъ главными частями сложнаго слова, или слова сіи служатъ къ другимъ опредѣленіямъ главнаго понятія. Изъ сложныхъ словъ, образующихъ одно понятіе, можно также составить подлежащія, сказуемыя и глаголы.

§ 154.

Сложныя подлежащія составлять можно, соединяя съ однимъ подлежащимъ другое

подлежащее, сказуемое или союзъ, либо предлогъ; сложныя сказуемыя составляются чрезъ соединеніе съ ними подлежащаго, сказуемаго, или слова означающаго отношеніе. Сложныя слова, отношеніе означающія, составляются чрезъ соединеніе съ ними сказуемаго, или слова отношеніе означающаго.

§ 155.

Особливо предлоги подлежащимъ служатъ обильнымъ источникомъ для составленій. Ибо тутъ присоединяется и отношеніе, каковое одно понятіе имѣетъ къ другому. Такимъ образомъ предлоги во многихъ языкахъ весьма часто соединяются со всякими словами, кои съ другимъ въ нѣкоторомъ отношеніи, одними послѣдними не довольно опредѣляемомъ.

§ 156.

Подобнымъ образомъ нѣкоторыя слова служатъ единственно къ опредѣленію нѣкоторыхъ видоизмѣненій одного понятія, когда они къ какому либо слову присоединяются, и именно: означить противоположность, усиленіе, или ослабленіе, раздѣленіе, разсѣяніе или другія всеобщія перемѣны вещей или понятій, словами означаемыхъ.

§ 157.

Если подобныя слова кромѣ соединенія съ другими не имѣютъ никакого значенія: то они называются нераздѣльными словами, и поставляются иногда напереди, иногда позади другаго слова, и обыкновенно называются *praefixa* и *suffixa*. Они иногда могутъ имѣть значеніе то сказуемыхъ, то словъ выражающихъ отношеніе, и причисляются то къ тому, то къ другому классу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Синтаксисъ или Грамматическій способъ ученія.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ совершенству языка принадлежитъ, ежели видно изъ одной уже формы словъ, которыя вмѣстѣ выражаютъ какую либо мысль. Сіе усматривается:

1. Изъ природы и сущности словъ, когда именно нѣкоторыя слова необходимо принадлежатъ къ другимъ, какъ то: нарѣчія, предлоги, союзы и проч.

2. Изъ наружнаго согласія словъ, когда слова другъ другу принадлежащія, согласуются въ родѣ, числѣ, падежѣ и лицѣ, и т. д.

3. Изъ управленія словъ, т. е. обыкновенно говорится, что одно слово управляетъ другимъ, когда первое бываетъ причиною, что послѣднее должно стоять подлѣ управляющаго въ нѣкоторой опредѣленной формѣ, или за нимъ слѣдовать, или занимать опредѣленное мѣсто.

§ 159.

Но можно соединять слова: 1) для ближайшаго опредѣленія отдѣльныхъ словъ; 2) для составленія предложеній, а изъ предложеній Періодовъ.

§ 160.

И такъ довольно полно будетъ нами преподанъ Всеобщій Синтаксисъ, если мы предложимъ: 1) о соединеніи словъ, для определенія, посредствомъ оныхъ, отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ; 2) о составленіи словъ въ предложенія, а предложеній въ періоды. Но наука о Словосочиненіи и Просодіи не можетъ имѣть мѣста во Всеобщей Грамматикѣ, о чемъ сказано будетъ послѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О соединеніи словъ для опредѣленія отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ.

§ 161.

Въ каждомъ предложеніи встрѣчаются три первоначальныхъ понятія: подлежащее, сказуемое и связка. Каждое изъ сихъ трехъ понятій можно опредѣлить многими словами.

§ 162.

Слово подлежащаго, какъ понятіе подлежащаго, можно опредѣлить 1) другими подлежащими, 2) сказуемыми, 3) предложеніями.

§ 163.

Что слова, служащія къ опредѣленію подлежащаго, относятся къ подлежащему слову, какъ сказуемыя; то видно частію изъ мѣста, ими занимаемаго, частію изъ того, что ихъ форма, сколько возможно, согласуется съ формою подлежащаго.

§ 164.

Потому, ежели подлежащее служитъ, вмѣсто сказуемаго, другому подлежащему: то сіе должно быть показано частію посредствомъ мѣста, частію посредствомъ сходства въ числѣ и падежѣ, естьли послѣднее не опредѣляется прибавкою, или выпущеніемъ глагола.

Таковое соединеніе существительнаго съ другимъ, выражающимъ признакъ, подобно прилагательному, называется приложеніемъ (appositio).

§ 165.

Естьли подлежащее опредѣляется членомъ, или сказуемымъ: то должно показать посредствомъ размѣщенія сихъ словъ, или посредствомъ сходства ихъ формы съ главнымъ словомъ, что сіи къ тому относятся. Посему во всѣхъ языкахъ, имѣющихъ склоняемые члены, или сказуемыя, находится

правило, что сіи послѣднія должны согласоваться съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

§ 166.

Но подлежащее также можетъ служить къ опредѣленію другаго подлежащаго, когда оно показываетъ не какой либо внутренній подлежащаго признакъ, а только нѣкоторое отношеніе понятія, имъ означаемаго, къ другому подлежащему.

Но отношеніе, чрезъ то выражаемое, можетъ быть показано, 1) чрезъ падежи и 2) чрезъ слова, собственное отношеніе выражающія, или предлоги.

§ 167.

Слово, опредѣляющее падежъ другаго слова, управляетъ онымъ.

§ 168.

Когда существительное должно выражать такое отношеніе, которое ограничиваетъ значеніе другаго; то одно соединяется съ другимъ въ косвенномъ падежѣ (restrictivo casu), и тогда опредѣляемое подлежащее управляетъ симъ падежемъ. Слѣдственно когда въ языкахъ, имѣющихъ склоненія, два подлежащія стоятъ вмѣстѣ, изъ коихъ одно

показываетъ отношеніе другаго: то сіе отношеніе стоитъ въ родительномъ, или косвенномъ падежѣ.

§ 169.

Ежели подлежащее, долженствующее служить опредѣленіемъ первому, показываетъ намѣреніе и цѣль перваго: то полагается оно въ дательномъ падежѣ.

§ 170.

Ежели оно означаетъ причину, какъ то: орудіе, пособіе, средство, или подобное отношеніе подлежащаго: то становится въ творительномъ падежѣ.

§ 171.

Всѣ сіи отношенія можно выразить посредствомъ предлоговъ, показывающихъ оныя отношенія, и сіи предлоги обыкновенно управляютъ въ языкахъ, имѣющихъ падежи, еще такими падежами, кои предопредѣлены для означенія сихъ отношеній.

§ 172.

Особенной родъ понятій, означающихъ подлежащія и сказуемыя, составляютъ тѣ, кои содержатъ въ себѣ задачу для разума, и рѣшенію сей задачи дается одно только имя,

означающее тогда подлежащее, или сказуемое. Въ то время вопросъ обыкновенно выражается двумя, или многими словами, кои задаютъ разуму проблему, и слѣдствіе разрѣшенія означается другимъ словомъ. Для соединенія подобныхъ словъ часто употребляется союзъ соединительный, который также употребляется для соединенія сужденій, и которымъ выражается вопросъ, дабы совокупно вообразить себѣ оба предмета представленій.

§ 173.

Подлежащее можетъ быть опредѣляемо цѣлыми предложеніями, когда сіи предложенія относятся къ нему наподобіе сказуемыхъ. Сіе бываетъ: 1) посредствомъ *мѣстоименія возносительнаго;* поелику оно показываетъ, что слѣдующая рѣчь говорится о предъидущемъ подлежащемъ. Но чтобъ показать сіе опредѣлительно, для того должно согласовать въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ, къ которому относится. Такимъ образомъ возносительное мѣстоименіе связуетъ предложеніе съ предъидущимъ подлежащимъ. 2) Посредствомъ многихъ союзовъ, кои предложеніе и вмѣстѣ нѣкоторыя соприкосновенныя опредѣленія соединяютъ съ подлежащимъ, и короче опредѣляютъ оное по-

средствомъ предложенія, къ коему принадлежатъ. И дѣйствительно мѣстоименіе относительное, кажется, есть не что другое, какъ личное мѣстоименіе, съ союзомъ соединенное. Этимологія допускаетъ такое произведство возносительнаго мѣстоименія во всѣхъ языкахъ.

§ 174.

Дѣйствительныя и страдательныя сказуемыя суть не что другое, какъ причастія. Оба часто требуютъ дополненій къ довершенію ихъ смысла. Дѣйствительное требуетъ предмета, которому оно сообщаетъ дѣйствіе; страдательное причины, отъ которой получаетъ свое дѣйствіе. Въ сихъ случаяхъ управляютъ они падежемъ глаголовъ, отъ коихъ происходятъ, и о семъ ниже сказано будетъ пространнѣе.

§ 175.

И среднія прилагательныя часто не имѣютъ еще полнаго смысла, и не иначе получаютъ смыслъ, какъ въ соединеніи съ другими словами.

§ 176.

Слова, которыми прилагательныя опредѣляются короче, суть или сказуемыя, или

подлежащія. Сказуемыя принимаютъ форму нарѣчій, когда они служатъ къ опредѣленію прилагательныхъ.

§ 177.

Если подлежащія опредѣляютъ прилагательное: въ такомъ случаѣ прилагательное или принимается за часть своего подлежащаго, и тогда управляетъ тѣми падежами, коими должно управлять существительное въ значеніи прилагательнаго; или оно имѣетъ значеніе глагола и получаетъ чрезъ то силу слова, сужденіе означающаго. Такимъ образомъ съ прилагательными могутъ стоять всѣ тѣ падежи, какіе стоятъ съ существительными и глаголами, и поелику понятіе въ прилагательномъ можетъ принимать различной оборотъ, для того со многими прилагательными можетъ стоять тотъ и другой падежъ.

§ 178.

Итакъ, собственно говоря, прилагательное, кажется, получаетъ свою управляющую силу, посредствомъ коей оно владычествуетъ надъ другимъ существительнымъ или отъ подлежащаго, къ которому принадлежитъ, или отъ того глагола, отъ коего оно производится.

§ 179.

Поелику существительное, служащее къ опредѣленію значенія имени прилагательнаго, разными падежами всегда показываетъ отношеніе вещи къ подлежащему прилагательнаго; то всѣ сіи отношенія могутъ быть выражены особенными словами, отношеніе означающими, или предлогами и многіе языки имѣютъ токмо предлоги.

§ 180.

Слово, сужденіе означающее, можетъ быть опредѣлено частію относительно ко времени, частію относительно къ сказуемому, въ немъ заключающемуся. Самая связь (copula), или одно дѣйствіе сужденія можетъ быть опредѣлено токмо отрицательно и чрезъ нарѣчіе. Но если разсмотрѣть строго и философически, то нарѣчіе сіе должно почитать принадлежащимъ къ сказуемому; дѣйствіе сужденія, или соединенія всегда остается тѣмъ же.

§ 181.

Какъ время, такъ и сказуемое можнобъ было опредѣлить особенными словами. Но то и другое часто дѣлается уже посредствомъ формы глагола, присоединяемыя потомъ слова служатъ токмо къ ближай-

шему опредѣленію времени и сказуемыхъ выраженныхъ уже въ глаголахъ.

§ 182.

Поелику сіи слова, собственно говоря, суть сказуемыя сказуемыхъ, скрытыхъ въ глаголахъ; для того глаголъ бываетъ опредѣляемъ нарѣчіями, или подлежащими съ предлогами, или падежами точно такъ, какъ каждое подлежащее опредѣлено быть можетъ.

§ 183.

Но глаголъ не только опредѣляется другими словами, но и самъ управляетъ другими словами, или опредѣляетъ, какимъ образомъ они должны съ нимъ соединяться.

§ 184.

Чистой глаголъ соединяетъ только слова, и здѣсь подлежащее иначе, нежели глаголъ опредѣляетъ прочія. Ежели онъ въ нѣкоторыхъ языкахъ требуетъ особенныхъ падежей для сказуемыхъ: то сіе должно быть обѣяснено изъ первоначальнаго соприкосновеннаго значенія слова.

§ 185.

Смѣшенные глаголы заключаютъ въ себѣ сказуемое, и смотря по различному зна-

ченію онаго, суть или дѣйствительные, (activa) или страдательные (passiva), или средніе (neutra).

§ 186.

Дѣйствительные требуютъ нѣчто, дѣйствіе принимающее. Сіе нѣчто называется предметомъ. Онъ показывается или посредствомъ опредѣленнаго мѣста, или посредствомъ особаго падежа, которой можнобъ назвать падежемъ предметнымъ, (винительнымъ). Если дѣйствіе состоитъ въ произшествіи и выражается глаголомъ: то сей долженъ стоять въ неопредѣленномъ наклоненіи, показывающемъ значеніе глагола, подобно формѣ имени существительнаго, только со включеніемъ дѣйствія.

§ 187.

Если предметъ бываетъ опредѣленъ подробнѣе: то еіе можетъ произойти иногда посредствомъ приложенія, иногда посредствомъ падежей и словъ, отношеніе означающихъ, соединенныхъ съ существительными именами, иногда посредствомъ совокупленія предложеній. Въ семъ случаѣ глаголъ, собственно говоря, перестаетъ дѣйствовать, но вступаютъ въ управленіе прочія слова.

§ 188.

Часто же мысль, выражаемая глаголомъ, не только требуетъ предмета, но и цѣли, или стремленія дѣйствія, означаемаго также особеннымъ словомъ. Сіе стремленіе всего лучше показывается посредствомъ дательнаго падежа, или, гдѣ нѣтъ сего, посредствомъ предлога.

§ 189.

Страдательные глаголы относятся къ причинѣ, орудію, средству, коими произведено дѣйствіе. Слова, выражающія оныя, должны въ такомъ падежѣ и стоять, или соединиться съ предлогомъ, посредствомъ котораго то отношеніе яснѣе выражается.

§ 190.

Если дѣйствіе, или предметъ есть предложеніе: то сіе можетъ быть соединено съ глаголомъ, или посредствомъ союза, или посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія, подлѣ котораго подлежащее онаго предложенія, ставши предметомъ предложенія, должно стоять въ винительномъ падежѣ, (accusativus cum infinitivo).

§ 191.

Средніе глаголы содержатъ въ себѣ сказуемыя, которыя могутъ быть опредѣлены посредствомъ разныхъ падежей, и словъ, означающихъ отношеніе съ другими подлежащими, и о сихъ словахъ можно потомъ сказать, что они требуютъ такихъ падежей, или такихъ отношеній.

§ 192.

Если глаголы соединяются съ предлогами: то сіи измѣняютъ ихъ значеніе, такъ что они обыкновенно получаютъ особенное отношеніе къ тѣмъ предметамъ, на которые дѣйствуютъ, и посему управляютъ разными падежами, коихъ причину надобно искать всегда, въ особенныхъ отношеніяхъ, означенныхъ предлогами, соединенными съ глаголами.

§ 193.

Слова, которыя прибавляются къ словамъ, означающимъ подлежащее и сказуемое для пополненія смысла въ предложеніи, называются дополнительными словами.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О составленіи изъ словъ предложеній.

§ 194.

Когда подлежащее и сказуемое, посредствомъ сужденія, совокупляется; тогда бываетъ предложеніе. *Предложеніе* можетъ быть выражено однимъ и многими словами; подлежащее, глаголъ, и сказуемое составляютъ всѣ необходимыя части онаго.

§ 195.

Существенную часть въ предложеніи составляетъ глаголъ; но главное слово есть подлежащее, къ которому все относится, что объ немъ ни говорится. Что глаголъ принадлежитъ къ подлежащему, сіе видно изъ того, что онъ съ подлежащимъ поставляется въ одинаковомъ числѣ и родѣ, если сіи находятся въ глаголахъ языка, и что формою глагола означается и лице подлежащаго.

§ 196.

Предложенія бываютъ или *простыя*, или *сложныя*, смотря по тому, какъ одно, или многія выражаются въ нихъ сужденія.

§ 197.

Сложныя предложенія бываютъ или такія, въ которыхъ находящіяся предложені относятся только къ подлежащему, либо сказуемому одного предложенія, или многі предложенія поставляются въ какомъ либо отношеніи другъ къ другу. Первыя называются подробными, послѣднія соединительными предложеніями.

§ 198.

Въ подробныхъ предложеніяхъ можетъ быть подробно опредѣлено:

1. Подлежащее, соединеніемъ предложеній съ словомъ, подлежащее выражающимъ чрезъ возносительное мѣстоименіе, или чрезъ другіе союзы.

2. Сказуемое предложенія, также соединеніемъ предложеній съ словомъ, означающимъ сказуемое. И то и другое можетъ произойти *ограничительнымъ*, или объяснительнымъ образомъ, и первыя можно назвать *ограничительными*, послѣднія *объяснительными* предложеніями.

3. Если же при томъ сказуемое выражаетъ поступокъ и стремленіе, или страданіе: то слова дополнительныя (198)

(присоединяемыя), должны стоять въ одинакихъ падежахъ на томъ же мѣстѣ, или съ такими предлогами, либо союзами, съ какими стоятъ понятія, относящіяся къ поступку, стремленію, или страданію.

§ 199.

Соединительныя предложенія представляются, посредствомъ какого либо отношенія, взаимно другъ къ другу относящимися. Способомъ, къ выраженію взаимныхъ отношеній, служатъ союзы.

§ 200.

Союзы всегда употребляются тамъ, гдѣ сличаются два предложенія и тѣмъ опредѣляютъ ихъ отношеніе. Сіи отношенія суть:

1. Отношенія *согласія*, онѣ выражаются:

a) *Въ соединительныхъ* предложеніяхъ чрезъ союзъ *и*, которой означаетъ только, что два, или многія предложенія въ умѣ соединяются, не смотря на то, находятся ли между ихъ содержаніемъ согласіе, или нѣтъ.

b) *Въ сравнительныхъ* предложеніяхъ, когда предложенія сравниваются одно съ другимъ по ихъ роду, образу, или степени.

c) *Уступительныя* предложенія премѣняютъ видимое противорѣчіе въ согласіе.

2. Отношенія *противоположности*:

a) Въ *раздѣлительныхъ*, или взаимно другъ друга исключающихъ предложеніяхъ. Всѣ предложенія представляются подъ однимъ понятіемъ, какъ нѣкое довершенное цѣлое, однакожъ такъ, что одно другое уничтожаетъ.

b) *Противныя*, или совершенно, или отъ части уничтожающія другъ друга предложенія.

3. Отношенія *времени*:

a) *Современности*:

b) *Послѣдованія*, или *наслѣдованія*, *продолжительныя* предложенія.

4. Отношеніе *зависимости*:

a) Зависимость ставленія какого либо предложенія отъ представленія.

b) Одно предложеніе представляется основаніемъ другаго. *Наносительныя* предложенія.

c) Одно причиною, другое дѣйствіемъ. *Виносдовныя* предложенія.

d) Одно условіемъ другаго. *Условныя* предложенія.

e) Одно цѣлію предшествующаго. *Конечныя* предложенія.

f) Одно содержащимся въ понятіи другаго. *Подчиненныя* предложенія.

g) Одно слѣдствіемъ другаго. *Послѣдовательныя* предложенія.

§ 201.

Въ предложеніяхъ можно также различать родъ и образъ, какъ онѣ выражаются. Сіи различія должны быть изображаемы посредствомъ наклоненія глаголовъ, или гдѣ сихъ нѣтъ, посредствомъ нарѣчій, или союзовъ.

Раздѣленіе предложеній, по сему различію, видно изъ § 139.

§ 202.

Посему предложенія раздѣляются:

I. *На умозрительныя:*

1. *Безусловныя*, или *самосостоятельныя* предложенія, выражаемыя посредствомъ изъявительнаго наклоненія.

2. *Условныя*, *зависимыя*, или *относительныя*, относящіяся и зависящія отъ другихъ. Сіе показывается, то *сослагательнымъ* наклоненіемъ, то *неопредѣленнымъ*, то *союзомъ*.

3. *Проблемматическія*, или *вопросительныя* предложенія, обнаруживаемыя,

то какимъ либо особеннымъ накло неніемъ, то нарѣчіемъ.

II. *Практическія:*

1. *Требовательныя, или повелительныя* означаемыя повелительнымъ накло неніемъ.

2. *Желательныя,* означаемыя желатель нымъ наклоненіемъ.

§ 203.

Не только глаголъ неопредѣленной, но и опредѣленной можетъ быть употребляемъ къ составленію предложеній, когда къ нимъ присоединяются подлежащія, опредѣляющія то лице, къ которому они относятся.

Впрочемъ они всегда выражаютъ только зависимыя предложенія, и слѣдовательно должны быть употребляемы въ соединеніи съ другими предложеніями.

Нарѣчія т. е. возможные способы выражать предложенія, обыкновенно выражаются формою неопредѣленнаго наклоненія.

§ 204.

Равнымъ образомъ могутъ быть употребляемы причастія и дѣепричастія, для выраженія предложеній, имѣющихъ связь съ другими въ тѣхъ языкахъ, въ коихъ подобныя формы допускаются.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О соединеніи предложеній въ Періоды.

§ 205

Если въ одномъ предложеніи соединяются многія, изъ коихъ ни одно само собою состоять не можетъ, но всѣ вмѣстѣ служатъ къ полному выраженію главной мысли; то такое сложное предложеніе называется *Періодомъ*.

§ 206.

И такъ въ Періодѣ могутъ встрѣтиться всѣ части рѣчи, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ. Предложенія же, въ ономъ встрѣчающіяся, могутъ быть:

1. Главное предложеніе, къ объясненію и опредѣленію коего всѣ прочія способствуютъ.

2. Побочныя предложенія, служащія къ объясненію и опредѣленію главнаго.

§ 207.

Многіе Періоды, соединенные другъ съ другомъ, для изложенія какой либо матеріи, составляютъ *рѣчь*. Соединеніе Періодовъ должно происходить посредствомъ словъ въ *одной* рѣчи, такъ, что одинъ Періодъ помощію языка примыкается къ другому.

§ 208.

Способами сего совокупленія служатъ союзы, возвратныя мѣстоименія, нарѣчія,

или другіе обороты языка, указывающіе на предъидущія, или послѣдующія предложенія.

§ 209.

Впрочемъ не каждое удобомыслимое понятіе въ языкѣ бываетъ выражено особеннымъ словомъ. Нѣкоторыя слова и нарѣчія (redensarten) самымъ своимъ мѣстомъ и связью возбуждаютъ другія понятія, которыя тогда означаются не такъ-то подробно словами. Тановыя правильныя опущенія называются *Еллипсисами*, для которыхъ навыкъ и употребленіе языка составляетъ особенныя привила. *Еллипсисы* дѣлаютъ языкъ краткимъ и сильнымъ; хотя, будучи необычайны, легко могутъ смыслъ затмить.

§ 210.

Если расположеніе словъ дѣлаетъ смыслъ затруднительнымъ: то надобно ставить ихъ Логическимъ порядкомъ. Такое совокупленіе словъ по Логическому порядку мыслей называется *Слобосочиненіемъ*.

§ 211.

Нѣкоторые языки слѣдуютъ Логическому порядку мыслей строже другихъ. Благозвучіе, крѣпость, привычка болѣе, или менѣе дѣйствуютъ на языки, и разумъ долженъ напрягаться въ одномъ болѣе, нежели

вѣ другомѣ, дабы совокупныя мысли совокупно понять. Поелику размѣщенія словѣ наиболѣе зависятѣ отѣ случая, и многообразно возможны; то Всеобщая Грамматика не можетѣ для сего преподать никакихѣ правилѣ.

§ 212.

Выговорѣ словѣ можетѣ произвесть великое различіе вѣ ихѣ значеніи; а посему во многихѣ языкахѣ много зависитѣ отѣ того, какѣ слоги произносятся, высоко, или низко, кратко, или долго, медлительно или скоро.

§ 213.

Область произвола, вѣ разсужденіи сихѣ видоизмѣненій, кажется, столь велика, что всѣ всеобщія правила показались бы недостаточными. Извѣстно только то, что пѣснообразное было собственностію многихѣ языковѣ, а вѣ нѣкоторыхѣ и по нынѣ находится. Но сіе, кажется, имѣетѣ болѣе вліянія на чувствованія, нежели на измѣненія и опредѣленіе мыслей.

§ 214.

Долгота и краткость слоговѣ во многихѣ языкахѣ не только производятѣ различіе вѣ словахѣ, но перемѣна ихѣ доставляетѣ языку нѣкоторую особенную красоту и бла-

гозвучіе; однакожъ для сего нѣтъ никакихъ всеобщихъ правилъ. Познаніе правилъ касательно слогоизмѣренія словъ въ какомъ либо языкѣ называется *Просодіею.* Всеобщая Грамматика не можетъ знать никакихъ правилъ Просодіи.

§ 215.

Наконецъ состояніе человѣческой души можетъ быть открыто посредствомъ качества звука, съ каковымъ слова произносятся; равно, какъ и посредствомъ тѣлодвиженія, коими слова сопровождаются. Звуки и тѣлодвиженія въ семъ случаѣ сообщаютъ словамъ смыслъ, коего значеніе должно быть объяснено изъ правилъ Анөропологіи; для того и сіи правила къ Грамматикѣ не принадлежатъ. *Звукъ* голоса, равно какъ и *тѣлодвиженіе* суть знакъ совсемъ различной отъ *членообразнаго* звука, которой единственно составляетъ предметъ Всеобщей Грамматики.